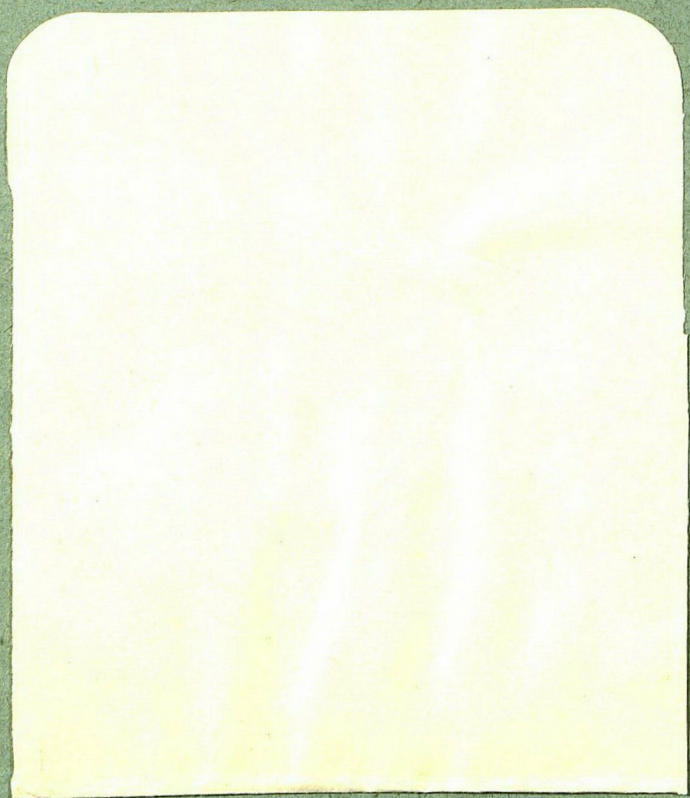

МЕРЦАЛОВ
ОТ
ПЕТРОЗАВОДСКА ДО
ИЕРУСАЛИМА
И ОБРАТНО
1-2

E 95/506

B. 1-2

Э 95
506

26133-0

ПЕТРОЗАВОДСКА ДО ИЕРУСАЛИМА
И
ОБРАТНО.

(Путевыя замѣтки и впечатлѣнія паломника).

Выпускъ первый.

Печатано въ
Святи. Е. Мери

2007097821

[9.5
506.

До Іерусалима.

© 2005 by the Board of Regents of the University of Wisconsin System

ОТЪ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО ІЕРУСАЛИМА И ОБРАТНО.

(Путевыя замѣтки и впечатлѣнія паломника).

Предисловіе.

Мысль посѣтить Св. Землю, гдѣ жилъ и страдалъ за насъ Господь нашъ І. Христосъ, помолиться у живоноснаго Гроба Христова,—мысль эта давно занимала меня; но Господь долгое время не благословлялъ привести ее въ исполненіе: то недостатокъ времени и денегъ, то недостатокъ мужества и энергіи мѣшали тому. Назначенный случайно въ сѣверный край Россіи на духовно-училищную службу, я дѣлалъ, что могъ, удовлетворяя своему религіозному чувству—былъ на Валаамѣ и въ Соловахъ, посѣтилъ неоднократно и Кіевъ съ его святынями. Настало наконецъ и время благопріятное для осуществленія завѣтной мысли—для путешествія во Св. Землю, и настало сверхъ всякаго ожиданія. Въ нынѣшнемъ году лѣтнія каникулы, по случаю капитальнаго ремонта семинарскихъ зданій, предполагались продолжительныя, накопилось и съ сотню свободныхъ денегъ, а тутъ предъ Пасхой въ хроникѣ одного изъ № газеты „Свѣтъ“ пришлось прочесть такого рода сообщеніе: „Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшена поѣздка учениковъ Казанской І-й гимназіи въ Палестину, Египеть, Грецію и т. п. Поѣздка во время каникулъ предполагается въ сопровожденіи преподавателя гимназіи г. Горталова, члена палестинскаго общества. Ученики посѣтятъ, между прочимъ, Константинополь, Аѳины, Каиръ, Александрію и Іерусалимъ; расходы по поѣздкѣ опредѣлены не болѣе 100 руб. на собственный счетъ каждаго ученика“. Это сообщеніе какъ нельзя лучше отвѣчало моему завѣтному желанію посѣтить св. Землю; оно подогрѣвало его и закрѣпляло. Подъ вліяніемъ этого газетнаго сообщенія у меня даже созрѣла рѣшимость совершить путешествіе въ нынѣшнемъ же году и, если можно, вмѣстѣ съ казанскими гимназистами. Правда, гимназисты, судя по газетному сообщенію, предпринимали скорѣе научную экскурсію на востокъ, чѣмъ паломничество въ строгомъ смыслѣ этого слова, но это, по моему убѣжденію, нисколько не могло помѣшать моему собственному паломничеству. Между тѣмъ предпринимаемое въ обществѣ съ г. Горталовымъ оно многое могло обѣщать моему ученому любознательности. Я рѣшилъ писать г. Горталову, рѣшился заявить ему о своемъ желаніи путешествовать вмѣстѣ съ нимъ и спросить о времени отъѣзда изъ Казани и возвращенія изъ-за-границы. Но только что отправлено было письмо, какъ въ полученномъ № той-же газеты „Свѣтъ“, въ хроникѣ, пришлось прочесть слѣдующее сообщеніе по интересовавшимъ меня вопросамъ. „Въ маѣ, печаталось тамъ, предполагается поѣздка учениковъ Казанской гимназіи въ Турцію, Палестину и Египеть. Участники въ числѣ 20 человекъ посѣтятъ: Константинополь, Аѳи-

пы, Александрію, Каиръ и Палестину. Въ Константинополь и Каиръ предположено пробыть по одной недѣлѣ, а Іерусалимъ и его окрестностяхъ 2 недѣли. Все путешествіе продолжится съ 18 мая и по 20-е іюля“. Итакъ, относительно времени путешествія я могъ быть спокоенъ вполне, — продолжительныя лѣтнія каникулы не только позволяли совершенно свободно совершить поѣздку, совмѣстно съ гимназистами, но и давали полную возможность хорошенько отдохнуть послѣ утомительнаго путешествія. Векоръ было получено и благопріятное извѣстіе отъ г. Горталова. Выражая удовольствіе по поводу изъявленнаго мною желанія путешествовать съ нимъ совмѣстно (быть „сопутникомъ“ его, какъ сказано въ письмѣ), г. Горталовъ сомнѣвался однако въ возможности для меня начать путешествіе одновременно съ нимъ (вѣроятно, онъ предполагалъ, что у насъ каникулы начнутся не ранѣе іюня), но въ то же время сообщалъ, что если я выѣду изъ Одессы 4 или 6 іюня, то во всякомъ случаѣ настигну ихъ въ Смирнѣ, такъ какъ, выѣхавъ изъ Казани 21 или 22 мая, а изъ Одессы 30-го, они сначала поѣдутъ чрезъ Константинополь въ Аонны, а уже оттуда чрезъ Смирну въ Палестину. Такимъ образомъ нагнавъ ихъ въ Смирнѣ, я могъ путешествовать съ ними до Палестины, по Палестинѣ и Египту до Пирея; здѣсь я могъ, по письму, разстаться съ ними, чтобы посѣтить Аонны, гдѣ они уже были, и захватить затѣмъ на Аонъ; а они, пробывъ 4 дня въ Константинополь, придутъ въ Одессу 18 іюля. — Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ г. Горталовымъ предупредительно присланы были двѣ брошюры, крайне необходимыя для предпринимающаго путешествіе ко св. мѣстамъ Палестины и Востока, это 1) „Наставленіе православному паломнику“, гдѣ кратко (по пунктамъ) изложено, какіе документы требуются для отправляющагося во св. Землю, какъ и гдѣ берется заграничный (паломническій) паспортъ, какъ совершается самое путешествіе въ Іерусалимъ и обратно, и 2) „Поѣздка въ Іерусалимъ“ *) П. П. Свѣцкаго, члена Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, гдѣ подробнѣе излагаются свѣдѣнія необходимыя для русскаго паломника, ѣдущаго въ Іерусалимъ или на Аонъ (изъ этихъ 2 брошюръ — въ первой г. Горталовымъ любезно отмѣчено было карандашомъ, что заграничный паспортъ, взятый у мѣстнаго губернатора, стоитъ 10 рублей, а въ Одессѣ у г. градоначальника обходится только въ 3 рубля). Итакъ, ѣхать въ Палестину и др. св. мѣста востока теперь, повидимому, мнѣ уже ничто не мѣшало, — оставалось только испросить благословеніе своего любвеобильнаго Владыки на предпринимаемое путешествіе, такъ какъ благословеніе это имѣло для меня весьма важное значеніе: благословить Владыка, думалъ я, стало-быть и Господь благословляетъ, а не благословить, стало-быть и воли Божіей пѣтъ на это мое путешествіе, хотя бы и все внѣшнія обстоятельства вполне благопріятствовали тому. И я отправился ко Владыкѣ.

Владыка, по своему обычаю, привѣтливо встрѣтилъ меня и внимательно выслушалъ.

*) «Наставленіе» высылается или выдается бесплатно, а книжка г. Свѣцкаго стоитъ только 15 копѣекъ.

Онъ самъ, въ бытность свою законоучителемъ гимназій, совершилъ паломничество во Святую Землю, а потому на опытъ такъ сказать зналъ, что это за путешествіе и какое оно имѣеть важное значеніе для лица духовнаго. Великую пользу отъ предпринимаемаго паломничества Владыка предвидѣлъ и для меня, а потому, разспросивъ о денежныхъ средствахъ и времени отъѣзда и призвавъ Божіе благословеніе на осуществленіе моего благаго намѣренія, онъ проникновенно сказалъ: „это путешествіе будетъ имѣть на васъ самое благотворное вліяніе“. Затѣмъ, отпуская отъ себя, любвеобильный Владыка просилъ передъ отъѣздомъ снова зайти къ нему проститься и получить нѣкоторые совѣты и указанія, которыя могли мнѣ очень пригодиться во время продолжительнаго и нелегкаго путешествія; въ то же время онъ обѣщаль написать въ Петербургъ къ одному изъ главныхъ членовъ Палестинскаго Общества, прося его дать мнѣ нужныя и полезныя свѣдѣнія. Радостный и довольный оставилъ я Владыку, мысленно благодаря Господа Бога, видимо благословлявшаго меня осуществить завѣтную мысль, и Владыку за его сочувствіе и отеческую заботливость обставить самое путешествіе мое возможнымъ спокойствіемъ и удобствами. Радостно сталъ собираться я въ дорогу, рассчитывая числа 18-го мая выѣхать изъ Петрозаводска и въ Петербургъ взять паломническую книжку, 22-го на нѣсколько часовъ заѣхать на родину къ матери и 27 быть въ Одессѣ, чтобы затѣмъ 30-го начать путешествіе вмѣстѣ съ г. Горталовымъ. Радостное настроеніе, однако, продолжалось не долго. Прежде всего, меня немного непріятно поразило слѣдующее новое извѣстіе газеты „Свѣтъ“ относительно экскурсіи казанскихъ гимназистовъ. „Въ экскурсіи, писалось тамъ, выразило желаніе принять участіе 20 учениковъ и 15 *человѣкъ постороннихъ*, въ томъ числѣ докторъ медицины, приватъ-доцентъ московскаго университета В. К. Недзвѣцкій, одинъ земскій врачъ (Симбирской губерніи), фельдшеръ, учитель (изъ Петербургской губерніи) и др.“! Вотъ это-то участіе въ экскурсіи гимназистовъ 15-ти стороннихъ лицъ, врачей, фельдшера и под., которыхъ, какъ мнѣ казалось, скорѣе влекла одна любознательность, чѣмъ религіозная потребность, и не нравилось мнѣ: ихъ сообщество, при извѣстномъ настроеніи, могло внести не совѣмъ желательныя явленія въ мое собственное паломничество, могло доставлять внутреннюю скорбь тамъ, гдѣ ея вовсе не могло бы быть при другомъ сообществѣ. Затѣмъ, стали появляться извѣстія о чумѣ въ Александріи. Правда, телеграфъ сообщалъ, что было преемственно только четыре заболѣванія и что заболѣванія эти не эпидемическаго характера, но все-таки извѣстія о чумѣ не могли не беспокоить меня. Во 1-хъ, могла не состояться экскурсія гимназистовъ, такъ какъ начальство гимназическое, всегда чутко относящееся къ насущнымъ интересамъ и потребностямъ своихъ питомцевъ, могло совѣмъ отмѣнить предпринимаемую ими заграничную поѣздку въ виду неблагополучныхъ слуховъ изъ Александріи, и 2-е, главное — усилься чума и самое путешествіе въ Палестину будетъ сопряжено съ непріятностями карантина и душевною тучею. Наконецъ, душевная скорбь шла иногда съ той стороны, откуда менѣе всего мож-

но было ожидать. Приходилось слышать иногда по своему адресу текія рѣчи со стороны: „Зачѣмъ это онъ такъ много хочетъ тратить на себя (около 300 р.)? Отослалъ бы дорожные деньги матери или роднымъ; это лучше было бы поѣздки“. Не правду ли говорятъ люди? думалось мнѣ тогда; не послѣдовать ли совѣту ихъ?—Но полученное вскорѣ письмо отъ матери, которой я писалъ о своей поѣздкѣ, разрѣшило это недоумѣніе. Мать извѣщала, что она очень рада, что я собрался ѣхать во Св. Землю, благословляетъ и только проситъ, въ виду ея старости и дальности путешествія, заѣхать про-ститься. „Не меньше радуются моей поѣздкѣ и родные“, подумалъ я, прочитавъ письмо матери и пересталъ думать о слышанныхъ мною рѣчахъ. Очень скоро перестали смущать меня и извѣстія о чумныхъ заболѣваніяхъ въ Александріи, такъ какъ я узналъ, что Палестинское Общество немедленно прекращаетъ выдачу паломническихъ книжекъ, какъ скоро появляется чумная или холерная эпидемія на востокѣ, будетъ ли то въ Александріи или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и самое паломничество тогда во Св. Землю прекращается.—Я написалъ г. Горталову, что ѣду вмѣстѣ съ нимъ и къ 30 буду въ Одессѣ, въ полной надеждѣ, что если эскурсія гимназистовъ не состоится (будетъ отменена), то онъ не замедлитъ извѣстить меня, а самъ продолжалъ дѣятельно собираться въ дорогу: побывалъ у людей, путешествовавшихъ въ Палестину,—а такіе есть въ г. Петрозаводскѣ,—досталъ нужную сумму денегъ и при томъ такую, чтобы отъ Одессы до Яффы можно было совершить переѣздъ на пароходѣ во 2-мъ классѣ безъ продовольствія (безъ продовольствія потому, что плата за продовольствіе показалась мнѣ слишкомъ велика—не менѣе 2-руб. 40 коп. въ сутки, а я надѣялся продовольствоваться дешевле), ¹⁾ и выправилъ нужные документы: а) видъ на жительство въ Россіи или увольнительный билетъ отъ своего непосредственного начальства и б) свидѣтельство мѣстной полиціи о безпрепятственности выѣзда за границу, которое выдалъ мнѣ нашъ г. Полиціймейстеръ (оба эти документы, по словамъ „Наставленія православному русскому паломнику“, крайне необходимы для каждаго, отправляющагося во св. Землю или на Афонъ, такъ какъ безъ нихъ трудно и даже невозможно получить въ Одессѣ заграничнаго паломническаго паспорта). Правда, мнѣ какъ духовному лицу, хотя и состоящему на духовно-училищной службѣ, необходимо было имѣть еще увольнительное свидѣтельство за границу и отъ своего епархіального начальства (объ этомъ какъ слѣдуетъ узналъ я послѣ); но такъ какъ „Наставленіе паломнику“ совѣтъ не упоминало о томъ, то я и не сталъ беспокоить епархіальное начальство просьбою о выдачѣ подобнаго свидѣтельства, тѣмъ болѣе, что передъ отъѣздомъ имѣлъ получить отъ Владыки особый документъ на право безпрепятственнаго совершенія священнослуженія во св. мѣстахъ; а въ этомъ документѣ обычно прописывается, что извѣстное духовное лицо своимъ епархіальнымъ Владыкою уполнено за границу на извѣстный срокъ ²⁾.— 18 мая было уже близко.

1) Въ 3-мъ классѣ мнѣ никто не совѣтовалъ; слишкомъ безслескойно и неудобно, говорили.

2) Свидѣтельство мѣстнаго Архіерея на право совершенія священнослуженія во св. мѣстахъ

16-го Владыка собирався уѣзжать по обозрѣнію епархіи, а потому 15-го я и явился къ нему принять напутственное благословеніе. Мнѣ навсегда останется памятнымъ тотъ полный благожеланія, истинно отеческій пріемъ, который нашелъ я у Владыки. Освѣдомившись о днѣ отѣзда и мѣстахъ предполагаемыхъ остановокъ за границей, онъ началъ давать цѣнные, дорогіе для меня совѣты и наставленія относительно того, гдѣ непременно нужно остановиться, у кого побывать, чего остерегаться и чѣмъ запастись; и въ тоже время сообщалъ собственныя свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ въ свое время изъ поѣздки въ Палестину. Много говорилъ Владыка о маститомъ столѣтнемъ, здравствовавшемъ еще, блаженнѣйшемъ патріархѣ Александрійскомъ Софроніи, о свѣжести его силъ и величественности, о вниманіи къ нему, тогда паломнику законоучителю (патріархъ предложилъ за литургіей въ установленное время прочитывать символъ вѣры на славянскомъ языкѣ); говорилъ не мало и о нѣкоторыхъ членахъ іерусалимской миссіи (русской), изъ которыхъ одинъ продолжалъ служить и въ настоящее время. Но этого мало. Владыка собственно ручно при мнѣ написалъ письмо одному изъ старѣйшихъ петербургскихъ протоіереевъ, бывавшему въ Палестинѣ и немало писавшему о ней, прося и его снабдить меня необходимыми и полезными указаніями, и письмо это вручилъ мнѣ для передачи. Растроганный до глубины души вышелъ я отъ Владыки, напутствованный его святительскими благожеланіями, незамѣтно пробывъ у него часа полтора. Ни чума въ Александріи, ни трудности далекаго пути, ни что уже теперь не смущало меня. Въ отеческомъ напутствіи Владыки я видѣлъ волю Божію, видѣлъ, что Господь благоустроитъ мой путь, и вѣрилъ, что Онъ поможетъ мнѣ и благополучно совершить его. Итакъ, съ Господомъ въ путь!

І.

Отъ Петрозаводска до Константинополя.

18 мая. Петрозаводскъ хотя и губернской городъ, но небольшой и не промысловый; отсюда, неудивительно, если въ жизни его встрѣчаются такія явленія, которыя обыкновенно характеризуютъ собою жизнь небольшихъ уѣздныхъ городовъ центральной Россіи: такое же отсутствіе серьезныхъ запросовъ жизни большинства и такая же падкость до всего поваго, будетъ-ли то что-либо серьезное, дѣльное или же, наоборотъ, простая выдумка досужаго ума. Всѣ всѣхъ знаютъ и знаютъ все о всѣхъ и каждомъ; поистинѣ, здѣсь ничего не можетъ быть сдѣлано, что бы могло утаиться отъ другихъ. Не утаилась,

востока крайне необходимо имѣть паломнику—іерею или діакону, отправляющемуся въ Палестину, иначе онъ рискуетъ остаться вовсе безъ священнослуженія или участія въ немъ за все время своего пребыванія за границей, а это крайне тяжело для лица священнаго.

разумѣтся, отъ города и моя поѣздка въ Иерусалимъ, и я естественно сдѣлался предметомъ вниманія не знакомыхъ только и мало знакомыхъ, но и тѣхъ, которыхъ совсѣмъ не зналъ до этого времени. Одни поздравляли и радовались за меня, другіе завидовали, третьи просили молитвъ во св. мѣстахъ, четвертые давали денегъ на масло и свѣчи предъ Гробомъ Господнимъ, а пятые просто просили привести что-нибудь на память оттуда. И дѣлалось это иногда совсѣмъ для меня неожиданно и даже курьезно. Прохожу, напр., въ полицію за свидѣтельствомъ о безпрепятственности выѣзда за границу; его немедленно выдаютъ и въ тоже время любезно вручаютъ нѣсколько денегъ, съ словами: „на свѣчи ко Гробу Господню“; или ѣду по городу на извозникъ; тотъ, обернувшись, неожиданно спрашиваетъ: „правда-ли, батюшка, вы ѣдете въ Иерусалимъ?“—Отвѣчаю: правда. Тотъ останавливаетъ лошадь, проворно достаетъ коп. 20 денегъ и, подавая, тоже проситъ поставить свѣчку у Гроба Господня. Я хорошо понималъ добрыя чувства просившихъ и посылавшихъ, а потому и не отказывался принимать посылаемое ко Гробу Господню, какъ бы ни было оно мало или велико, надѣясь съ помощію Божіею исполнить благое порученіе или просьбу каждаго.—Пароходъ 18 мая долженъ былъ отойти, по обычаю, въ 4 часа вечера. За суетою сборовъ и посѣщеній, а главное за ремонтомъ церкви, мнѣ не удалось отслужить напутственнаго молебна утромъ въ этотъ день. Съ душевною скорбію отложилъ было я совершеніе его (этого молебна) до пріѣзда на родину, но Господь видимо пекся обо мнѣ и въ этомъ случаѣ. Пароходъ почему то запоздалъ въ этотъ день временемъ отхода: вмѣсто 4-хъ часовъ онъ уходилъ въ 8 часовъ вечера. Узнавъ объ этомъ уже по пріѣздѣ на пароходъ, я мысленно возблагодарилъ Господа за совершившуюся перемѣну. Въ половинѣ 5-го, оставивъ багажъ, направился я къ мѣстному соборному храму, гдѣ и отслужилъ напутственный молебенъ; затѣмъ отстоялъ здѣсь вечерню и на возвратномъ пути зашелъ проститься къ одному изъ уважаемыхъ мною лицъ. Не было еще и 7 часовъ, когда я вернулся на пароходъ; публики, однако, на пристани было уже порядочно. За скудостью мѣстъ общественнаго увеселенія и прогулокъ, время отхода парохода всегда бываетъ временемъ большаго стеченія горожанъ на пристани—приходятъ проводить, посмотрѣть, погулять или просто развлечься. Нисколько неудивительно поэтому—что и къ времени отхода нашего парохода (всякія перемѣны отхода быстро какъ-то становятся извѣстными городу) собралась масса публики на пристань,—въ виду бывшей ясной погоды. На этотъ разъ среди провожатыхъ были и мои знакомые, которые пришли еще разъ проститься и пожелать счастливаго пути. Меня особенно тронуло то обстоятельство, что среди провожатыхъ были и такія лица, которыхъ мнѣ не пришлось посѣтить предъ своимъ отъѣздомъ. Господь да воздастъ имъ за ихъ доброе сердце и расположеніе ко мнѣ! „И я не забуду помянуть ихъ, когда Господь сподобитъ меня быть у Его Живоноснаго Гроба!“ подумалъ я. Вотъ раздался 2-й свистокъ; провожающіе стали понемногу оставлять пароходъ, прощаясь съ отъѣзжающими. Слышались благожеланія, наказы и просьбы, смѣхъ, радость и слезы: и

отъѣзжающимъ и остающимся замѣтно хотѣлось подольше продлить время прощальнаго свиданія, хотѣлось какъ бы наговориться на все время предстоящей разлуки. Но послѣдній свистокъ заставилъ торопливо удалиться съ парохода и всѣхъ запоздавшихъ. Я взошелъ на капитанскую рубку. Прощальныя восклицанія отъѣзжающихъ и провожающихъ продолжались. Сняли, однако, сходню. Пароходъ задымилъ, вздрогнулъ едва замѣтно и плавно началъ отчаливать отъ пристани. Набожно перекрестились отъѣзжающіе; прощальныя возгласы усилились; въ воздухѣ замелькали шляпы, фуражки и платки. Пройдя заднимъ ходомъ нѣсколько сотъ шаговъ и взявъ курсъ, пароходъ на всѣхъ парахъ пронесся снова невдалекѣ отъ той же пристани при взаимномъ маханіи провожающихъ и отъѣзжающихъ. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ; въ воздухѣ было очень свѣжо; но мнѣ не хотѣлось уходить съ палубы. Я продолжалъ смотрѣть на пристань и городъ. Вотъ народъ сталъ расходиться; вотъ его едва можно стало различать; начали сливаться очертанія домовъ и улицъ; не видно стало и города, только благолѣпный соборный храмъ долго еще продолжалъ бѣлѣть на далекой окраинѣ озера. Прощай Петрозаводскъ! Скоро-ли придется увидѣть тебя?...

19 мая. Отъ Вознесенія вышли въ обычное время; плывемъ по Свири. Воды очень много, какъ никогда; берега начинаютъ зеленѣть,—не то что въ Петрозаводскѣ. Холодный сильный вѣтеръ продолжалъ дуть; нѣкоторые поговариваютъ о качкѣ на Ладожскомъ озерѣ; но бывалые успокаиваютъ, говоря что, весенній вѣтеръ не то же, что осенній, его бояться нечего—качки не будетъ. И послѣднее оказывается вѣрнымъ. Посреди Ладожскаго озера тамъ, гдѣ кромѣ неба и воды кругомъ ничего не бываетъ видно съ парохода, два раза поднимался я на капитанскую рубку, гдѣ и просиживалъ, несмотря на холодъ, минутъ 5—10, приучая себя къ морскому невеселому виду.

20 мая. Въ Петербургъ прибыли въ 9 часу утра. Долго задерживаться здѣсь не приходилось, а потому наскоро собравшись, прямо же съ парохода отправился я въ Палестинское Общество, чтобы представиться одному изъ его членовъ и ктати приобрести паломническую книжку. По пути заходилъ въ Казанскій соборъ помолиться предъ чудотворною иконою Божіей Матери и приложиться къ ней. Зашелъ было и къ о. протоіерею, на имя котораго у меня было письмо; но его не оказалось дома: по словамъ прислуги, о. протоіерей рано утромъ уѣхалъ куда-то со св. иконою въ окрестности Петербурга и возвратится не ранѣе 6 или 7 часовъ вечера. Что было дѣлать? Видѣть о. протоіерея было нужно; крайне желалось побесѣдовать съ нимъ о Палестинѣ и путешествіи туда; но въ то же время и ожидать его возвращенія было нельзя—нужно было выѣхать изъ Петербурга не позже 3¹/₂ часовъ дня, иначе могла произойти непріятная задержка въ Москвѣ, которая въ свою очередь могла повлечь за собою несвоевременный пріѣздъ въ Одессу. Въ раздумьи пошелъ я отсюда въ Палестинское Общество. Свиданіе съ однимъ

изъ его членовъ, которому писали о мнѣ, поддерживало бодрость духа и умѣряло неприятность неудачи у о. протоіерея. Но въ Палестинскомъ Обществѣ ожидало меня подобное же испытаніе. Въ канцеляріи сообщили, что спрошеннаго мною лица совѣмъ нѣтъ въ Петербургѣ и не скоро будетъ. А такъ какъ мнѣ нужно было разрѣшить здѣсь нѣкоторые недоумѣнія и навести справки, то говорившій со мною любезно предложилъ собственныя услуги. Сначала спросилъ я о документахъ: достаточно ли ихъ со мною, чтобы безпрепятственно получить въ Одессѣ заграничный паспортъ. Тотъ пересмотрѣлъ документы и сказалъ, что вполне достаточно. „Правда, оговорился онъ, вамъ слѣдовало бы имѣть увольнительное свидѣтельство за границу и отъ Епархіальнаго Начальства; но у васъ есть вотъ свидѣтельство мѣстнаго Владыки (при этомъ онъ указалъ на свидѣтельство, выданное мнѣ на право безпрепятственнаго совершенія священнослуженія за границею), гдѣ упоминается, между прочимъ, что вы уволены имъ за границу, — его (это свидѣтельство) и приложите, когда будете подавать Одесскому градоначальнику прошеніе о выдачѣ заграничнаго паспорта, только не забудьте оговориться, чтобы свидѣтельство это возвратили вамъ при выдачѣ заграничнаго паспорта, иначе (безъ него) вамъ не позволятъ священнодѣйствовать ни въ Іерусалимѣ, ни въ его окрестностяхъ и не въ греческихъ только церквахъ, но и въ русскихъ“. У меня напрашивался было вопросъ, «лушая эти слова, почему же о такомъ нужномъ документѣ, какъ увольнительное свидѣтельство *за границу* отъ мѣстнаго Епархіальнаго Начальства вовсе не упоминается въ „Наставленіи паломнику“, когда тамъ говорится о духовныхъ лицахъ; но такъ какъ это во 1-хъ была только неточность, мелочь, а въ отношеніи ко мнѣ исключительный случай, и во 2-хъ къ дѣлу мало относилось, а между тѣмъ были болѣе серьезныя недоумѣнія и вопросы, то я и перевелъ рѣчь на паломническую книжку. Книжкѣ этой до поѣздки въ Палестину мнѣ все не приходилось видѣть и я, понятно, совѣмъ не представлялъ, какъ по ней совершаютъ путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ. Мнѣ, напр., необходимо было заѣхать среди пути на родину, а я не зналъ, можно ли это сдѣлать имѣя книжку, и если можно, то какъ. Последнее свое недоумѣніе я и сообщилъ служащему. Тотъ объяснилъ, что паломническая книжка состоитъ изъ отрывныхъ купоновъ, по которымъ на извѣстныхъ пунктахъ берутся паломниками обычные билеты, съ которыми они и совершаютъ путь на общихъ основаніяхъ. А такъ какъ мнѣ нужна была такъ называемая „смѣшанная“ паломническая книжка (до Одессы по желѣзной дорогѣ въ 3 классѣ и отъ Одессы на пароходѣ во 2-мъ безъ удовольствія), и въ Москвѣ, равно какъ и Кіевѣ задерживаться я не намѣренъ былъ, то говорившій со мною и не совѣтовалъ мнѣ брать паломническую книжку въ Петербургѣ: „пользы или экономіи, сказалъ онъ, отъ нея не будетъ, а безпокойство можетъ быть.— По паломнической книжкѣ, пояснилъ онъ, до Одессы вамъ придется брать билетъ 4 раза: здѣсь, т. е. въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Курскѣ и Кіевѣ,—а это во всякомъ случаѣ сопряжено съ безпокойствомъ; между тѣмъ, безъ книжки вы можете взять билетъ здѣсь только однажды—прямо до Одессы и въ этомъ последнемъ случаѣ даже выгадаете

нѣсколько въ платѣ за проѣздъ, правда очень мало, но все-таки выгадаете“. — Тогда за-чѣмъ же существуютъ паломническія книжки? невольно спросилъ я. Онъ объяснилъ и это. — „Паломническія книжки, сказалъ онъ, существуютъ и очень полезны для тѣхъ паломниковъ, которые по пути останавливаются въ Москвѣ и Кіевѣ; но онѣ важны, нужны и для всѣхъ вообще *бѣдныхъ* паломниковъ, совершающихъ путешествіе во Св. Землю въ 3-мъ классѣ, обезпечивая этимъ послѣднимъ ихъ возвратный путь. Обитатели Иерусалима, какъ быть можетъ и вамъ извѣстно, любятъ очень деньги и всячески стараются выманить ихъ у паломниковъ. Отсюда нерѣдко бывали случаи, что бѣдные простосердечные паломники истрачивали тамъ до отбѣзда всѣ свои путевыя деньги и возвратиться на родину имъ было уже не съ чѣмъ; при паломнической же книжкѣ послѣдняго случиться не можетъ“. Выслушавъ это, я сталъ настаивать на необходимости паломнической книжки и для себя, въ тѣхъ видахъ, чтобы и себѣ обезпечить ея возвратный проѣздъ. — „Если такъ, сказалъ мнѣ служакій, то самое лучшее сдѣлать вамъ это въ Кіевѣ; тамъ кстати не мѣшало бы вамъ побывать и у хорошо мнѣ извѣстнаго протоіерея (онъ назвалъ фамилію его), который не разъ путешествовалъ по Палестинѣ; навѣрное, онъ сообщитъ вамъ много полезнаго“. Я съ благодарностію обѣщалъ поступить именно такъ, какъ мнѣ совѣтовали, т. е. взять книжку въ Кіевѣ и непременно побывать у о. протоіерея, и предложилъ вопросъ о гимназистахъ: состоится ли ихъ заграничная поѣздка въ виду неблагопріятныхъ слуховъ изъ Александріи? Оказалось, что въ канцеляріи Общества по этому вопросу не знали ничего. Служащему извѣстно было только то, что и мнѣ, т. е. что только печаталось въ газетахъ. Онъ, однако, нашелъ возможнымъ высказать свое мнѣніе на этотъ счетъ и высказалъ мнѣніе отрицательнаго свойства въ виду чумныхъ заболѣваній; но въ то же время увѣрялъ, что для паломниковъ, ѣдущихъ во Св. Землю, серьезнаго или опаснаго въ этихъ заболѣваніяхъ ничего нѣтъ, такъ какъ во 1-хъ заболѣванія эти, какъ извѣстно, не эпидемическаго характера, единичны, а во 2-хъ Палестинское Общество всячески хлопочетъ, чтобы пароходы Русскаго общества съ палестинскими паломниками нигдѣ на пути не подвергались карантину. — Больше спрашивать было нечего. Поблагодаривъ за разъясненія и указанія и купивъ на дорогу книжку В. Н. Хитрово „Къ животворящему Гробу Господню“ *), а также (по предложенію говорившаго) и 3 чтенія о Св. Земли того же автора, я вышелъ изъ канцеляріи и отправился на пароходъ, чтобы перевезти свои вещи на желѣзнодорожный вокзалъ. — Изъ поѣздовъ Николаевской желѣзной дороги съ вагонами 3 класса, слѣдующихъ въ Москву, только почтовый, отходящій въ 3 часа дня, и добавочный къ нему, отходящій черезъ полчаса, бываютъ въ пути 17 часовъ (остальные не менѣе 22-хъ) и приходятъ въ Москву къ началу дѣловаго утра (въ 9 и 9¹/₂ ч. по московскому времени). Отсюда поѣзда эти всегда бываютъ полны пассажировъ и особенно первый. Сколько ни пытался я въ разное время

*) Эту книжку я когда-то случайно видѣлъ въ одной сельской бібліотекѣ и она мнѣ очень понравилась, помню, тѣмъ, что при простотѣ и занимательности изложенія содержитъ возможно полныя свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ мѣстахъ и святыняхъ Палестины.

попасть въ этотъ послѣдній поѣздъ, это мнѣ не удавалось, хотя я иногда являлся въ вокзалъ за часъ и за полтора до его отхода: мѣста всегда бывали всѣ разобраны и приходилось ѣхать съ добавочнымъ. Тоже случилось и теперь. Не смотря на то, что я прибылъ на вокзалъ за 1/2 часа до отхода почтоваго поѣзда, свободныхъ мѣстъ въ немъ уже не было; не было и свободныхъ спальныхъ мѣстъ въ добавочномъ,—приходилось тѣсниться въ общемъ вагонѣ. Но я торопился, а потому и не сталъ обращать вниманіе на тѣсноту.—Въ 3 1/2 ч. дня поѣздъ быстро понесъ насъ по направленію къ Москвѣ. Я осмотрѣлся. Вагонъ былъ полонъ. Одни изъ пассажировъ читали газеты, другіе разговаривали или смотрѣли въ окно, а иные просто сидѣли задумавшись. Хотѣлъ было и я сосредоточиться, дать себѣ отчетъ въ событіяхъ дня, но ничего какъ-то не выходило: мысли не вязались, перескакивали съ предмета на предметъ. То выплывалъ вопросъ, поѣдутъ-ли гимназисты, и я думалъ, какъ бы повѣрнѣе узнать объ этомъ въ Москвѣ; то припоминался разговоръ о паломнической книжкѣ и я пытался уяснить, не лучше-ли бы было взять эту книжку въ Петербургѣ, или ставилъ вдругъ такой вопросъ: зачѣмъ это отъ Петербурга до Одессы приходится брать билетъ (по паломнической книжкѣ) 4 раза, а не три? почему бы не прямо брать отъ Москвы до Кіева? и под. Говорить съ своимъ сосѣдомъ не чувствовалъ расположенія да и врядъ ли было о чемъ; въ окно смотрѣть тоже долго не приходилось—слишкомъ однообразенъ видъ: лѣсъ и лѣсъ, иногда развѣ болото, покрытое водою. Я досталъ чтенія о Св. Земли В. Н. Хитрово и сталъ читать первое изъ нихъ—„Путь до Іерусалима“. „Чтеніе“ оказалось прекраснымъ, чрезвычайно интереснымъ и общедоступно изложеннымъ къ тому же. Задавшись цѣлію наглядно изобразить предъ образованнымъ обществомъ, какъ чувствуетъ себя и ведетъ русскій паломникъ за все время неблизкаго пути до Іерусалима, высокопросвѣщенный авторъ предварительно рѣшаетъ очень важный въ паломничествѣ вопросъ,—устанавливаетъ „тѣ внутреннія побудительныя причины, которыя влекутъ русскихъ паломниковъ къ паломничеству“. Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ русскаго человѣка паломничать, предпринимать далекія и трудныя путешествія для богомоленія?... Помню и у меня когда то, очень давно, нѣчто подобное спрашивалъ одинъ вдумчивый юноша. Въ славной обители препод. Сергія постоянно почти можно видѣть массу разнообразныхъ богомольцевъ, которые приходятъ сюда изъ разныхъ концовъ необъятной Россіи. Какъ-то однажды, смотря на эту двигавшуюся туда и сюда по обители толпу богомольцевъ, юноша задалъ мнѣ вопросъ: зачѣмъ это люди ходятъ сюда изъ далекихъ окраинъ? молились бы дома у себя,—не все ли равно? Я сказалъ ему тогда, что онъ, замѣтно, не знаетъ склада и потребностей религіознаго человѣка, какимъ и есть въ большинствѣ случаевъ русскій человѣкъ. Религіозный человѣкъ хотя и живетъ въ мірѣ обычною жизнію, несетъ мірскія заботы и хлопоты, но не считаетъ этой жизни, какъ она есть, жизнію настоящею, а потому и не лежитъ къ ней—душа его. Настоящая жизнь съ ея суетою и неправдою гнететъ, стѣсняетъ духъ его, производитъ въ немъ разладъ. И когда разладъ этотъ, разладъ духа съ жизнію, становится слишкомъ великъ и тяжелъ, религіозный человѣкъ

покидаетъ, улучивъ благопріятное время, обычныя свои дѣла и занятія и идетъ въ мѣста, гдѣ живутъ свято, по Божьи, живутъ въ Богѣ и для Бога, и гдѣ Богъ ближе къ людямъ, идетъ туда, чтобы подышать святою жизнію, вдохнуть ее въ себя. И онъ идетъ въ *святыя* именно мѣста, въ *святую* обитель, гдѣ и изливаетъ свою скорбь предъ Богомъ, умиротворяется духомъ, а затѣмъ, запасшись новыми силами, снова возвращается къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Но В.Н. Хитрово гораздо шире поставляетъ вопросъ и нѣсколько иначе, несравненно глубже рѣшаетъ его. Онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, уяснить, *что* собственно заставляетъ дѣйствительнаго русскаго простаго паломника „идти отъ вѣси до вѣси, отъ обители до обители, проходя нерѣдко все обширное пространство Св. Руси (и далѣе до Іерусалима), терпя и голодъ и холодъ“?—„прирожденная страсть къ мыканью?“—Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ и такъ объясняетъ. „У всякаго человѣка, какъ бы онъ ни казался грубъ и невѣжественъ, есть свой идеаль, и затѣмъ стремленіе къ достиженію этого идеала, который, именно потому, что онъ идеаль, недостижимъ. И у закорюзлаго на видъ простаго паломника есть также свой идеаль и смѣю полагать, что идеаль этотъ по своей чистотѣ, по своей возвышенности, куда выше идеаловъ многихъ изъ насъ (т. е. образованныхъ). Идеаль этотъ—сладостное ощущеніе возносящейся отъ сердца молитвы. Прослѣдите его жизнь отъ рожденія и вы увидите, что онъ ощущалъ эти сладостныя минуты даже въ своей родной сельской церкви, можетъ быть рѣдко, развлекаемый обыденною жизнію, еще рѣже потому, что чувства грубѣли отъ привычки; чтобы возбудить это ощущеніе онъ начиналъ можетъ быть даже бессознательно, посѣщать сосѣднія обители, новостъ которыхъ возбуждала въ немъ молитвенное настроеніе, котораго душа его жаждала, но и тутъ съ привычкою притуплялись его чувства, онъ шелъ далѣе въ новыя обители..., пока не достигалъ высшей земной святости—св. Града съ Голгоою, гдѣ совершилось искупленіе человѣчества. Выше на землѣ идти некуда; казалось, что душа достигла, чего желала, а между тѣмъ, нѣтъ, и тутъ привычка заглушаетъ сердце. Удовлетворенный отчасти, онъ возвращается на родину и опять чрезъ нѣкоторое время у него является непреодолимое желаніе идти туда, гдѣ были испытаны такія сладостныя минуты. Вотъ въ чемъ заключается такъ сказать психологія русскаго простаго паломника“¹⁾, по мнѣнію автора....

21 мая. Въ Москвѣ пришлось ждать поѣзда на Курскъ около шести часовъ. Этимъ временемъ я и воспользовался, чтобы съѣздить къ одному изъ своихъ знакомыхъ, который, какъ я зналъ, всегда добросовѣстно просматривалъ каждый № „Русскихъ Вѣдомостей“,—не читалъ ли чего онъ о гимназистахъ? Обыкновенно въ лѣтнее время чрезвычайно трудно бываетъ застать знакомыхъ въ самой Москвѣ,—все переселяется на дачи; но на этотъ разъ я былъ счастливѣе—знакомый былъ случайно дома. Онъ мнѣ и сообщилъ, что, по извѣстіямъ „Русскихъ Вѣдомостей“, заграничная поѣздка казан-

¹⁾ Чтенія о Св. Земли XXXVIII, В. Н. Хитрово, «Путь до Іерусалима». СПб, 1896. стр. 8—9.

скихъ гимназистовъ сомнительна, а въ какомъ № это сообщалось, не помнилъ, и потому просилъ за недосугомъ самому мнѣ порыться въ лежавшихъ тутъ же №№. Быстро просматривая, я не нашелъ въ нихъ, однако, нужнаго сообщенія, а случайно прочелъ свѣжее извѣстіе изъ Каира, касавшееся чумныхъ заболѣваній въ Александріи, и извѣстіе самаго успокоительнаго свойства. Нѣчто подобное въ этомъ отношеніи сообщилъ мнѣ и уполномоченный Палестинскаго Общества, къ которому зашелъ я отъ знакомаго. Онъ сказалъ, что на дняхъ у него взята паломническая книжка студентомъ Лазаревскаго института, который отправляется въ Александрію для изученія восточныхъ языковъ. „Если, размышлялъ я, студентъ не боится ѣхать въ Александрію, то и гимназистамъ ничто не можетъ помѣшать ѣхать за границу“. Но о гимназистахъ уполномоченному положительно ничего не было извѣстно. Я отправился тогда въ университетъ въ томъ предположеніи, что канцеляріи его, безъ сомнѣнія, извѣстно, поѣдетъ ли (съ казанскими гимназистами) за границу доцентъ ихъ Недзвѣцкій, или нѣтъ,—но ошибся. Канцелярій въ университетѣ оказывается не одна, а три: канцелярія правленія, канцелярія совѣта и еще какая-то канцелярія. Обратился за справкой въ первую; говорятъ: не здѣсь; обратился во вторую, — говорятъ: пройдите въ сосѣдную комнату. Въ этой-то послѣдней мнѣ и сообщили, что ни одинъ изъ ихъ доцентовъ не получаетъ за лѣтнія каникулы командировки за границу, а если кто думаетъ ѣхать туда на свой счетъ, то объ этомъ канцелярія можетъ и не знать. И я ушелъ, какъ говорится, ни съ чѣмъ, рѣшившись ѣхать во Св. Землю одинъ независимо отъ того, поѣдутъ ли туда гимназисты или нѣтъ. И помолившись у Иверской часовни предъ иконой Бого-Матери, поручивъ себя Ея водительству, съ вечернимъ поѣздомъ выѣхалъ по направленію къ Курску.

22 мая. Въ Орлѣ, пересаживаясь на Елецкій поѣздъ, чтобы заѣхать на родину, отъ одного своего земляка узналъ, что, по извѣстіямъ газеты „Свѣтъ“, заграничная экскурсія казанскихъ гимназистовъ *не состоится*. Это сообщеніе, которому я не могъ не довѣрять и къ которому отчасти былъ уже подготовленъ, имѣло то послѣдствіе, что, пріѣхавъ на родину, я нѣсколько иначе распорядился своею поѣздкою—рѣшилъ задержаться здѣсь не одинъ день, какъ было предполагалъ, а пятеро сутокъ, рассчитавъ 27 мая вечеромъ (на Вознесенье) выѣхать съ родины, воскресенье пробыть въ Кіевѣ и къ 1 іюня прибыть въ Одессу. Въ самомъ дѣлѣ, если гимназисты не ѣдутъ за границу, то и мнѣ нѣтъ уже смысла торопиться въ Одессу къ 30 мая.

28 мая. Выѣхалъ вчера вечеромъ. Передъ отъѣздомъ повторились сцены, подобныя петрозаводскимъ: многіе приходили прощаться, просили молитвъ и давали денегъ на свѣчи ко Гробу Господню; болѣе благорасположенные предложили даже, въ виду ненастной погоды, покойный экипажъ и проводили до вагона. Господь да воздастъ имъ по добротѣ ихъ Своею милостію!..

29 мая. Около 10 часовъ утра будемъ въ Кіевѣ.—Мною всегда овладѣва-

ное Господу Богу молодецтвiе, садятся за даровую трапезу и затѣмъ уже размѣщаются по палатамъ и номерамъ. Но намъ (меньшинству), прѣхавшимъ съ вокзала на лошадахъ, въ ожиданiи прибытiя остальныхъ (значительнаго большинства) паломниковъ, которые должны были пѣшкомъ пройти двухверстное разстоянiе до подворья, пришлось немного иначе распорядиться временемъ, прежде заняться размѣщенiемъ по номерамъ. Предупредительность и забота о нашихъ матеріальныхъ интересахъ со стороны подворскихъ служащихъ въ этомъ случаѣ сказались во всей своей силѣ и прiятно поразили насъ. На выраженное нами желанiе втроемъ занять платную комнату 2-го разряда (въ одинъ рубль, съ небольшою платою (за двѣ добавочныхъ кровати) въ сутки, безъ продовольствiя), намъ любезно предложили сначала осмотрѣть платныя же комнаты 3-го разряда (отъ 35 до 50 коп. въ сутки), которыя, по заявленiю прислуги, хотя и находятся въ заднемъ корпусѣ и меблированы очень просто, однако, какъ и спрошенные нами, помѣстительны, высоки и свѣтлы; къ тому же выходятъ окнами на востокъ, а не на югъ, какъ тѣ, и потому прохладнѣе тѣхъ. Говорилось все это такъ задушевно и благожелательно, что протестовать много не приходилось, и руководимые прислугою, мы чрезъ дворъ направились къ заднему корпусу. Дворъ новаго зданiя очень просторный. Со вкусомъ разбито здѣсь нѣсколько аллей изъ молодыхъ тропическихъ растений, устроены и небольшой фонтанъ съ неглубокимъ резервуаромъ, въ которомъ плаваютъ маленькія рыбки; правѣе—баня съ прачешной и черный дворъ. Поднявшись во 2-й этажъ, мы осмотрѣли комнату въ 50 коп. и нашли подходящею для себя. Правда, меблирована она была очень ужъ незатѣйливо и пожалуй скудно (4 желѣзныхъ кровати съ постельными принадлежностями, 3 или 4 простенькихъ табурета, 2 столика, умывальникъ и небольшой шкапикъ), полъ каменный ни чѣмъ не былъ покрытъ, но она дѣйствительно была очень просторна, свѣтла и высока. —Оставивъ здѣсь лишнюю одежду и ручной багажъ, мы чрезъ дворъ направились въ общую трапезную, которая помѣщается въ нижнемъ этажѣ передняго корпуса, примыкая къ угловой юго-восточной башнѣ. Просторная трапезная произвела самое отрадное впечатлѣнiе на меня; она очень напомнила мнѣ трапезную небѣдной иноческой обители: рядъ незатѣйливыхъ столовъ съ незатѣйливой сервировкой, по стѣнамъ священныя изображенiя изъ жизни Христа Спасителя, въ углубленiи полуциркульной башни — благолѣпный иконостасъ съ теплящимися лампадкама, а предъ нимъ—небольшой покрытый парчею столъ со св. крестомъ и Евангелiемъ. Здѣсь, когда мы вошли, было уже нѣсколько гимназистовъ съ ихъ руководителемъ и управляющiй подворьемъ. Разговорившись съ послѣднимъ, я узналъ, между прочимъ, что трапезная эта служитъ столовой только для простыхъ паломниковъ, а для паломниковъ интеллигентныхъ и состоятельныхъ есть другая во 2-мъ этажѣ, гдѣ за сравнительно недорогую плату (за 1 рубль) въ теченiе сутокъ можно получить приличный обѣдъ (изъ 3-хъ блюдъ), ужинъ (изъ 2-хъ блюдъ) и чай съ булкой утромъ и вечеромъ. Тутъ же отъ кого-то совершенно случайно пришлось услышать, что для насъ приготовлена

уже баня, куда гимназисты съ спутниками ихъ и имѣють отправиться сегодня же непосредственно послѣ ужина. Съ улицы между тѣмъ позлышался шумъ и въ трапезную скоро вошли сначала іеромонахъ и іеродіаконъ съ 3 или 4 пѣвчими изъ миссіи, а затѣмъ и паломники, прибывшіе съ вокзала. Инокіи немедленно облачились и по возгласу іеромонаха, трапезная огласилась мощнымъ, дружнымъ пѣніемъ „Царю Небесный“. Колѣнопреклоненно, съ умиленно радостными лицами, едиными усты и единымъ сердцемъ изливали всѣ прибывшіе свою первую общую молитву вблизи вратъ Священнаго города, молитву благодаренія и за благополучно совершенный нелегкій долгій путь, и за прибытіе въ Градъ Царя Великаго. Кончилось богослуженіе; только что прибывшіе, по радушному приглашенію управляющаго, начали садиться за столы, а мы поднялись въ столовую 2-го разряда. Столовая эта очень небольшая и тѣсная, съ 2-мя только столами, сервированными однако прекрасно. Постной пищи, спрошенной нами, здѣсь вовсе не оказалось (ее готовятъ въ этой столовой только по особому заказу), возвращаться внизъ въ трапезную не хотѣлось, да пожалуй и поздно было, а потому и пришлось утолять голодъ однимъ ржанымъ хлѣбомъ и квасомъ, очень вкусными, замѣчу кстати. Отсутствіе здѣсь постной пищи въ Петровъ постъ, сознаюсь откровенно, мнѣ крайнее не понравилось. Правда, я зналъ, что хорошая постная пища (рыбная, въ особенности) очень дорога въ Іерусалимѣ,—ее трудно достать и еще труднѣе сберечь,—но благоговѣйному религиозному чувству очень желалось бы здѣсь именно, на мѣстѣ страданій и смерти Спасителя міра за насъ и для насъ, видѣть твердое и ненарушимое исполненіе уставовъ основанной Имъ церкви.—Послѣ ужина съ удовольствіемъ вымылся въ банѣ, которая такъ необходима послѣ двухнедѣльнаго путешествія въ тѣсотѣ и духотѣ, подъ лучами палящаго солнца. Баня не особенно велика, но вмѣстительна и содержится замѣчательно чисто... Итакъ, радушіе и привѣтъ, всецѣлая забота доставить покой, обмытъ и накормить усталаго путника,—вотъ что встрѣтили мы около Іерусалима въ зданіи Палестинскаго Общества. И чувство искренней признательности и благодарности къ служащимъ здѣсь, къ членамъ Общества и въ особенности къ Августѣйшему Основателю и Покровителю Общества невольно просилось наружу и выливалось въ благодарную Господу Богу молитву за нихъ предъ отходомъ ко сну.

16 іюня. „Я во св. Землѣ, у Іерусалима!“—вотъ что первое пришло на мысль, когда проснулся я сегодня по утру и счастливый, довольный, слышавъ родные звуки колокола соборнаго храма миссіи, призывающаго къ литургіи (литургія начинается здѣсь обыкновенно въ 7 часовъ), быстро поднялся, собрался и весело спустился внизъ, направляясь къ храму знакомою отчасти дорогою. Жизнь въ нашихъ корпусахъ едва—едва пробуждалась, а въ палатахъ мужской около храма и женской она началась, замѣтно, давно: по крайней мѣрѣ, простые паломники и паломницы, одѣтые по праздничному, были уже въ храмѣ, когда вошелъ я туда и только два или три человѣка стояли еще у бассейна около палаты, медлили приходомъ, благоговѣйно взирая на вершину горы Елеонской, которая отчетливо виднѣлась съ открытой площади „построекъ“.—Пятиглавый соборный храмъ русской

миссіи—весьма величественный и просторный; построенъ онъ въ видѣ креста съ полуциркульною алтарною стороною, которая очень напоминаетъ древній абидъ византійскихъ храмовъ базиликъ. Внутри—обиліе свѣта, изящный, тонкой работы, рѣзной иконостасъ съ художественными царскими вратами изъ бронзы; иконы византійскаго письма работы лучшихъ нашихъ художниковъ. Полъ и предъалтарная солея, возвышающаяся на 5 ступеней, выложены мраморомъ пріятнаго блѣднорозоваго цвѣта съ темно-коричневыми жилками. Изъ купола, среди храма, спускается прикрѣпленное къ карнизамъ оригинальное панникадило, представляющее изъ себя бронзовый кругъ въ видѣ обода во всю почти величину этого довольно обширнаго купола.—Я прошелъ въ алтарь, гдѣ и простоялъ всю литургію. Служилъ очередной іеромонахъ русской миссіи; пѣли взрослые пѣвчіе (человѣкъ 5 или 6) очень стройно и обычными нашими напѣвами. Послѣ литургіи, осмотрѣвъ вмѣстѣ съ оказавшимся здѣсь товарищемъ по номеру храмъ, мы направились было на Подворье, намѣреваясь немного подкрѣпить силы и затѣмъ вмѣстѣ съ гимназистами, въ сопровожденіи каваса Палестинскаго Общества, идти ко св. Гробу Господню на поклоненіе, но на пути встрѣтили достоуважаемаго Н. К., руководителя гимназистовъ, который, какъ оказалось, предварительно шелъ одинъ ко Гробу Господню, чтобы никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаясь, уединенно вознести первую свою молитву предъ этою величайшею христіанскою святынею. Н. К. въ Іерусалимѣ былъ уже не въ первый разъ, хорошо зналъ расположеніе города и потому шелъ одинъ безъ проводника. По его словамъ, время отъ 8 до 9 час. утра самое удобное для сосредоточенной уединенной молитвы предъ Гробомъ Господнимъ: служба къ этому времени тамъ оканчивается, паломники, какіе бывають, расходятся и помѣщать молитвѣ можетъ развѣ что-нибудь случайное. Онъ и намъ совѣтовалъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ моментомъ, любезно приглашая идти вмѣстѣ съ собою. Мы съ признательностію, разумеется, согласились и быстро мимо зданія миссіи и больницы направились къ южнымъ воротамъ ограды.—Еще сравнительно недавно съ русскаго Подворья ходили ко Гробу Господню чрезъ шумныя Яффскія ворота, но съ открытіемъ въ 1890 году въ стѣнахъ Іерусалима воротъ султана Абдуль-Гамида стали ходить больше чрезъ эти послѣдніе, такъ какъ чрезъ нихъ путь туда значительно сокращается. Этимъ-то кратчайшимъ путемъ и повелъ насъ достоуважаемый Н. К.—Выйдя изъ воротъ ограды въ узкую улицу предмѣстья, лѣвая сторона которой сплошь почти застроена невзрачными скученными лавками съ предметами торговли для русскихъ паломниковъ (объ этомъ ясно давали знать безграмотныя русскія вывѣски на ихъ дверяхъ), мы скоро повернули на лѣво и мимо какихъ-то развалинъ и затѣмъ величественнаго обширнаго зданія, принадлежащаго французамъ, прошли къ новымъ воротамъ Абдуль-Гамида, чрезъ которыя и вошли въ Іерусалимъ.—Окруженный со всѣхъ сторонъ древней массивной стѣною, Іерусалимъ имѣетъ фигуру неправильнаго четверугольника. Кромѣ воротъ *Абдуль-Гамида* и *Яффскихъ* или *Хевронскихъ* съ запада, въ него съ другихъ сторонъ ведутъ еще слѣдующія шесть: съ сѣвера: *Дамасскія*, чрезъ которыя идетъ путь въ Назаретъ и Дамаскъ; съ сѣверо-востока—*Иродовы* (не особенно большія ворота, съ ма-

ленькой башнею), съ востока — *Геосиманскія* или *св. Стефана*, которыя ведутъ къ гробницѣ Богоматери и на Елеонскую гору, и *Золотыя*, болѣе другихъ замѣчательныя своими украшеніями (черезъ эти послѣднія имѣлъ торжественный въѣздъ Господь нашъ І. Христосъ предъ Своими страданіями); ворота эти съ давнихъ поръ заложены, потому что, по повѣрью мусульманъ, черезъ нихъ войдетъ въ Иерусалимъ будущій его завоеватель; съ юга — ворота *Беззаконія* (надъ Силоамскимъ источникомъ) и *Сіонскія* или пророка *Давида*, которыя ведутъ къ Сіонской горницѣ. (Возлѣ *Яффскихъ* воротъ, черезъ которыя идетъ дорога въ Виолеемъ, а правѣе въ Яффу, находится крѣпостца Эль-Калягъ, старинный замокъ пизанцевъ, остатокъ крестовыхъ походовъ, называемый обыкновенно башнею Давида).—Внутри стѣнъ св. Городъ раздѣляется на четыре квартала: *Христіанскій* или *франковъ*, занимающій сѣверо-западную часть, — здѣсь находятся храмъ Гроба Господня, греческая патріархія, латинскіе монастыри и дома нѣкоторыхъ консуловъ; *армянскій*, занимающій юго-западную часть къ Сіону, — здѣсь расположенъ обширный армянскій монастырь; *мусульманскій* — на сѣверо-востоку, обнимающій мѣстность горы Морія; здѣсь резиденція турецкаго пашы, серай и знаменитая Омарова мечеть, и *еврейскій* — на юго-востоку, на склонѣ Сіонской горы. — Двѣ только улицы пересѣкаясь идутъ *черезъ весь городъ*. Одна отъ Яффскихъ воротъ идетъ къ востоку и оканчивается у воротъ Омаровой мечети (Гирана); во времена крестовыхъ походовъ она была названа Давидовою улицею. Вторая прорѣзываетъ городъ съ сѣвера на югъ; начинаясь отъ Дамаскскихъ воротъ, она проходитъ позади Гроба Господня и оканчивается у Сіонскихъ воротъ. Прочіе улицы и переулки болѣе или менѣе короткіе и кривые; изъ нихъ болѣе замѣчательная по чистотѣ — улица христіанская, отдѣляющаяся отъ Давидовой и ведущая ко Гробу Господню ¹⁾.—

II.

Въ стѣнахъ Иерусалима.

Первое впечатлѣніе отъ святи. Города по входѣ въ ворота Абдуль-Гаида — совсемъ не то, какое обыкновенно получается при вступленіи въ древній восточный городъ: вмѣсто узкой и грязной, предъ нами была сравнительно широкая и чистая и сносно шоссированная улица; обѣ стороны ея застроены сплошными приличными, хотя и невысокими каменными лавками (магазинами) и мастерскими съ вещами изъ маслины, кипариса и перламутра, а также четками, образками и подобными священными предметами, *objets de piété*, какъ значитъ на католическихъ вывѣскахъ. Пройдя, однако, эту (довольно короткую) улицу и повернувъ налѣво, мы пошли уже узкимъ (не шире 2¹/₂ арш.) постепенно понижающимся изогнутымъ переулкомъ мимо какихъ-то высокихъ зданій, выходившихъ въ пе-

¹⁾ См. цит. соч. Смышляева Д. «Синай и Палестина, стр. 61.

еть какое-то безотчетное внутреннее волненіе, когда приближаюсь къ этому чудному городу. Начинаю ощущать волненіе еще съ послѣдней станціи курско-кіевской желѣзной дороги, откуда въ первый разъ можно видѣть въ ясную погоду блестящія главы церквей этого города. Безбрежная равнина, сплошь покрытая зеленью яровыхъ и озимыхъ полей съ изрѣдка лишь появляющимися и исчезающими большими поселками неожиданно смѣняется продолжительнымъ сосновымъ боромъ. Гулко раздается свистъ локомотива, весело смотрятъ глаза на стройныя развѣсистыя сосны; смолистый запахъ, врываясь въ окна вагона, невольно заставляетъ дышать полною грудью. Не вѣрится какъ-то, чтобы за безлѣсной неизмѣримою равниною былъ такой прекрасный боръ. Въ вагонѣ, однако, началось движеніе: какъ бы сговорившись, все устремляется къ окнамъ съ правой стороны. Это впереди, въ просвѣтъ деревъ, заблестѣли главы Выдубицкаго (кіевского) монастыря. Вотъ показался и самъ онъ, этотъ монастырь, красиво расположенный среди зелени деревъ на полугорѣ высокаго днѣпровскаго берега; а тамъ правѣе, дальше—дальше блестятъ уже золотыя главы святыни Кіева—кіевопечерской Лавры. Величественно высятся и царитъ надъ окружающимъ благолѣпная лаврская колокольня, сіяетъ и многоглавая Великая церковь, только едва замѣтныя церкви ближнихъ и дальнихъ пещеръ блескомъ своихъ золотистыхъ главъ, едва замѣтныхъ, какъ бы пытаются скрыть отъ любопытныхъ взоровъ мѣста великихъ подвиговъ угодниковъ древней Руси. Сердце невольно наполняется чувствомъ благоговѣнія и восторга, рука сама собою поднимается для крестнаго знаменія. И смотрите, что дѣлается тогда въ вагонѣ: все тѣнится у оконъ, лица у всехъ свѣтлыя, радостныя и довольныя, одни крестятся, другіе кладутъ поясные поклоны, а иные (не многіе) не стыдятся и не спѣшатъ отереть съ глазъ навернувшихся слезъ благодаренія Господу Богу, что сподобилъ ихъ достигнуть святынь Кіева. Поездъ медленно движется уже по длинному желѣзнодорожному мосту. Широкій Днѣпръ съ своими заливами и отмелями далеко раскинулся вверхъ; видны на немъ суда, плоты и пароходы; виденъ отчасти и самый городъ надъ нимъ; но взоръ обращенъ, прикованъ только къ Лаврѣ и не отрывается отъ нея, пока высокій днѣпровскій берегъ не закроетъ ее собой. Тогда только обращась, какъ слѣдуетъ, вниманіе на окружающую мѣтность и замѣчаешь красоту обрывистаго высокаго берега, сплошь покрытаго могучими развѣсистыми деревьями.—Послѣ краткой остановки поездъ идетъ дальше. Высокій, лишенный по мѣстамъ всякой растительности, откосъ не даетъ никакой возможности видѣть что-либо по направленію къ Лаврѣ и городу, а слѣва низменная, но очень обыкновенная мѣтность съ небольшою вдали пресловутою Лысой горою совсѣмъ не привлекаетъ взора. Еще короткая остановка. Теперь я стараюсь занять мѣсто у самаго окна и скоро весь превращаюсь во взоръ. Открывается видъ на Кіевъ съ западной стороны и какой чудный, прекрасный видъ! Исторія говоритъ, что внукъ Чингисъ-хана Мангу не могъ надивиться красотѣ Кіева, когда увидѣлъ его въ первый разъ. Если грубый и невѣжественный варваръ, упивавшійся кровію людей, не могъ устоять противъ обаяній красотъ древняго Кіева, то что же можно сказать о кра-

сотахъ *современнаго* Кіева и о томъ впечатлѣніи, которое онъ производитъ на человѣка съ мало мальски развитымъ эстетическимъ чувствомъ?! Причудивья и красивья зданія предмѣстья, сами по себѣ невольно привлекающія взоръ своей затѣйливою архитектурой, а иногда тономъ красотъ и цвѣтовъ, быстро переходятъ въ дивную общую панораму. Утоная въ зелени высокихъ и стройныхъ (пирамидальныхъ) тополей, акацій, каштановъ, и какихъ-то могучихъ великановъ, городъ постепенно полуциркулемъ спускается къ западу (или, что тоже, къ линіи желѣзной дороги), производя на васъ чарующее впечатлѣніе. И трудно, да я и не въ силахъ описать всей прелести открывшейся картины и передать того чувства, которое испытываешь, глядя на нее. Смотришь и не насмотришься, лобуешься, восторгаешься и досадуешь, когда начинаютъ по временамъ закрывать этотъ видъ желѣзнодорожныя строенія или запасныя вагоны. Но вотъ, длинное строеніе совсѣмъ закрыло городъ. Поѣздъ сталъ окончательно; началась обычная толкотня и суетня большихъ и многолюдныхъ вокзаловъ.—Сдавъ вещи въ контору для храненія, я тотчасъ же отправился въ городъ. Рекомендованнаго мнѣ о. протоіерея дома не оказалось (таково, видно, мое счастье). По словамъ домашнихъ, онъ не приходилъ еще отъ своего приходскаго храма, гдѣ и пробудетъ, вѣроятно, часовъ до 5 вечера. Храмъ былъ не близко, а мнѣ, между тѣмъ, нужно было торопиться въ Лавру, чтобы испросить позволеніе на завтра служить въ одномъ изъ пещерныхъ храмовъ, а потому, пообщавъ домашнимъ о. протоіерея еще побывать у нихъ предъ или послѣ всенощной, я прямо же направился въ Лавру. Пѣли херувимскую пѣснь, когда съ трудомъ протѣснился я въ трапезный храмъ монастырскій, гдѣ за производившимся обновленіемъ Великой церкви совершалась поздняя литургія. Храмъ былъ переполненъ молящимися; умиленные напѣвы лаврскіе, проникая до глубины души, возносили мысль горѣ, заставляя забывать про окружающее. Отстоявъ здѣсь литургію и приложившись къ находящимся здѣсь святинямъ, я немедленно отправился въ покои о. намѣстника Лавры и вручая видъ свой келейнику его (самъ о. намѣстникъ отсутствовалъ), просилъ, чтобы дозволили служить въ ближнихъ пещерахъ. Тотъ попросилъ придти за позволеніемъ не ранѣе $\frac{1}{2}$ 4-го часа. До указаннаго срока времени свободнаго было достаточно; имъ я и воспользовался, чтобы посѣтить ближнія и дальнія пещеры и приложиться къ мощамъ почивающихъ тамъ св. угодниковъ, при чемъ переходъ отъ ближнихъ пещеръ къ дальнимъ совершилъ не крытою галлереею, а спустившись въ глубину монастырскаго сада къ колодезямъ препод. Антонія и Θεодосія. Съ трудомъ подымаясь отъ этихъ колодезей по крутымъ лѣстницамъ высокаго обрывистаго берега, невольно всегда чувствуешь благоговѣніе къ подвизавшимся здѣсь преподобнымъ отцамъ, которые не почитали за трудъ ежедневно и, быть можетъ, по нѣскольку разъ подниматься и опускаться по этимъ крутизнамъ за водою для себя. —Ровно въ половинѣ 4-го часа я уже былъ снова въ покояхъ о. намѣстника Лавры, гдѣ немедленно получилъ отъ того же келейника нужное дозволеніе и съ нимъ отправился для предьявленія и соответствующихъ распоряженій къ о. начальнику дальнихъ пещеръ, гдѣ (за распределеніемъ свободныхъ мѣстъ въ ближнихъ пещерахъ)

дозволено было завтра служить мнѣ. Къ моей не малой радости почтенный о. начальникъ благословилъ служить въ пещерномъ храмѣ препод. Θεодосія. — Отстоявъ затѣмъ всенощную въ церкви, что при страннопріимной лаврской больницѣ, въ началѣ 8-го часа я отправился къ о. протоіерею въ его приходскій храмъ. Несмотря на замѣтную усталость, о. протоіерей внимательно и сердечно поговорилъ со мною около часа. Разузнавъ, насколько я подготовленъ къ предстоящей поѣздкѣ, онъ нашелъ нужнымъ и съ своей стороны сдѣлать нѣсколько практическихъ указаній и совѣтовъ. Прежде всего, въ Одессѣ при подачѣ прошенія о выдачѣ заграничнаго паспорта онъ посовѣтовалъ совѣмъ не подавать въ канцелярію градоначальника бывшего у меня свидѣтельства Епархіальнаго Епископа (его тамъ могутъ оставить при дѣлахъ, не выдать обратно), — а только предъявить туда въ томъ случаѣ, когда прочихъ документовъ окажется недостаточнымъ. Затѣмъ, во избѣжаніе лихорадокъ и дезинтерій, которыми нерѣдко заболѣваютъ паломники св. Земли и отъ которыхъ иные умираютъ, онъ убѣдительно просилъ во 1-хъ, совѣмъ не пить сырой воды за все время путешествія и, во вторыхъ, непременно запастись фуфайкой, которую лучше всего купить въ Константинополь, гдѣ онѣ очень дешево (фуфайка, по его словамъ, очень нужна во время ночныхъ путешествій по Палестинѣ, когда температура очень падаетъ и въ воздухѣ становится даже холодно). Совѣтовалъ также о. протоіерей быть крайне осторожнымъ и въ обращеніи съ восточными людьми, не особенно довѣряться имъ. Послѣ того, заговорилъ о собственныхъ своихъ путешествіяхъ на востокъ, какъ, заболѣвъ дезинтерією, въ первое изъ нихъ онъ едва не остался на Сіонскомъ кладбищѣ въ Іерусалимѣ; сообщилъ почему то, что надняхъ собирался было ѣхать въ Палестину его родственникъ, студентъ академіи; но онъ (о. протоіерей) не посовѣтовалъ ему въ виду тревожныхъ слуховъ изъ Александріи, — „тамъ вѣдь чумныя заболѣванія *еще* повторились за послѣднее время“, добавилъ онъ. На мое замѣчаніе, что и новыя заболѣванія, безъ сомнѣнія, такого же характера, какъ и прежнія, и потому не опасны, онъ отвѣчалъ, правда, полнымъ согласіемъ, но въ то же время сказалъ, что, по газетамъ, надняхъ подвергнуть 10-ти-дневному карантину въ Пирей пароходъ съ паломниками, шедшій изъ Александріи въ Россію. „А вы знаете, что такое карантинъ для большинства паломниковъ голодныхъ и холодныхъ?“ грустно спросилъ онъ. Я инстинктивно догадывался, что о. протоіерей скажетъ что-нибудь страшное, а потому и не сталъ просить отвѣта на поставленный имъ вопросъ, — у меня и такъ не весело было на душѣ: „дезинтерія, сіонское кладбище, чумныя новыя заболѣванія, карантинъ“, — все это, проносясь въ мысляхъ, тяжело отзывалось на сердцѣ. — „Развѣ въ настоящее время *опасно* ѣхать въ Палестину?“ спросилъ я, прерывая наступившее было молчаніе. — „Пока нѣтъ“, отвѣтилъ онъ; въ всякомъ случаѣ, на пути туда вамъ карантинъ не будетъ, быть можетъ, не будетъ его и оттуда, — за полтора или два мѣсяца вашего путешествія можетъ многое случиться“. Грустно и тяжело было на душѣ, когда я расстался съ о. протоіереемъ, который быть можетъ потому и не шадилъ меня своими сообщеніями, что испытывалъ твердость мое-

го намѣренія посѣтить св. Землю. Мысли о легкости получить во время путешествія опасную дезинтерію, о новыхъ чумныхъ заболѣваніяхъ въ Александріи, о карантинѣ парохода съ голодными и холодными паломниками, предрасположенными, стало быть, къ тифу и другимъ повальнымъ болѣзнямъ, не выходили изъ ума и наводили уныніе; мною начало было овладѣвать колебаніе. „Ужъ ѣхать-ли? спрашивалъ иногда я себя, ѣхать-ли? когда путешествіе сопряжено съ такимъ опасностями и когда люди благоразумные своимъ роднымъ не совѣтуютъ даже ѣхать!“ Но вотъ припомнились сборы, благожеланія и папучественное благословеніе Владыки, колебаніе понемногу стало ослабѣвать, и я отложилъ окончательное рѣшеніе вопроса до завтра, прося усердно свв. угодниковъ печерекихъ вразумить меня въ данномъ случаѣ. И молитва успокоила меня, возвратила нарушенный душевный миръ.

30 мая. Служилъ раннюю литургію въ пещерномъ храмѣ препод. Феодосія; послѣ общаго молебна и панихиды заходилъ, по приглашенію, къ іеромонаху дальнихъ пещеръ, за котораго пришлось служить. Келлія у него очень небольшая, но уютная; все здѣсь говоритъ за молитвенный подвигъ обитателя, и самъ обитатель очень искренній, радушный человекъ. Господь да поможетъ ему восходить отъ силы въ силу въ подвигахъ духовныхъ!—Въ лаврской гостинницѣ на возвратномъ пути совершенно случайно натолкнулся на сцену, которая растревожила было мирное настроеніе духа. Въ конторѣ коренастый пожилой муштина изъ крестьянъ настойчиво просилъ сидѣвшаго здѣсь іеромонаха (уполномоченнаго Палестинскаго Общества) взять у него назадъ паломническую книжку и возвратить деньги, уплаченныя за нее; но тотъ отказывался. Книжку эту, оказывается, всего дня за три предъ тѣмъ крестьянинъ купилъ у этого о. уполномоченнаго, собравшись ѣхать въ Палестину, но, наслушавшись отъ кого-то разказовъ о неблагополучіи на востокѣ, передумалъ и теперь вотъ, положивъ книжку на конторку, онъ съ раздраженіемъ требовалъ возврата денегъ, приговаривая: „умирать туда я не поѣду“, или: „за смертью что-ли поѣду туда?“. Напрасно о. уполномоченный старался разубѣдить и успокоить расходившагося паломника, доказывая, что ничего опаснаго нѣтъ въ Палестинѣ—нѣтъ тамъ никакой смерти, а что денегъ возвратить ему онъ не можетъ, такъ какъ еще съ вечера отослалъ ихъ въ Палестинское Общество въ Питеръ, и что теперь, оттуда только и можетъ онъ (крестьянинъ) получить свои деньги обратно. Крестьянинъ, однако, знать ни чего не хотѣлъ и упорно стоялъ на своемъ. Чѣмъ это окончилось у нихъ, я не знаю. Безпокойство крестьянина передалось, однако, и мнѣ—я живо припомнилъ вчерашнія рѣчи о. протоіерея, а потому, остановившись, и попросилъ о. уполномоченнаго сказать откровенно, насколько опасно въ данное время ѣхать въ Палестину. Тотъ несовсѣмъ благосклонно посмотрѣлъ на меня и сказалъ то же, что и крестьянину, т. е. что опасности нѣтъ равно никакой. „Какъ скоро, сказалъ онъ, появляется серьезная опасность на востокѣ, Палестинское Общество телеграммой немедленно извѣщаетъ всѣхъ своихъ уполномоченныхъ, чтобы

они прекратили выдачу паломнических книжек; но такого извѣщенія нѣтъ и мы свободно продаемъ книжки“. И чтобы еще больше подѣйствовать на меня, онъ сослался на двухъ только что вернувшихся изъ Палестины паломницъ, которыя остановились у нихъ въ гостинницѣ. Я немедленно пошелъ въ указанный №, и здѣсь узналъ то, что окончательно разсѣяло всѣ мои страхи и опасенія. Паломницы радостно сообщили, что совершили путь туда и обратно очень благополучно. Правда, въ Пиреѣ имъ не позволили остановиться, а около Смирны ихъ пароходъ подвергся 10-ти-дневному карантину, но ни заболѣваній, ни тѣмъ болѣе смерти не было ни одного случая. При этомъ онѣ добавляли, что по разговорамъ въ Одессѣ, для слѣдующихъ за ними паломниковъ карантинъ уже не будетъ совсѣмъ; такъ какъ русскіе пароходы, отходящіе изъ Яффы, не будутъ уже заходить въ Александрію. Я совсѣмъ ожилъ духомъ. Немедленно взялъ у о. лаврскаго уполномоченнаго за 106 р. „смѣшанную“ паломническую книжку и, не смотря на дождливую погоду, отправился на вокзалъ, откуда въ 7 часовъ вечера и выѣхалъ въ Одессу. Въ вагонѣ было крайне неудобно и тѣсно; большинство пассажировъ были евреи съ присущимъ имъ неприятнымъ специфическимъ запахомъ; но я чувствовалъ себя прекрасно и мысленно благодарилъ Господа, что Онъ даетъ мнѣ возможность быть во Св. Землѣ.

31 мая. Дождь и ненастная погода продолжались до полудня. Сквозь вспотѣлыя окна вагона въ пресыщенномъ влагою воздухѣ трудно было рассмотреть мѣстность, по которой мчался нашъ поѣздъ. Выступавшія же по временамъ у самой дороги неясныя очертанія хмурыхъ небольшихъ лѣсовъ и овраговъ свидѣтельствовали только о томъ, что мѣстность эта далеко не походила на безлѣсную равнину, что по ту сторону Днѣпра. Но вотъ со станціи Раздѣльной небо прояснилось и взору открылась давно желанная невѣдомая даль... Однако, лучше бы совсѣмъ не видѣть этой грустной и однообразной дали! Весенняя засуха, бывшая здѣсь, самымъ гибельнымъ образомъ отразилась на озимыхъ и яровыхъ посѣвахъ, и неровная, совсѣмъ почти безлѣсная мѣстность, по которой мы проѣзжали теперь, вмѣсто зеленѣющей и цвѣтущей представляла одну лишь невеселую картину чахлой и поблеклой растительности. Не видно совсѣмъ почему-то по пути крупныхъ поселковъ и однажды или два промелькнулъ изъ за косогора блестящій крестъ на храмѣ Божіемъ. Только неподалеку отъ Одессы нѣкоторое время отчетливо можно было видѣть въ неглубокой лощинѣ довольно большое село съ храмомъ и множествомъ чистенькихъ бѣлыхъ и голубыхъ домиковъ малороссійскаго типа. Теперь уже и мѣстность измѣняется, становится болѣе ровною, а иногда и совсѣмъ гладкою, какъ поверхность моря; вдали, на горизонтѣ показались неясныя контуры какихъ-то строеній и деревьевъ, которые по мѣрѣ приближенія увеличивались и разрастаясь все болѣе и болѣе, превратились наконецъ въ зеленѣющій обширный городъ. Это — знаменитая Одесса, полурусскій и полудевропейскій окраинный городъ Россіи, ея лучшій Черноморскій портъ. Городъ однако не произвелъ на меня особаго впечатлѣнія и не потому, что я ѣхалъ изъ Кіева, а по

другой причинѣ: ровная и даже нѣсколько покатая къ морю площадь, которую занимаетъ Одесса, не даетъ ей возможности развернуться во всей своей красѣ предъ взоромъ приближающагося путника и благодаря этому послѣднему ея окраинныя каменныя строенія, ничѣмъ, по большей части, не выдающіяся и сбѣняемая нерѣдко высокими акаціями, затѣняютъ и ступшевываютъ видъ на лучшую центральную ея часть. Отсюда и видишь, подѣзжая къ Одессѣ, на обширномъ пространствѣ одни ординарныя постройки и акаціи, да очень немного пять или шесть церквей, тутъ и тамъ высшихся надъ этою сплошною массою.—Въ 3 часа дня поѣздъ нашъ остановился у платформы вокзала. Оживленія однако слишкомъ мало—не по многолюдному городу; не видно почему-то ни посыльныхъ, ни встрѣчающей или праздноглазѣющей публики; отсюда слишкомъ замѣтно казалась одинокая фигура смиреннаго инока, скромно пріотившагося у стѣны крытой платформы. Игбѣ въ виду „Наставленіе паломнику“, можно было догадываться, что иннокъ этотъ — послушникъ одного изъ Одесскихъ аеонскихъ подворій, вышедшій къ поѣзду, чтобы встрѣтить прибывшихъ паломниковъ и проводить желающихъ изъ нихъ на свое подворье ¹⁾. И, дѣйствительно, смиренный иннокъ оказался посланникомъ... только не Пантелеимоновскаго подворья, гдѣ я предположилъ остановиться, а Ильинскаго. Это обстоятельство и было причиною, почему я одинъ, безъ инока, направился къ Пантелеимовскому подворью, которое отчасти видно было отъ вокзала (изъ за зданія суда ярко блестящі кресты его храма) и отдѣлялось отъ него только небольшою площадью. Паломниковъ на подворьѣ было не мало, а тутъ ждали еще новыя съ только что прибывшаго парохода и за ними посланы были уже подворскіе послушники (послѣднее, оказывается, и помѣшало послушникамъ Пантелеимоновскаго подворья выйти къ поѣзду, съ которымъ я пріѣхалъ),—и для меня едва нашлся свободный номеръ во 2-мъ этажѣ самаго задняго корпуса.—Въ 4 часа зазвонили гдѣ-то поблизости къ вечернѣ. Узнавъ, что и на подворьѣ скоро начнется вечерня, я отправился въ его храмъ, который помѣщается въ 3-мъ этажѣ передняго корпуса. Смѣшанное чувство удивленія, восторга и благоговѣнія овладѣло мною, когда я вошелъ туда: храмъ поразилъ меня своимъ благолѣпіемъ, просторомъ, обиліемъ свѣта и высотой. Совсѣмъ не такимъ предполагалъ я встрѣтить его въ 3-мъ этажѣ. Рѣзной высокой, недавно, замѣтно, устроенный иконостасъ, весь горѣлъ золотомъ, не затѣняя, однако, собою благоговѣйныя священные лики, изображенные на иконахъ; этому вполне отвѣчала и вся орнаментовка храма, равно какъ и чудная иконопись аеонская, представляющая собою умѣлое сочетаніе византійской и итальянской живописи.—Съ прекращеніемъ благовѣста началась служба 9-го часа, а затѣмъ и вечерни, и новое отрадное чувство наполнило душу. Служба была неторопливая, благолѣпная, уставная. Замѣтно и здѣсь, въ многолюдномъ городѣ, аеонскіе монахи остаются вѣрными завѣтамъ своей Святой Горы, памятуя, что „уставы церковныя и чинопослѣдованія свящеинодѣйствій составлены и

¹⁾ См. «Наставленіе паломнику» п. 5.

преданы намъ *на соблюденіе*, а не для того, чтобы произвольно нарушать, урѣзывать, искажать и обезображивать поспѣшностью и небрежнымъ отправленіемъ или же искусственностію и уродливостію церковнаго чтенія, особенно же пѣнія“, и „что благолѣпное строго вѣрное духу отцовъ соблюденіе устава церковнаго вводитъ душу народа въ постиженіе несказанно высокой красоты православнаго богослуженія“¹⁾.— Чтеніе слышалось внятное, неспѣшное и осмысленное, которое невольно само проникало въ умъ и сердце молящагося; пѣніе (съ канонархомъ) также стройное, умиленное и задумчивое, то именно пѣніе, которое можно встрѣтить только въ немногихъ русскихъ обителяхъ и которое всегда носитъ въ себѣ отбѣнокъ грусти вѣрующей души, жаждущей отечества небеснаго. Вечерня закончилась акаѳистомъ Покрову Божіей Матери.—Вскорѣ послѣ вечерни ко мнѣ въ № зашелъ о. гостинникъ и не одинъ, а съ послушникомъ о. Иш., на обязанности котораго лежать хлопоты по пропискѣ паспортовъ, ходатайства о выдачѣ заграничнаго паспорта и приобрѣтеніе пароходныхъ билетовъ на проѣздъ въ Іерусалимъ или Аѳонъ²⁾. Послѣдній, получивъ отъ меня видъ на жительство и свидѣтельство полиціи, а также паломническую книжку съ четырьмя рублями денегъ на расходы и принявъ благословеніе, немедленно удалился, а о. гостинникъ задержался побесѣдовать. Впечатлѣніе отъ подворскаго храма и службы было у меня очень свѣжо, а потому и рѣчь естественно зашла у насъ о томъ и другомъ. О. гостинникъ откровенно признался, что храмъ ихъ и служба, дѣйствительно, многимъ нравятся, но и монастырь ихъ заботится всеячески, чтобы храмъ былъ благолѣпенъ, а служба назидательна: монастырь не останавливается ни предъ какими затратами, когда дѣло идетъ о его украшеніи и содержитъ при подворьи до 60 иноковъ и 5 іеромонаховъ для ежедневной благолѣпной церковной службы. То и другое, однако, и крайне нужно, по его словамъ, не для города только, но и для цѣлой окраины. Православныхъ церквей въ такомъ большомъ городѣ, какъ Одесса, слишкомъ мало и совсѣмъ нѣтъ ни одного монастыря. И храмъ ихъ посѣщаютъ не только многіе изъ горожанъ, но и окрестные поселяне; послѣдніе пріѣзжаютъ нерѣдко цѣлыми семьями и верстъ иногда за 100, — особенно великимъ постомъ,—и живутъ здѣсь по недѣлѣ,—молятся, говѣютъ, при чемъ нѣкоторые, чтобы не обременять подворье, привозятъ даже съ собою провизію, которою дѣлятся иногда и съ ними. (Такъ глубоко вѣрны оказываются слова архіепископа Никанора, сказанныя имъ при вступленіи на Херсонскую кафедрu, что „и въ этомъ краѣ, т. е. Одесскомъ, среди народа имѣется еще множество людей какъ по городамъ, такъ и по селеніямъ, которые ревниво дорожатъ святынею богослужебнаго устава, которые имже образомъ желаетъ елень на источникахъ водные, сице стремятся душею къ Богу и священнолѣпію Божіей службы нашихъ лучшихъ монастырей и мона-

1) Слова Преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго.

2) См. 6 пунктъ «Наставленія паломнику».

стырей Аона“). Но какъ ни хорошъ храмъ подворья, онъ, однако, имѣеть то неудобство, скорбѣль о. гостинникъ, что помѣщается слишкомъ высоко, въ 3-мъ этажѣ, и многіе (старые и немощные особенно) жалуются на эту высоту,—трудно, говорятъ, подниматься, и нельзя не согласиться съ этимъ—говорять правду, а поправить очень трудно.—Сѣтоваль также о. гостинникъ и на то, что монастырю никакъ не удается прикупить мѣста по сосѣдству съ подворьемъ,—не продаютъ, а тоже крайне нужно. Приливъ паломниковъ годъ отъ года все увеличивается и помѣщеніе становится тѣснымъ,—приходится иногда отказывать,—не говоря уже о неудобствахъ въ размѣщеніи и устройствѣ самыхъ номеровъ, которыя трудно устранить въ этихъ старыхъ зданіяхъ, не на то очевидно предназначавшихся. На прощанье благожелательный о. гостинникъ не приминуть сообщить, что сосѣдній со мною № занимаетъ полковникъ изъ Кіева, который также, какъ и я, ѣдетъ въ Палестину и будетъ стало-быть мнѣ попутчикомъ, что онъ хотѣлъ было выѣхать еще 30 мая вмѣстѣ съ казанскими гимназистами, отправлявшимися въ Аѳины, но не пришлось;—какъ паломника, его почему-то не приняли на пароходъ „Чихачевъ“.—Итакъ; казанскіе гимназисты проѣхали. И Господь съ ними! Въ Смирнѣ встрѣтимся.

І і ю н я. Раннюю литургію стоялъ въ алтарѣ подворскаго храма; чтеніе и пѣніе было, какъ и вчера, назидательное и умиленное. Замѣтилъ нѣкоторыя частности, которыя занесены сюда, безъ сомнѣнія, съ Аона. 1-е) Всѣ монахи подобно греческимъ подбираютъ свои волосы подъ рясу, 2-е) на св. престолѣ за дарохранительницею лежатъ одинъ надъ другимъ нѣсколько служебниковъ небольшого формата и наконецъ 3-е) часы передъ литургіей заканчиваются непременно отсутствомъ и притомъ при открытыхъ царскихъ вратахъ. Послѣ литургіи отправился въ мѣстный кафедральный соборъ помолиться предъ чудотворной иконой Божіей Матери Касперовской и кетати осмотрѣть городъ.—Одесса—городъ новый (сравнительно), недавній и богатый; это сказывается какъ-то само собою неволью и очень скоро. Улицы ея прямыя, широкія, съ хорошими мостовыми и широкими троттуарами, которые сплошь засажены высокими акаціями; строенія (ближе къ окраинамъ)—довольно разнохарактерныя, хотя и здѣсь есть не мало зданій красивыхъ, оригинальныхъ и даже величественныхъ (напр., зданіе Биржи на Пушкинской), которыя съ честію могли бы занять мѣсто и въ столичномъ городѣ; по улицамъ оживленіе, въ разныхъ направленіяхъ очень часто пробѣгаютъ вагоны конно-железной дороги, полные пассажировъ; встрѣчается здѣсь и то, чего совѣмъ нѣтъ въ центрѣ Россіи: витрина, напр., съ автоматически передвигающимися объявленіями, уличные мальчики, назойливо предлагающіе вамъ тутъ же, на улицѣ, почистить сапоги, темно-сѣраго цвѣта куполообразныя, внушительныя синагоги еврейскія, увѣнчанныя чѣмъ-то въ родѣ звѣзды или яблока...—По мѣрѣ приближенія къ набережной, постройки становятся лучше и ровнѣе—здѣсь лучшая, центральная часть города. Отъ зданія театра, гдѣ кончается Ринельевская улица, вправо, виднѣется уже отчасти безбрежное море, а нѣсколько ниже, обогнувъ зданіе клуба,

у фасада Думы съ высокаго крутаго берега можно любоваться и моремъ, и разстилающеюся у ногъ обширною гаванью. Передъ вами по скату берега растеть „Божье деревце“, дикая маслина, туя;halbway тѣнистый бульваръ вдоль берега манить къ себѣ; но то и другое не такъ интересуетъ, какъ своеобразная жизнь гавани съ ея постройками и устройствомъ. Гавань, этотъ источникъ богатства и величія Одессы, занимаетъ сѣверо-восточную часть небольшого морского залива. Справа, отъ моря, на далекое пространство защищаетъ ее полуциркулярный невысокій молъ съ маякомъ на концѣ; слѣва же, отъ города, другой тоже не высокій молъ защищаетъ ее отъ волненій залива. Тутъ и тамъ, внутри этого обширнаго пространства, — и около мола и около пристаней видится множество всевозможнаго рода судовъ, — и группами и въ одиночку, большихъ и малыхъ, изъ которыхъ большая часть стоитъ неподвижно, какъ бы замерла въ занятомъ положеніи. Слышны шумъ и движеніе, привозъ и отвозъ предметовъ торговли; по берегу между пристанями отъ мола до мола, оживленно-движутся, посвистывая, товарные поѣзда желѣзной дороги, а вотъ и въ гавани надъ однимъ изъ судовъ появился бѣлый дымокъ, послышалось что-то въ родѣ хриплага рева и судно медленно направилось мимо маяка въ открытое море... Время было и мнѣ идти. Тѣнистымъ бульваромъ, люблюсь растительностію его, мимо памятника Ришелье прошелъ я на Екатерининскую улицу, откуда, руководясь указаніями одного студента, и пришелъ очень скоро къ кафедральному собору. Своимъ наружнымъ видомъ соборъ этотъ не произвелъ на меня, да и не можетъ произвести на кого бы то ни было, особаго впечатлѣнія. Архитектуры онъ очень обыкновенной, простой, и имѣетъ видъ очень продолговатаго корабля. Правда, послѣднее вполне отвѣчаетъ Одессѣ, какъ портовому городу, но для богатой и многолюдной Одессы, имѣющей не мало великолѣпныхъ общественныхъ зданій, можно было бы имѣть и болѣе величественный и благолѣпный соборный храмъ. Храмъ, однако, оказался запертымъ (открытымъ остается онъ сравнительно не на долго послѣ поздней литургіи), а потому и осмотръ его пришлось отложить до слѣдующаго дня.

2 і ю н я. Утромъ снова ходилъ въ кафедральный соборъ. По пути заходилъ въ одинъ изъ храмовъ, который давно уже (со дня пріѣзда въ Одессу) обращалъ мое вниманіе своею колокольною безъ купола съ крестомъ на короткомъ шпилѣ; кто-то сказалъ, что это греческая церковь, а на самомъ дѣлѣ это былъ римскій костель. Кафедральный соборъ оказался открытымъ, но службы въ немъ уже не было. И внутри соборный храмъ не произвелъ на меня особеннаго, сильнаго впечатлѣнія, какъ и снаружи; насколько въ немъ продолговата, просторна и проста трапезная съ 2 придѣлами, настолько узка и тѣсновата, оказывается, „настоящая“, т. е. самый храмъ. Здѣсь, за правымъ клиросомъ праваго придѣла въ благолѣпномъ и богатомъ киотѣ помѣщается святыня храма — чудотворная икона Божіей Матери Касперовской, а у лѣваго клироса лѣваго придѣла, около солен, массивный высокій крестъ означаетъ мѣсто упокоенія знаменитаго іерарха, философа и проповѣдника, — пуб-

лицета, горячаго борца за православіе противъ иновѣрія и нигилизма, высокопреосвященнаго архієпископа Никанора; тутъ же не подалеку, подъ солею средняго храма почиваетъ, между прочимъ, и другой „славный витія и великій мыслитель, краса нашей (православной) церкви и слава русской іерархіи“, высокопреосвящ. Иннокентій, архієпископъ Херсонскій, а около южной стѣны лѣваго придѣла трапезной надгробная плита скромно гласитъ о почивающемъ здѣсь также знаменитомъ „назидательномъ витіи, проникнутомъ и проникавшемъ духовнымъ помазаніемъ слова“, — „святительъ любвеобильнѣйшемъ и кратчайшемъ, самоотверженномъ милостивцѣ, благодуннѣйшимъ человѣкѣ и высококомъ по духу слугѣ и послѣдователѣ Христовѣ“¹⁾, архієпископъ Херсонскомъ Димитріи. Помолвившись предъ св. иконою Богоматери и поклонившись праху знаменитыхъ русскихъ іерарховъ витій съ молитвою объ ихъ упокоеніи въ обители Отца небеснаго, я заинтересовался затѣмъ взглянуть и на мѣстную духовную семинарію, которая находится отсюда не особенно далеко и притомъ почти на пути къ Пантелеимоновскому подворью. — Обыкновенно семинаріи помѣщаются на окраинѣ губернскаго города и во всякомъ случаѣ занимаютъ обширныя усадьбы въ одинъ или два квартала. Не то оказывается здѣсь, въ Одессѣ. Обширный семинарскій корпусъ, помѣщаясь въ линію съ соеѣдными строеніями на одной изъ оживленныхъ улицъ, занимаетъ собою почти все усадебное мѣсто, оставляя для прогулки воспитанниковъ только небольшой, узкій дворъ съ 10 или 12 высокими акаціями посрединѣ. Въ корпусѣ этомъ помѣщаются, однако, какъ казеннокошныя, такъ и своекошныя воспитанники съ особыми спальными помѣщеніями и столовыми для тѣхъ и другихъ, равно какъ и двухклассная образцовая церковно-приходская школа. Если что и поразило меня здѣсь особенно пріятно, такъ это заботливость херсонскаго духовенства о музыкальномъ образованіи своихъ дѣтей. Въ корпусѣ, среди классныхъ помѣщеній, отведена довольно просторная комната специально для занятія музыкой и въ ней подъ бдительнымъ призоромъ размѣщены всевозможнаго рода музыкальные инструменты отъ малыхъ, въ родѣ флейтъ, фагота, корнета à pistonа, и до большихъ — контръ-баса, виолончели, фисгармоніи и т. под. Честь и слава духовенству, которое не жалѣетъ затратъ въ тысячи рублей на приобрѣтеніе этихъ инструментовъ для воспитанниковъ своей семинаріи! Возвратившись отсюда на подворье, за вечерней испросилъ позволеніе у о. завѣдывающаго служить завтра (наканунѣ отъѣзда) раннюю литургію; тотъ, разумѣется, охотно позволилъ. — Вечеромъ о. Ипп. огорчилъ было меня извѣстіемъ о томъ, что данныхъ мною документовъ оказывается недостаточно для полученія заграничнаго паспорта и въ канцеляріи г. Градоначальника совѣтовали лично сходить мнѣ завтра къ г. Градоначальнику и попросить его о выдачѣ. Но потомъ узнавъ, что у меня есть свидѣтельство на право священнослуженій за границей, онъ и самъ успокоился, и меня успокоилъ: бывали, говорить, такіе примѣры, выдавали; однако, просилъ, чтобы самъ я завтра сходилъ въ канцелярію съ этимъ свидѣтельствомъ.

¹⁾ Слова высокопр. Никанор а, архієп. Херсонскаго.

3 і ю н я. Съ трудомъ служилъ раннюю. Остылъ ли за ночь или вчера осторожно долго пробылъ на сквозномъ вѣтрѣ, только къ утру появился у меня сильный кашель и боль въ горлѣ; голосъ опалъ и слишкомъ большое приходилось дѣлать напряженіе, чтобы возгласы хотя немного были слышны молящимся.—Ходилъ затѣмъ въ канцелярію г. градоначальника. Дѣло уладилось и лично являться къ г. градоначальнику не нужно было. Свидѣтельство, однако, оставили для отиѣтки, обѣщаясь возвратить его вмѣстѣ съ заграничнымъ паспортомъ.—Около 8 часовъ вечера пришли о. гостинникъ и о. Ипп., послѣдній принесъ мнѣ всѣ необходимыя для заграничнаго паломничества документы, пароходный билетъ 2 класса до Яффы съ квитанціей на возвратный путь и 2 контрамарки на бесплатный проѣздъ въ Яффѣ въ лодкѣ съ парохода на берегъ и обратно. Пароходный билетъ и одну квитанцію о. Ипп. держалъ въ правой рукѣ и подавая, произнесъ лаконически: „это вотъ въ дѣло пойдетъ“ (т. е. теперь же, на пути туда понадобится); „а это, сказалъ онъ, подавая лѣвой квитанцію съ другою контрамаркой,—это съ паломнической книжкой приберите подальше, не затеряйте,—онѣ нужны будутъ на возвратномъ пути; а затеряете, вторыя деньги заплатите“. Очевидно о. Ипп. всегда и всѣмъ паломникамъ такъ вручаетъ пароходные билеты съ контрамарками; не сдѣлалъ онъ исключенія въ этомъ отношеніи, понятно, и для меня. Вслѣдъ за о. Ипп. о. гостинникъ сообщилъ, что завтра послѣ ранней литургіи будетъ напутственный молебенъ общій для всѣхъ, отправляющихся во св. Землю и на Аѳонъ; „послѣ чего, добавилъ онъ, можете дѣлать покупки на дорогу, въ 12 часовъ покушаете, наймете затѣмъ извозчика и отправитесь на пароходъ; тамъ предъявите свой заграничный паспортъ жандармамъ и поѣдете дальше въ Константинополь“.—А развѣ не о. Ипп. будетъ предъявлять паспорта и провожать паломниковъ на пароходъ? спросилъ я, руководясь „Наставленіемъ паломнику“¹⁾—„О. Ипп. будетъ провожать паломниковъ палубниковъ, т. е. 3 класса, отвѣтилъ мнѣ о. гостинникъ,—ихъ нужно будетъ поудобнѣ размѣстить на палубѣ, а у васъ есть опредѣленное мѣсто въ каютѣ,—оно вотъ обозначено на билетѣ, и его уже никто не можетъ занять“.—Итакъ благодареніе Господу Богу! Завтра въ 4 часа вечера выѣзжаемъ въ Константинополь.

4 і ю н я. За ранней и на молебнѣ были всѣ до одного паломника, отправляющіеся на востокъ. Многіе изъ нихъ, если не всѣ, за эти дни говѣли, исповѣдывались и пріобщались. И теперь вотъ за молебномъ всѣ едиными усты и единымъ сердцемъ горячо молились, чтобы Господь даровалъ благополучное путешествіе и плаваніе по водамъ. Исто-во и благоговѣйно съ нами и за насъ молился о. іеромонахъ, поминая на эктеніяхъ каждаго паломника по имени. Служба кончилась; начались приготовленія и заготовленіе необходимыхъ припасовъ на всю по возможности не близкую дорогу и въ часъ дня, поблагодаривъ внимательнаго и предупредительнаго о. гостинника и внесши посильную лепту въ

¹⁾ См. «Наставленіе паломнику» п.п. 9 и 10.

пользу подворья, я на извозчикѣ отправился на пароходъ, сопровождаемый благожеланіями подворскихъ иноковъ.

Приходилось путешествовать на пароходѣ „Россія“. Пароходъ этотъ—одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Русскаго Общества; онъ—довольно большого колибра, имѣетъ не менѣе 40 саж. длины, глубоко сидитъ въ водѣ и снабженъ сильною и прочною машиною. И помѣщенія для пассажировъ на немъ отличаются, сравнительно, удобствами, чистотою и просторомъ; каюты, напр., очень высокія и достаточно свѣтлыя съ свѣжими, чистыми спальными принадлежностями.—Занявъ по пріѣздѣ соответствующее мѣсто въ каютѣ 2 класса, я вышелъ на палубу. Шла оживленно нагрузка парохода; одновременно грузили—съ пристани куръ, а съ баркасовъ какіе-то боченки. Прибывали въ предшествіи иноковъ одна за другой партіи паломниковъ, которые и размѣщались въ крытыхъ помѣщеніяхъ около машиннаго отдѣленія; нѣсколько евреевъ ворчливо дожидались, пока кончится нагрузка, чтобы занять мѣсто у лѣваго борта. Слышался стукъ и грохотъ колесъ подъемной машины, лязгъ цѣпей и выкрики грузившихъ; говоръ людской смѣшивался съ кудахтаньемъ куръ и пѣніемъ пѣтуховъ. Къ 4 часамъ все это поутихло. Курами наполнили оба трюма и весь правый бортъ, а лѣвый бортъ заняли евреи и пассажиры, не пожелавшіе находиться въ крытыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ; жандармы, отмѣтивъ и раздавъ заграничные паспорта, удалились съ парохода и съ 3 свисткомъ „Россія“ стала медленно и плавно отдѣляться отъ пристани. Не разъ и не два при этомъ обѣнили себя крестнымъ знаменіемъ паломники; не у одного, а у многихъ пзъ нихъ, если не у большинства, дрогнуло сердце, стѣснило грудь при разставаніи съ землею. Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по гавани, пароходъ мимо маяка вышелъ въ море и полнымъ ходомъ направился въ безбрежную даль воднаго пространства. Всѣхъ повидимому „охватило новое своеобразное настроеніе. Разговоры смолкли, замерли; лица задумались и только одна пароходная прислуга да матросы беззаботно дѣлали свое дѣло“. А позади, „на сѣверѣ горизонта, скажемъ словами одного путешественника, въ мягкихъ теплыхъ лучахъ солнца тонули живописные берега... Одесса длинною вереницею своихъ домовъ, казалось, уплывала, зарисовывалась въ туманной перспективѣ, будто стягивалась въ миниатюрную рамку, какъ акварель“¹⁾.

5 іюня. Мы въ открытомъ морѣ. Кругомъ ни островка, ни контура отдаленнаго берега; и это безбрежное море безъ всякихъ признаковъ суши будетъ вплоть до Константинопольскаго пролива, въ который войдемъ не ранѣе полуночи. Погода чудная. На небѣ ни облачка; вѣяніе вѣтерка едва замѣтное, на поверхности моря самая легкая рябь. Пароходъ смѣло разсѣкаетъ воды Чернаго моря, которыя съ шумомъ расходятся по сторонамъ, оставляя позади слѣдъ на далекое пространство. На матроской палубѣ небольшая кучка евреевъ въ полосатыхъ балахонахъ и безъ нихъ совершаетъ вслухъ свое субботнее моленіе. Около нихъ столпились любопытные; но это нисколько не смущаетъ евре-

¹⁾ В. Корженевскій, По востоку. М. 1897 г. стр. 4.

евъ и не мѣшаетъ имъ, покачиваясь или оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, продолжать свое благочестивое дѣло. Евреи молятся, подумалъ я, и намъ вѣдь слѣдуетъ помолиться сегодня, по христіански встрѣтить великій праздникъ Св. Троицы. У меня съ собою были взяты епитрахиль и служебникъ съ канонникомъ, у паломниковъ могли оказаться другія богослужебныя книги; безъ сомнѣнія, есть между ними и чтецы съ пѣвцами, а въ такомъ случаѣ ничто не можетъ помѣшать намъ совершить вечеромъ всенощное бдѣніе. Съ такими мыслями направился я къ машинному отдѣленію, около котораго помѣщалась большая часть паломниковъ. Всѣхъ ихъ было достаточно — человекъ до 70. Малыми группами и въ одиночку, сидя и лежа или полулежа, проводили они мирно время или за чтеніемъ какой либо назидательной церковной книги, или же тихо бесѣдуя о предметахъ божественныхъ. Между ними оказались и духовныя лица: почтенный іерей старецъ изъ г. Иркутска съ бравымъ сыномъ, бывшимъ псаломщикомъ, и инокъ изъ какой-то Нижегородской обители. Мысль о всенощной эти послѣдніе, да и всѣ бывшіе около нихъ, приняли сочувственно и даже съ нескрываемою радостію. Псаломщикъ общалъ пѣть, батюшка подпѣвать, а инокъ читать. Начались затѣмъ совѣщанія, гдѣ, какое и когда совершать богослуженіе, — вопросы повидимому не важные, но для насъ, при нашей обстановкѣ и условіяхъ, очень существенные. Гдѣ совершать богослуженіе? Около трюма на палубѣ было совѣмъ не удобно: постоянно ощущался непріятный и тяжелый запахъ птичника и слышались несмолкаемые выкрики куръ и пѣтуховъ. На матросской палубѣ (на носу парохода) было и неудобно и неприглядно, къ тому же матросы что-то постоянно тамъ дѣлали, постоянно находились тамъ. Была еще просторная, чистая и прилично обставленная палуба надъ 1-мъ классомъ, но туда не позволялось входить пассажирамъ палубникамъ. А между тѣмъ эта послѣдняя и была бы самой подходящей для предстоящаго церковнаго торжественнаго богослуженія. Рѣшили поэтому просить у капитана эту послѣднюю палубу. — Какое богослуженіе совершать? Пораспросили присутствующихъ, у кого какія есть церковныя книги, и вопросъ уяснился вполнѣ. У инока оказалась псалтырь, гдѣ онъ общаясь подобралъ и отмѣтилъ псалмы для шестопсалмія, у его соседа новый завѣтъ на славянскомъ языкѣ — а у одной учительницы изъ Тобольской губерніи (къ общей радости) акаѳистъ Пресв. Троицѣ съ канонномъ и стихирами на Господи возвахъ, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ; стало быть, вполнѣ можно было совершить всенощное бдѣніе Пресв. Троицѣ, т. е. празднику. — Когда совершать богослуженіе? — Разумѣется, когда обыкновенно оно совершается, т. е. въ 6 часовъ вечера. — Эти наши совѣщанія скоро стали извѣстны всѣмъ паломникамъ и вотъ многіе изъ нихъ начали подходить къ намъ, чтобы такъ или иначе выразить свое сочувствіе. Одни, наприм., приносили съ собою книги церковной печати и спрашивали: не годится ли? другіе заявляли, что будутъ подпѣвать во время службы, а третьи — что у нихъ есть восковыя свѣчи и иконы: словомъ, замѣчалось и чувствовалось всеобщее оживленіе, одушевленіе и довольство. Рѣшено было въ виду этого: непременно служить сегодня всенощное бдѣніе, и служить, если можно, на верхней палубѣ. Инокъ вызвался сходить къ ка-

питану за позволеніемъ, а мы съ батюшкой и псаломщикомъ учинили нѣчто въ родѣ спѣвки, чтобы узнать, какъ у кого поютъ. Напѣвы оказались одинаковые и послѣ 3-хъ, 4-хъ свящ. пѣсней мы разошлись на время, въ полной увѣренности, что Господь поможетъ намъ совершить всенощную.—Въ каютѣ, куда я спустился, сосѣдь мой еврей оканчивалъ чаепитіе. Онъ еще вчера съ вечера, чтобы не нарушить покоя субботняго дня, предупредительно выдалъ прислугѣ нѣсколько денегъ, прося ее уплатить сегодня за кипятокъ.—Почему вы не сами сегодня заплатили? спросилъ я еврея.—„Намъ закономъ запрещена торговля по субботамъ“.—„Да вѣдь заплатить за кипятокъ, купить, не то же, что торговать?!“.—„Неправда, серьезно и отрывисто сказалъ тотъ,—гдѣ покупаютъ, тамъ и торговля“. Разговоръ оборвался и я невольно съ грустію подумалъ: о сыны Израиля! когда же перестанете вы слѣпо слѣдовать мелочнымъ, пустымъ, безжизненнымъ предписаніямъ Талмуда?—Въ 2 часа снова поднимался на палубу. Инокъ пришелъ отъ капитана недовольный и разстроенный и предлагалъ служить всенощную около трюма на нижней палубѣ, такъ какъ верхней (надъ 1 классомъ) капитанъ не давалъ. Неужели же на самомъ дѣлѣ служить среди куръ и неприятнаго запаха? подумалъ я и лично отправился къ г. капитану, пригласивъ съ собою для вящей убѣдительности одного изъ интеллигентныхъ свѣтскихъ паломниковъ. Капитанъ однако оказался неумолимымъ. Дать верхнюю палубу онъ находилъ невозможнымъ во 1-хъ потому, что на время службы туда наберется очень много пассажировъ 3-го класса (палубниковъ) и при томъ въ такое время, когда по росписанію въ 1 классѣ будетъ обѣдъ и 2-е) наше богослуженіе можетъ обезпокоить пассажировъ 1 класса, между которыми есть и иностранцы. Напрасно говорили мы, что всенощную можно совершать послѣ обѣда т. е. часовъ въ 7; и что сами мы сходимъ къ пассажирамъ 1 класса и попросимъ у нихъ позволенія. Капитанъ рѣшительно отказалъ въ верхней палубѣ. Пришлось тогда избрать матросскую палубу, какъ самую изолированную, куда притомъ совѣзмъ не достигали ни запахъ птичника, ни крики птицъ. Сказали матросамъ, тѣ оказались очень добрыми и внимательными: сердечно отнеслись они къ нашей нуждѣ и обѣщались приготовить и убрать свою палубу къ 6 часамъ вечера. Дѣйствительно, къ назначенному времени палуба ихъ приняла надлежащій приличный видъ; все лишнее было куда-то снесено, а неприглядное и безобразившее убрано; навѣтренная сторона была даже завѣшена брезентомъ. По срединѣ палубы ближе къ носу парохода стоялъ небольшой столикъ, который догадливыя паломницы покрыли бѣлою скатертью и установили иконами (между иконами находилась и икона Пресв. Троицы). Немедленно оповѣстили паломниковъ, зажгли свѣчи и въ началѣ 7-го часа по возгласу: „Слава Святѣй“... и „Придите, поклонимся“ послышалось сначала не особенно твердое и громкое, съ замѣтной дрожью въ голосѣ пѣніе „Благослови, душе моя, Господа“, которое затѣмъ становилось чѣмъ дальше, тѣмъ тверже, стройнѣе и сильнѣе. „На горахъ станутъ воды. Дивна дѣла Твоя, Господи!“ уже увѣренно и

смѣло пѣлъ импровизированный хотя и не очень большой хоръ. Кто-то въ порывѣ благоговѣйной догадливости принесъ къ столу раскаленную крышечку плиты, положилъ на нее немного ладону и получилось куреніе фиміама; я благословилъ и совершилъ кажденіе. Паломники быми всѣ до единого и усердно, сосредоточенно молились, дѣлая поклоны или земные поклоны... Всенощное бдѣніе совершалось затѣмъ безъ особыхъ сокращеній и неторопливо; пѣли и читали громко, отчетливо и съ видимымъ одушевленіемъ. Въ свое время совершенъ былъ поліелей и послѣ чтенія Евангелія паломники прикладывались къ образу Пресв. Троицы; въ концѣ утренни сказано было краткое слово, которымъ присутствующіе призывались воздать благодареніе Господу Богу, даровавшему возможность помолиться накануне великаго праздника, и выражалась благодарность капитану за дозволеніе, а матросамъ за сочувствіе и труды по приготовленію палубы. Во время пѣнія многолѣтія и затѣмъ тропаря празднику присутствующіе прикладывались ко кресту и довольные, благоговѣйно настроенные расходились затѣмъ по своимъ мѣстамъ, чтобы продолжать благочестивую бесѣду или назидательное чтеніе...—Около 12 часовъ ночи нашъ пароходъ входилъ въ Константинопольскій проливъ, гдѣ долженъ былъ стоять на якорѣ до восхода солнца. Луна только что скрылась за правымъ берегомъ, а потому можно было еще различать поверхность воды и контуры береговъ. Берега казались высокими; но самый проливъ неособенно широкъ. Послышалась команда: „отдай“! якорь грузно и съ шумомъ опустился въ воду и мы остановились.

II.

Константинополь и его предметья.

6 іюня. Съ восходомъ солнца почти всѣ пассажиры были на палубѣ. Слова: „Босфоръ“, „мы въблизи Константинополя“, производили какое-то магическое дѣйствіе. Мнѣ, напримѣръ, припоминалась при этомъ прекрасная премія „Нивы“: „Босфоръ при лунномъ освѣщеніи“, и подъ вліяніемъ ея воображеніе рисовало виды одинъ заманчивѣе другаго. Осматриваюсь, однако, при дневномъ свѣтѣ, и окружающая мѣстность оказывается пока далеко не такою. Правда, высокіе берега пролива, покрытые по мѣстамъ густою растительностію, красивы; заманчиво смотрятъ справа и слѣва нѣсколько построекъ восточнаго типа; невадѣкъ впереди видны грозные турецкіе форты; но все это не таково въ общемъ, чтобы производить чарующее впечатлѣніе. Но вотъ пароходъ снялся съ якоря и быстро направился впередъ. Мѣстность очень скоро положительно измѣняется: теперь все,—и причудливыя очертанія береговъ, и растительность, и архитектура строеній,—приковываетъ наше вниманіе, вызываетъ восторгъ и удивленіе. „Случалось ли вамъ, спрашиваетъ по этому поводу одинъ путешественникъ, видѣть тѣ хорошо устроенныя

панорамы, гдѣ отъ одного вращенія руки плавно и быстро смѣняются виды одинъ лучше другаго?“ И теперь вотъ совершается нѣчто подобное въ дѣйствительности: „во всю ширь далекаго горизонта, справа и слѣва бѣгутъ передъ вами поразительныя (прекрасныя) картины. Безконечное полотно этихъ картинъ какъ бы скатывается за далеко оставшимися позади васъ холмами и перо только въ силахъ написать имя, названіе, но не воплотить прелести и красоты, которыя оно обозначаетъ“¹⁾. Начинается это съ Буюкъ-Дере съ его чудными зданіями и зеленою парковъ. „На живописныхъ скатахъ холмовъ, сплошь застроенныхъ роскошными домами всевозможной архитектуры, среди изящныхъ группъ стройныхъ кипарисовъ, пышной зелени чинаръ и маслитыхъ платановъ высятся зданія различныхъ консульствъ и въ томъ числѣ лѣтняя резиденція русскаго посольства“²⁾; изъ прохладной тѣни парковъ среди развѣсистыхъ деревьевъ живописно выматриваютъ террасы и площадки. Пароходъ замедляетъ здѣсь ходъ, чтобы передать корреспонденцію подплывшему чиновнику посольства, и снова предъ нами мелькаетъ вереница изящныхъ строеній и зданій; попадаются теперь и мечети, построенныя на удачно выбранныхъ возвышенностяхъ. Постепенно разрастающіяся красивыя предмѣстья незаметно начинаютъ сливаться съ самымъ городомъ. Вотъ на самомъ берегу Босфора одинъ дворецъ Султана, не высокій, но легкій по стилю и изящный, вотъ другой бѣломраморный, а вотъ и живописная чарующая панорама всего Константинополя.

Константинополь!.. Смотрю я на раскинувшееся огромнымъ амфитеатромъ, облегающее насъ съ сѣвера, запада и юга живописное сборище „дворцовъ, мечетей, прихотливыхъ купъ зелени, перемѣшанныхъ съ группами домовъ, кіосковъ, бѣломраморныхъ колоннъ восточной архитектуры бокъ о бокъ съ европейскими зданіями“³⁾,—на Стамбуль съ его „царственными мечетями“ и Айя Софіей, увѣнчанной вмѣсто креста полумѣсяцемъ, на Галату съ ея возвышающейся надъ зданіями одинокой башней, жалкимъ остаткомъ твердыни бывшаго когда-то здѣсь знаменитаго поселенія Генуэзцевъ, на Золотой Рогъ, усѣянный всевозможнаго рода кораблями, и мысль невольно бѣжитъ въ глубь исторіи, переносится къ давно минувшимъ событіямъ этого привлекательнаго, чарующаго на видъ города, „города древняго, новаго, великаго, гадкаго, священнаго, богомерзкаго, много интриговавшаго прежде, неперестающаго быть предметомъ интригъ и по сію пору“, какъ выразился о немъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ историковъ⁴⁾.—Когда-то незначительный и малоизвѣстный въ теченіи цѣлой тысячи лѣтъ, греческій городокъ этотъ—Ви-

1) В. Корженевскій. По востоку, стр. 7.

2) Тамъ же, стр. 7—8.

3) Тамъ же, стр. 37.

4) Проф. А. Лебедевъ, Недѣля въ Константинополѣ «Богосл. Вѣстникъ» за 1892 годъ. Май, стр. 314.

зантія ¹⁾ со времени Константина Великаго, съ перенесеніемъ сюда столицы изъ языческаго Рима, вдругъ становится центромъ всемірно-исторической жизни народовъ. Городъ быстро растетъ, укрѣпляется и украшается всевозможными зданіями, дворцами и монументами. Христіанскіе императоры византійскіе не щадятъ ничего, — ни силъ, ни средствъ, ни искусства, чтобы сдѣлать этотъ городъ священнымъ городомъ для всѣхъ христіанъ, вторымъ, христіанскимъ Римомъ, — новымъ Иерусалимомъ. Появляются одинъ за другимъ благолѣпные и величественные храмы христіанскіе; строятся мужскіе и женскіе монастыри; воздвигается наконецъ осьмое чудо свѣта Юстиніановъ грандіозный и величѣнный храмъ Св. Софій, Премудрости Божіей. Отовсюду свозятся сюда дорогіе для чувства христіанъ священные предметы: часть древа Креста Господня и другія орудія страданій и смерти Спасителя міра, Его нешвенный хитонъ, риза и поясъ Богоматери, нетлѣнныя тѣла св. апостоловъ, мучениковъ и угодниковъ Христовыхъ, и все это обильно размѣщается по храмамъ и монастырямъ. И Византія, городъ св. Константина, даетъ ходъ и направленіе не внѣшней только политикѣ, но и церковной жизни религіозной; здѣсь своею проповѣдью жгутъ сердца заблуждающихся христіанъ знаменитые отцы церкви Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ; здѣсь собираются соборы вселенскіе. Но вотъ значеніе и вліяніе Византіи начинаютъ сокращаться. Съ востока и юга ее тѣснятъ и отнимаютъ области одну за другой магометане; съ сѣвера дикіе готы и россы, наводняя страну, нерѣдко подступаютъ къ самымъ стѣнамъ; а западъ, въ лицѣ римскаго епископа, совсѣмъ порываетъ съ нею всякую (внутреннюю и внѣшнюю) связь и зависимость. Правда, сильные россы дѣлаются скоро христіанами и получаютъ христіанство изъ Византіи и для нихъ Византія дѣлается уже Царьградомъ — священнымъ, дорогимъ городомъ христіанскимъ. Но дни Византіи, переставшей дорожить православіемъ въры Христовой, были сочтены; беззаконія ея превзошли мѣру долготерпѣнія Божія и она въ 1453 году падаетъ подъ ударами турокъ магометанъ. И что случилось тогда съ этимъ священнымъ городомъ христіанъ? Озлобленные турки фанатики осквернили, сожгли, разрушили храмы и монастыри христіанскіе, превративъ лучшіе изъ нихъ въ свои святилища; понастроили мечетей и „царца“ городовъ христіанскихъ стала столицей богоненавистнаго мусульманства... И снова смотрю я на высящіяся тутъ и тамъ, царящія мусульманскія мечети, и скорбное чувство овладѣваетъ мною. „Это ли наслѣдіе Великаго Константина, водрузившаго крестъ при вратахъ въ Европу? припоминаются мнѣ скорбныя слова знаменитаго путешественника А. С. Норова. Вотъ какъ христіанская Европа платитъ памяти Константина за пролитый на нее свѣтъ христіанства“! Въ самомъ дѣлѣ, болѣе четырехъ-сотъ лѣтъ прошло со дня паденія Византіи; турецкое могущество ослабѣло, турецкіе падишахи со дня на день ждутъ своей участи подобно византійскимъ императорамъ позднѣйшей эпохи и однако подумѣяцъ гордо, вызывающе высится надъ когда-то священнымъ мѣстомъ христіанъ. Доколѣ, Господи!..

1) Основана за 657 лѣтъ до Рожд. Хр.

Взоръ падаетъ на Галату. Три небольшихъ, но благолѣпныхъ купола Аѳонскихъ подворій, увѣнчанные крестами и высящіеся надъ прибрежными зданіями этой части мусульманскаго города, проливаютъ нѣкоторую отраду. Недавно куполы эти высятся надъ окружающими ихъ строениями, недавно видимо для всѣхъ заблестѣлъ здѣсь Крестъ Христовъ. Безъ сомнѣнія, и не мало трудовъ, усилій и затратъ стоило монастырямъ этихъ подворій, чтобы надъ ихъ храмами такъ открыто засіяло побѣдное знамя Христа, чтобы пробита была брешь въ мусульманской нетерпимости. Пароходъ, между тѣмъ, при помощи двухъ небольшихъ греческихъ буксировъ успѣлъ причѣпиться къ якорной бочкѣ неподалеку отъ Галатскаго берега противъ аѳонскихъ подворій; матросы „взяли практику“ (т. е. получено было въ агентствѣ позволеніе на высадку и разгрузку), и десятка два лодочниковъ въ фескахъ, мирно предъ тѣмъ покачивавшихся на водѣ въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, какъ стая хищныхъ птицъ, налетѣли и набросились на пароходъ. Крича, толкаясь и перегоняя другъ друга, по трапамъ и канатамъ быстро взбирались они на палубу, обступали тутъ и тамъ столпившихся и видимо оробѣвшихъ паломниковъ и что-то говоря скороговоркой на непонятномъ языкѣ, однихъ брали за рукавъ, другихъ за одежду, очевидно, предлагая свои услуги по перевозкѣ на берегъ; многіе изъ нихъ не разъ порывались было спуститься и въ помѣщеніе 2-го класса, но прислуга воинственно, геройски защищала входныя двери. Среди этой сутолоки, непонятнаго гвалта и безцеремонности фесокъ невольно чувствовалась какая то безпріютность, сиротство и заброшенность. Поэтому, какъ обрадовались всѣ, когда около парохода среди другихъ лодокъ замѣтили лодку съ 3 подворскими иноками, русскими по происхожденію. Выждавъ время, избѣгая толкотни, спокойно взопли они на пароходъ и участливо, привѣтливо обратились къ паломникамъ, приглашая ихъ пожаловать на то или другое подворье. Повѣяло чѣмъ-то роднымъ и знакомымъ; лица паломниковъ прояснились; довѣрчиво какъ къ самымъ близкимъ роднымъ наперерывъ стали обращаться они къ прибывшимъ съ своими недоумѣніями и распросами. — „Россія“ по росписанію должна была простоять здѣсь болѣе двухъ сутокъ. За это время свободно можно было поѣтить св. мѣста Константинополя и осмотрѣть самый городъ; а потому и желающихъ отправиться на подворья нашлось порядочное число. — Поручивъ свой багажъ надзору служителя при каютахъ, немедленно въ сопровожденіи добродушнѣйшаго, привѣтливѣйшаго и скромнѣйшаго о. Никиты спустился я вмѣстѣ съ другими въ лодку отъ Пантелеимоновскаго подворья. Здѣсь о. Никита взялъ у насъ паспорта, показалъ ихъ бывшему около парохода турецкому чиновнику, а затѣмъ и совѣмъ оставилъ ихъ въ таможи на берегу. Толпою, неотставая другъ отъ друга очень скоро, узкими грязноватыми улицами, постоянно почти наталкиваясь на собакъ, пришли мы на подворье, гдѣ руководимые радушно встрѣтившими насъ иноками и размѣстились немедленно по номерамъ. Было 7 часовъ утра; на подворьѣ только что начиналась литургія, а потому всѣ поторопились подняться

на вышку, гдѣ помѣщается храмъ. Небольшой и невысокій, но благолѣпный подворскій храмъ былъ уже полонъ молящихся. Войдя туда, можно было совѣмъ забыть, что находишься вдали отъ Россіи, находишься въ Константинополь, городъ мусульманскомъ: все здѣсь напоминало дорогое нашему сердцу, родное, православно-русское. По случаю праздника Св. Троицы храмъ убранъ былъ зеленью; чтеніе богослужебныхъ часовъ слышалось по-славянски и притомъ правильнымъ русскимъ акцентомъ; присутствовали здѣсь подворскіе иноки, паломники русскіе и нѣсколько южныхъ славянъ въ ихъ національныхъ костюмахъ. Въ небольшомъ алтарѣ меня привѣтливо, какъ давняго знакомаго, встрѣтили, готовившіеся къ совершенію литургіи іеромонахи. Литургія совершена была торжественно (служили 4 іеромонаха) при задушевномъ, умиленномъ пѣніи и чтеніи иноковъ.—Замѣтилъ нѣкоторыя особенности, которыя невольно бросились въ глаза. Такъ, священнослужащіе во время литургіи клали свои служебники прямо на св. престолъ, а во время Херувимской пѣни, приложившись ко св. престолу, они кланялись, между прочимъ, и предстоящимъ людямъ; „Вѣрую“ читали, а не пѣли (какъ и въ Кіевопечерской лаврѣ); нѣкоторые возгласы послѣ „Херувимской“, несмотря на служеніе съ о. іеродиакономъ, произносили сослужащіе іеромонахи по указанію о. предстоятеля, а не одинъ предстоятель (напр. „И даждь намъ едиными усты“ произносилъ 2-й изъ сослужащихъ, а „Яко твое есть царство“ 3-й); колѣнопреклоненныя молитвы во время вечерни читали 1-ю и 3-ю о. предстоятель, а 2-ю старшій изъ сослужащихъ.—Отстоявъ затѣмъ молебенъ, я заявилъ было о. завѣдывающему о своемъ желаніи служить завтра (въ Духовъдень) литургію; но тотъ осторожно замѣтилъ, что на это нужно предварительно испросить благословеніе у ихъ Патріарха (т. е. Константинопольскаго), такъ какъ безъ его благословенія мнѣ позволить оны, къ сожалѣнію, не можетъ, потому что бывали случаи, что изъ-за подобнаго дозволенія (безъ Патріаршаго благословенія) возникали нежелательныя и большія неспрiятности для подворской братіи. Патріаршую церковь предполагалось обозрѣвать сегодня же до обѣда, а потому, чтобы не беспокоить о. завѣдывающаго, я рѣшился лично испросить у Его блаженства нужное дозволеніе. — Изъ храма вышелъ затѣмъ на площадку, откуда открывается одинъ изъ прелестныхъ видовъ на окружающую мѣстность и залюбовался имъ. Внизу предо мною— „мощная ширь Босфора и шумный рейдъ, загроможденный судами, быстро мелькающія точки—пароходы; оттуда доносятся гомонъ кипучей жизни, учащенные свистки пароходовъ. Прямо съ азіатскаго берега смотритъ Скутари, зарисованный смутными очертаніями столпившихся домовъ на отлогихъ скатахъ. Едва бѣлѣетъ какъ будто выдвинувшаяся изъ глубины зеркальныхъ водъ поэтическая башня Леандра, у подножія которой Босфоръ слился съ царственною ширью Пропонтиды. Правѣ тонкой лентою пролегла золотистая синева Мраморнаго моря съ туманною далью ярко освѣщеннаго горизонта, Какъ крылья колоссальной чайки, распластаны изогнутые паруса едва замѣтныхъ кайкъ ¹⁾.

¹⁾ *Кайкъ*—турецкая лодка.

тихо перебѣгающихъ съ одного берега къ другому²⁾“. Еще правѣе ближе ко мнѣ навѣдѣющій на грустныя размышленія „живописный Стамбуль съ своими мечетями. Всѣ онѣ какъ на ладони поднимаются среди купъ зелени. Вотъ Аія Софія золотится въ яркихъ лучахъ, усиливая впечатлѣнія желтою окраской своихъ контрфорсовъ; за ней встаетъ мечеть Валиде, высятся гиганскія минареты Сулейманіе“³⁾. — „А вонъ древній Халкидонъ! любезно сказалъ мнѣ подошедшій инокъ, указывая рукой правѣ Скутари на заселенный выступъ азіатскаго берега, — онъ называется теперь „Кади-кюю“⁴⁾. — Такъ вотъ гдѣ, подумалъ я, (въ 451 году) происходилъ знаменитый Халкидонскій соборъ и былъ храмъ св. Евфиміи, въ которомъ засѣдали свв. отцы! И мнѣ живо стали припоминаться нѣкоторыя засѣданія этого собора, поведеніе еретика Діоскора и сочувствовавшихъ ему лицъ, прибытіе императора Маркіана и его супруги св. Пульхеріи; рѣчь императора и проч....

Послѣ чая, радушно предложеннаго намъ въ небольшой, уютной и прилично обставленной столовой, на любезный вопросъ о гостинника: не желаетъ ли кто посѣтить св. мѣста Константинополя и обозрѣть его достопримѣчательности, всѣ безъ исключенія паломники не задумываясь отвѣтили полнымъ согласіемъ. Немедленно дали намъ проводника инока, въ предшествіи котораго и направились мы къ Стамбулу, предположивъ нанять тамъ извозчиковъ. Коротенькимъ узкимъ переулкомъ скоро вышли мы на оживленную Галатскую улицу и тотчасъ же подхвачены были ея шумнымъ теченіемъ. Все здѣсь поражало новизною и необычайностію. Улица была узкая, — не болѣе 3¹/₂ сажени въ ширину, съ поразительно узкими троттуарами, а между тѣмъ по ней проходили вагоны конно-желѣзной дороги, проѣзжали кареты, экипажи, фургоны, торопливо шли вьючныя животныя и непрерывной во всю ширину улицы толпою тянулись, встрѣчаясь и перегоняя другъ друга, люди всевозможныхъ націй и костюмовъ. Все это, искусно лавируя, сбѣшило, шумѣло, кричало, какъ у себя въ домѣ, и нужна была крайняя осторожность и внимательность, чтобы не раздавить чего на пути и избѣжать неприятныхъ толчковъ, а пожалуй и ударовъ хлыста. Вотъ слышится „рожекъ кучера конки и передъ дышломъ (вагона) въ двухъ шагахъ, весело улыбаясь, потный и запыленный бѣжитъ проводникъ турокъ, разгоняя крикомъ толпу и помахивая (чѣмъ-то въ родѣ скалки). Иначе нельзя было бы двинуться вагону, не рискуя ежеминутно задавить кого-либо изъ прохожихъ или собакъ. Вотъ, торопливо топоча ногами, перегоняетъ васъ небольшой „караванъ эсликовъ, сплошь заваленныхъ и завѣшенныхъ всевозможными тяжестями, начиная отъ корзины съ овощами и кончая накрестъ положенными длинными рельсами. Погонщикъ бредетъ сзади, предоставляя (самимъ) животнымъ выбирать себѣ путь и направленіе“. Вотъ прямо на васъ колыхаясь движется цѣлая гора какихъ то ящиковъ или же двухъ-аршинная корзина, до верху набитыя хлѣбами, и съ

2) Б. Корженевскій, По востоку, стр. 39.

3) Тамъ же, стр. 50.

4) У проф. А. Лебедева: *Кадыкжей*, почему-то.

ужасомъ старонясь, вы теперь только замѣчаете, что то и другое нагромоздилось на спинѣ чловѣка ¹⁾). Удивляешься послѣ всего этого, какъ на подобной столь оживленной улицѣ среди такой сутолоки могутъ еще существовать пресловутыя Константинопольскія собаки, эти—преанатичныя, неряшливыя и неприглядныя съ обнаженною подчасъ спиною или шею животныя; а между тѣмъ ихъ здѣсь очень много. Небольшими кучками (по 3 или 4 штуки) тутъ и тамъ лежатъ онѣ или стоятъ у троттуаровъ, а иногда и среди улицы, совѣмъ не обращая вниманія на торопливо проходящихъ и проѣзжающихъ. Только взмахъ хлыста извожика или ударъ ноги неосторожнаго прохожаго могутъ заставить ихъ (и опять таки лѣнливо) подняться и уступить дорогу. На моихъ глазахъ колесо быстро двигавшагося экипажа переѣхало черезъ ногу одной, лежавшей вблизи троттуара, которая только теперь, жалобно взвизгивая, поднялась и, влача ногу, отошла въ сторону... Осторожно лавируя между прохожихъ и собакъ, шли мы по улицѣ, наблюдая ея своеобразную жизнь и засматривая по временамъ въ раскрытыя лавки и магазины, откуда нерѣдко доносился мелодическій звонъ колокольчиковъ. И въ чередованіи видовъ торговли, какъ и въ уличной жизни, здѣсь замѣчается какая-то беспорядочность и хаотичность. Хорошіе магазины, напр., помѣщаются часто рядомъ съ невзрачными овощными или мясными лавками; и проходя вы видите то изящныя вещи ювелира или мужскіе манекены, разодѣтые по послѣдней модѣ, то обдаетъ васъ запахомъ жареной баранины или пекарни и вы видите, какъ готовитъ поваръ шашлыкъ или какъ пекутъ хлѣбы въ булочной.—Вымѣнявъ нѣсколько турецкихъ денегъ неподалеку отъ Галатскаго моста, что пересѣкаетъ Золотой Рогъ въ нижней его части, и заплативъ съ чловѣка по „паричкѣ“ (2 или 2¹/₂ коп., на наши деньги), мы направились по этому длинному мосту на противоположную сторону; здѣсь наняли за очень сходную цѣну нѣсколько фаэтоновъ (насъ было 12 чловѣкъ) и по отвратительной мостовой малооживленными узкими по обычаю улицами скоро выѣхали на площадь, примыкающую къ Айя-Софіи. вмѣсто того, чтобы направиться къ воротамъ ея ограды, выходящимъ на площадь, наши возницы почему-то взяли лѣвѣе и, обогнувъ западную часть ея, остановились на косогорѣ у входа съ противоположной сѣверной стороны.—Св. Софія, какъ извѣстно, первоначально построена была Константиномъ Великимъ; послѣ бывшаго въ ней пожара импер. Θεодосій Младшій возстановилъ ее въ сравнительно большемъ размѣрѣ, а импер. Юстиніанъ, послѣ новаго пожара, выстроилъ въ томъ колоссальномъ объемѣ, въ которомъ сохраняется она и въ настоящее время. Императоръ Юстиніанъ, какъ извѣстно, не задумывался ни надъ чѣмъ при ея сооруженіи. На ея постройку онъ израсходовалъ до 3¹/₄ милліоновъ рублей; привезъ изъ разныхъ мѣстъ своей имперіи свыше 40 изящныхъ дорогихъ колоннъ изъ порфира, зеленой яшмы, гранита и под.; а зодчіе Апонимій и Исидоръ вложили въ это дѣло все свое знаніе и умѣніе. Благодаря всему этому храмъ Св. Софіи явился величественнымъ и изящнымъ сооруженіемъ, съ которымъ не могутъ быть сравни-

¹⁾ Корженевскій В. По востоку, стр. 18.

ваемы ни знаменитые образцы зодчества древней Греціи и Рима, ни величественные памятники сооруженій готическихъ и арабскихъ „Небывалая ни прежде, ни послѣ гениальная смѣлость постройки (замѣчательная пропорція всѣхъ частей), необыкновенная роскошь внутренняго убранства и легкость обширнаго купола (до 15 сажень въ поперечникѣ) сдѣлали это зданіе чудомъ технического искусства. Соединяя мысль о крестѣ съ мыслию о небесахъ, доступныхъ лишь чрезъ него, зодчіе основали свой храмъ на четырехъ исполинскихъ аркахъ и четырьмя приникшими къ нимъ полуцилиндрами обозначивъ снаружи крестообразное зданіе, отважно набросили сверху арокъ обширный куполъ на подобіе глубокаго неба“¹⁾. И храмъ Св. Софіи оказался настолько величественнымъ и чуднымъ, что по освященіи его, припоминая величіе и славу знаменитаго храма Соломонова, импер. Юстиніанъ не безъ основанія воскликнулъ: „я превзошелъ тебя, Соломонъ“! А кровожадный Христоненавистникъ Магометъ 2-й, побѣдоносно войдя, тотчасъ же по взятіи Константинополя, въ этотъ храмъ по трупамъ убитыхъ христіанъ, невольно поддался обаянію его величія, тутъ же приказалъ муллѣ совершить хвалебную молитву Аллаху за дарованную побѣду и обратилъ его затѣмъ въ мусульманскую мечеть, увѣнчавъ полумѣсяцемъ и пристроивъ 4 минарета.—Однако, внѣшнимъ своимъ видомъ въ настоящее время Св. Софія непроизводитъ на зрителя особаго впечатлѣнія и не поражаетъ. Смотри съ рейда Золотого Рога, проф. А. Лебедевъ, напр., нашелъ ее столь лишенною „всякой художественности“, что сравнилъ съ „сидящей по турецки, поджавъ ноги, дебелой старицей, укутанной множествомъ шалей и имѣющей на своемъ челѣ повязку или чадру“²⁾. Правда, въ этомъ сравненіи есть не мало поэтической вольности; однако, вѣрно то, что нѣкоторые изъ послѣдующихъ за Юстиніаномъ византійскихъ императоровъ, а больше всего „новый мусульманскій міръ, разрошійся на развалинахъ Константинополя сдавили (обезобразили) этотъ грандіозный монументъ христіанства уродливыми пристройками, контрфорсами, кучей зданій, облегающихъ его (почти) отовсюду³⁾“, и Айя Софія на первый взглядъ дѣйствительно является „какою-то нелѣпою громадою зданій“. Особенно непривлекательно выглядываетъ она съ сѣверной стороны, гдѣ остановились наши экипажи.—Полные любопытства спустились мы къ глубокой входной аркѣ, гдѣ находились два мусульманина привратника. Вънутрь храма почему-то войти было нельзя, и намъ предложили осмотрѣть пока хоры. Хоры мечетей не признаются у мусульманъ за мѣста священные, а потому и посѣтить ихъ дозволили намъ безъ пресловутыхъ „бабуш“ или туфлей. Широкимъ, довольно отлогимъ сводчатымъ ходомъ стали подниматься мы, внимая подъ монотонный глухой шумъ своихъ шаговъ, разсказу проводника инока о томъ, какъ одинъ изъ византійскихъ императоровъ позволялъ себѣ подниматься этимъ самымъ ходомъ верхомъ на конѣ,—и чрезъ нѣсколько минутъ были

1) Путеводитель по Константинополю. Изд. іеромонаха Антонія. Одесса, 1884 г. стр. 70

2) См. его сочин. «Недѣля въ Константинополѣ», стр. 310.

3) В. Корженевскій, По востоку, стр. 37.

уже тамъ.—Нѣкоторые изъ посѣтителей Св. Софіи обыкновенно скорбятъ, если имъ почему-либо не удастся побывать на хорахъ, въ томъ, безъ сомнѣнія, предположеніи, что тамъ находится немало интереснаго для ихъ христіанской любознательности; а мы, на оборотъ, очень сожалѣли, что пришлось начать свой обзоръ съ этихъ именно хоръ;—этимъ мы, во всякомъ случаѣ, испортили себѣ первое впечатлѣніе.—Правда, хоры Св. Софіи просторные (саж. 5—6 ширины, если небольшие), высокіе; полъ мраморный; начинаясь у алтарнаго углубленія (абсиды), они идутъ вокругъ всего обширнаго храма; множество (60) колоннъ изъ дорогаго цвѣтнаго мрамора съ капителями изящной работы, соединяясь между собою рѣшетками, окаймляютъ ихъ открытую (обращенную внутрь храма) сторону. Но какъ все это загрязнено и заброшено! Мраморный полъ весь растрескался и трещины наполнены пылью, превратившеюся въ грязь; пыль на капителяхъ колоннъ, пыль на перилахъ рѣшетки, на послѣднихъ по мѣстамъ наблюдается и немало птичьяго помета. И какъ бы въ отвѣтъ на недоумѣніе относительно послѣдняго въ воздухѣ слышались взмахи крыльцевъ, и 2 голубя пролетѣли на противоположную сторону. При взглядѣ на все это невольно припоминаются слова Спасителя о мерзости заустѣнія на святомъ мѣстѣ, вопліи примѣнимыя и къ данному храму. Съ хоръ отчасти виднѣнъ знаменитый куполь и нижнее помѣщеніе храма, но то и другое не въ состояніи было разсѣять навѣянныхъ скорбныхъ думъ. Въ куполь наблюдалась неряшливая пестрота и отъ обвалившейся по мѣстамъ п кое-какъ подновленной известью штукатурки, и отъ незадѣланныхъ выбоинъ и трещинъ, и отъ незадрапированныхъ съ оборотной стороны грубо сколоченныхъ рамъ съ изреченіями корана, а внизу повисшіе почти надъ самымъ поломъ многочисленные (какъ бы сплошныя) не искусной работы желѣзные круги—свѣтильники на желѣзныхъ же прутьяхъ свидѣтельствовали о совершенномъ безвкусіи турокъ—владѣльцевъ этого храма. И грустно, невыразимо грустно становится на душѣ и невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ такое сокровище отняли у христіанъ турки? и если отняли, то почему не заботятся они о его благолѣпшіи и красотѣ?.. Проводникъ иннокъ между тѣмъ зоветъ насъ идти къ алтарной абсидѣ, чтобы показать тамъ просвѣчивающій сквозь известъ мозаическій ликъ Спасителя,—и по пути останавливаетъ у небольшого карниза, рельефно выступающаго на совершенно гладкой стѣнѣ. По преданію, здѣсь была дверь. Когда турки, овладѣвъ Константинополемъ, ворвались въ Софійскій храмъ, священникъ, совершавшій литургію, взявъ священные сосуды, скрылся въ эту дверь, которую послѣ того открыть уже никто не могъ. Однако, добавляетъ преданіе, когда православные опять овладѣютъ Константинополемъ, священникъ выйдетъ изъ двери и докончить литургію.—Осмотрѣвъ затѣмъ ликъ Спасителя, темнымъ контуромъ проглядывающій съ горняго мѣста, мы обошли кругомъ все хоры, видѣли удѣлѣвшіе по мѣстамъ высѣченные на мраморѣ кресты и въ глубокомъ раздумѣ спустились внизъ. Теперь насъ заставили надѣть просторныя „бабуши“, открыли входъ и, осторожно двигая ногами по золотистымъ циновкамъ, чтобы не сронить „бабушъ“, вошли мы внутрь храма. Боже! какое величественное сооруженіе! Какая противоположность между внѣшнимъ

и внутренним видом! между тѣмъ, что мы видѣли съ хоръ, и тѣмъ, что видимъ теперь! Сколько простора! какое обиліе свѣта! какая чудная красота! какое изящество рѣзбы на капителяхъ величественныхъ колоннъ изъ драгоценнаго мрамора! Ни одно описаніе этой внутренности, какъ бы оно ни было тщательно сдѣлано, никакая фотографія и литографія не могутъ вполне передать всей прелести ея величія и красоты, ни тѣмъ болѣе возбудить того чистаго наслажденія и впечатлѣнія, какое дается этимъ зрѣлищемъ. Надъ обширнымъ пространствомъ саженъ 20 или 25 ширины, а въ длину и того больше, опираясь на подкуполы, тяготѣтъ, царить грандіозный куполь, прорѣзанный множествомъ оконъ, и на всемъ этомъ пространствѣ ни одной арки, ни одного столба! куполь какъ бы виситъ въ воздухѣ и до самой глубины видѣтъ стовсюду. Онъ — нѣчто, поистинѣ, „неподражаемое“. По мнѣнію большинства археологовъ, куполь этотъ есть не иное что, какъ храмъ центрической (круглой) формы, утвержденный на верхней части другаго базиликообразнаго храма, составляющаго корпусъ софійской церкви. Утвердить храмъ на другомъ храмѣ — задача, разрѣшеніе которой требовало гениальности; и это тѣмъ болѣе, что весь куполь Св. Софійи сдѣланъ изъ камня и, какъ сказано, прорѣзанъ множествомъ оконъ ¹⁾. — Алтарное отдѣленіе храма, приподнятое на нѣсколько ступеней, совершенно открыто (нѣтъ даже самой ничтожной преграды). Въ углубленіи его, у самой стѣны посрединѣ стоитъ каедрa съ алкораномъ; по обѣ стороны ея — 2 свѣчи колоссальныхъ размѣровъ (я сначала принялъ ихъ за колонны) и настолько высокихъ что зажигаютъ ихъ при помощи винтообразныхъ лѣстницъ, придѣланныхъ тутъ же къ стѣнѣ. Въ началѣ алтарнаго углубленія на право у самой стѣны на значительной высотѣ помѣщается небольшая каедрa для муллы съ изящнымъ шатрообразнымъ навѣсомъ и съ узкою почти отвѣсною лѣстницею внизъ. Налѣво противъ ея (около алтарнаго же углубленія) — возвышенное мѣсто для султана; оно имѣетъ осьмиугольную форму, закрыто вызолоченною рѣшеткою, поддерживаемой 8 колоннами изъ темнозеленаго мрамора, и увѣнчано лучезарнымъ золотымъ солнцемъ... Смотри, однако, на окружающій просторъ и обиліе свѣта, на изящество и богатство украшеній, невольно какъ то забываешь и про каедрu съ алкораномъ, и про нерящество турокъ и переносишься мыслию къ тѣмъ временамъ, когда храмъ этотъ былъ христіанскимъ храмомъ, когда о благолѣпіи его всячески заботились византійскіе императоры, когда открытое теперь алтарное мѣсто отдѣлялось невысокимъ изъ чистаго серебра съ позолотою иконостасомъ съ иконами Спасителя, Божіей Матери и свв. апостоловъ, а за нимъ, возвышаясь надъ драгоценнымъ престоломъ, ярко блестѣлъ, золотился превосходной чеканной работы пирамидальный покровъ, устроенный на 4 серебро-вызолоченныхъ колоннахъ, — и становится понятнымъ тогда, почему предки наши добросердечные кіевляне — послы Владиміра, присутствуя здѣсь за торжественнымъ патріаршимъ служеніемъ, созерцая богатство и величіе храма и внимая задушевному благолѣпному христіанскому богослуженію, недоумѣва-

¹⁾ См. цит. соч. проф. А. Лебедева, стр. 316.

ли: на небѣ они, или на землѣ, и всею душою безповоротно затѣмъ прильпились къ любовильному ученію Христову... Проводникъ однако зоветъ впередъ. Посреди храма онъ приподнимаетъ цинковку, чтобы показать намъ колодезь, надъ которымъ былъ нѣкогда мраморный обручъ, принесенный сюда при Юстиніанѣ изъ Сихаря, съ того самаго колодца, у котораго Спаситель бесѣдовалъ съ женою Самарянокю; но мраморъ такъ плотно прилепъ къ отверстию, что всякая попытка открыть его оказалась бесполезною. Подошли затѣмъ къ каедрѣ съ алкораномъ; осмотрѣли ее и колоссы—свѣчи около ней и мимо высокой 4-хъ-угольной открытой площадки, подъ которой 2—3 мусульманина расположились въ молитвенныхъ позахъ, прошли подъ хоры храма. Здѣсь намъ показали одну изъ величайшихъ святынь мусульманъ—камень изъ святилища Каабы, къ которому мусульмане прикасаются съ великимъ благоговѣніемъ, а напротивъ, на высотѣ аршинъ 4¹⁾ отъ полу-темный отпечатокъ кисти руки. Говорятъ, что Магометъ 2-й, по взятіи Константинополя, ворвавшись съ своими войсками въ Софійскій храмъ, переполненный христіанами, по трупамъ убитыхъ подѣхалъ къ этому мѣсту и окровавленной рукой коснулся арки, давая тѣмъ знать, что отнынѣ этотъ храмъ христіанскій дѣлается священнымъ мѣстомъ мусульманъ. Отпечатокъ руки находится довольно высоко, а потому и необходимо предположить, если вѣрно преданіе, массу убитыхъ въ храмѣ христіанъ, иначе, сидя на конѣ, Магометъ не могъ бы свободно коснуться рукой указанного мѣста. Направляясь далѣе, мы замѣтили одного турка, который ходилъ по храму обутыми ногами, безъ бабушъ, и указали на него сопровождавшему насъ привратнику мусульманину. Тотъ объяснилъ чрезъ инока, что турокъ тотъ пришелъ въ храмъ въ галошахъ, которыя и оставилъ въ притворѣ; тоже самое могли бы сдѣлать и мы, если бы пришли сюда также, какъ и онъ, въ галошахъ. Осмотрѣвъ еще нѣсколько мозаическихъ крестовъ, темнымъ контуромъ просвѣчивавшихъ тутъ и тамъ по стѣнамъ, мы вышли изъ подъ хоръ. Теперь проводникъ начинаетъ усиленно торопить насъ выходомъ, такъ какъ въ храмѣ скоро имѣла начаться общественная молитва, а между тѣмъ, какъ хотѣлось бы быть здѣсь еще и еще. И прежде, чѣмъ совсѣмъ покинуть этотъ храмъ, мы остановились на минуту и прощальнымъ взоромъ окинули его внутренность. „Я знаю, скажу словами проф. А. Лебедева, все лучшіе храмы русской церкви: Исаакія и Казанскій въ Петербургѣ, Софію (и Владимірскій) въ Кіевѣ и, конечно, Успенскій соборъ и храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Но все они не могутъ произвести того впечатлѣнія, какъ св. Софія Константинопольская. Этотъ храмъ по истинѣ—единственный въ своемъ родѣ“¹⁾.

Выходили мы изъ храма чрезъ притворъ иными, южными дверями, а не тѣми, которыми входили. Предъ св. Софіей, когда она была христіанскимъ храмомъ, красовался величественный памятникъ ея основателю. Этотъ памятникъ одинъ изъ нашихъ русскихъ паломниковъ, бывшій въ Константинополѣ въ половинѣ XIV вѣка, такъ описываетъ: „ту (т. е. предъ дверьми св. Софіи) стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотой и

¹⁾ См. цит. соч. проф. А. Лебедева, стр. 320.

красотою издавеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстиніанъ великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣхъ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ рудѣ держитъ яблоко, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно на полудни, на срацинскую землю къ Іерусалиму“¹⁾, „а самъ хвалится на срацинскіе цари, а срацинскіе цари противу ему стоятъ, держатъ въ рукахъ своихъ дань“, добавляетъ къ этому другой русскій паломникъ начала XV вѣка. Понятно, со взятіемъ Константинополя турками, не стало этого неприятнаго для нихъ памятника. И выходя во дворъ св. Софіи, приходилось намъ наблюдать всюду одни лишь осязательныя свидѣтельства владычества мусульманъ: съ высоты минаретовъ неслись заунывные протяжные звуки муэдзиновъ, призывавшихъ „правовѣрныхъ“ на молитву; у стѣны ограды лѣвѣе назойливо глядѣла увѣнчанная полумѣсяцемъ усыпальница пашей и ихъ семействъ, правѣе — въ небольшомъ разстояніи — мраморный водоемъ, у котораго 2—3 мусульманина совершали омовенія предъ входомъ въ храмъ на молитву. Мы направились къ усыпальницѣ, внутренность которой и осмотрѣли, на сколько то было возможно, черезъ окно. „Передъ нами рядъ оригинальной формы гробницъ, лѣстницей уменьшающихся къ краямъ отъ находящейся посрединѣ. Въ изголовьяхъ ихъ — бѣлыя митры или фески съ аграфами и драгоцѣнными камнями. Черные бархатные покровы, затканые жемчугомъ и серебромъ, ниспадаютъ на полъ, устланннй коврами и циновками. Большая люстра изъ хрустала спускается надъ всѣмъ этимъ въ центрѣ“²⁾. Все вообще свидѣтельствовало здѣсь о заботливости и вниманіи къ умершимъ со стороны остающихся въ живыхъ.—На площади, куда вышли мы затѣмъ черезъ ворота ограды св. Софіи, давно, оказывается, ожидали насъ наши извозчики и тѣ немногіе изъ паломниковъ, которые не пожелали посѣтить св. Софію. Теперь мы направились къ Живоносному Источнику за городъ и по-пути очень скоро прибыли на совершенно безлюдную, плохо содержимую большую площадь древняго Ипподрома (Атъ-Мейданъ)—эту знаменитую арену борьбы партій „голубыхъ“ и „зеленыхъ“, въ которой не стыдились принимать активное участіе и византійскіе императоры. Налѣво взоръ нашъ невольно привлекла красивая мечеть Ахмета I, съ шестью стройными минаретами, мраморной колоннадой и замѣчательными бронзовыми воротами. Небольшая каменная ограда, затканная сѣткой рѣшетокъ, отдѣляетъ ее отъ площади Атъ-Мейдана. Говорятъ, султанъ Ахмать истощилъ всѣ свои сокровища на построеніе этой мечети и до того увлекался и интересовался постройкой ея, что еженедѣльно, по пятницамъ приходилъ сюда пѣшкомъ, работалъ вмѣстѣ съ мастерами, а вечеромъ собственноручно выдавалъ рабочимъ ихъ дневной заработокъ. И мечеть эта, нужно сознаться, по внѣшнему своему виду дѣйствительно является одною изъ лучшихъ и великолѣпнѣе даже знаменитой Айя-Софіи. Шесть минаретовъ ея едва было не послужили поводомъ къ священной войнѣ съ оскорбленнымъ шерифомъ города Мекки. Сама Кааба, это главное святилище мусульманства, въ то время не имѣла болѣе 6 минаретовъ, и вдругъ Ахметъ I дерзнулъ

1) Путешествія русскихъ людей по Св. Землѣ. СПб. 1839 г. стр. 13—14.

2) Корженевскій В. По востоку, стр. 45—46

сравнить съ нею свое излюбленное дѣтище. Только прибавкой 7-го минарета къ святилищу Мекки султанъ вольнодумецъ спасъ себя отъ отлученія ¹⁾. — Правѣ мечети Ахмета, по срединѣ площади возвышаются три памятника уцѣлѣвшіе отъ хищничества крестоносцевъ и турокъ:—это египетскій обелискъ Тутмеса III, змѣная колонна и колонна Константина Порфиророднаго, жалкіе остатки той роскоши, которою обставлена была площадь древняго Ипподрома. — Египетскій обелискъ представляетъ четырехугольную каменную плиту (изъ пѣльнаго Фивскаго гранита), покрытую іероглифами, сажень 6 или 8 вышины и аршинъ 3-хъ ширины, утвержденную на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. Онъ вывезенъ Константиномъ Великимъ изъ Іліополя, гдѣ составлялъ одно изъ украшеній храма Солнца, и если называется обелискомъ Θεодосія, то потому, что императ. Θεодосій Великій возстановилъ его послѣ паденія во время бывшаго землетрясенія. Пьедестады обелиска украшенъ барельефомъ, который изображаетъ импер. Θεодосія на тронѣ съ супругою и дѣтми Аркадіемъ и Гоноріемъ. — Колонна Константина Порфиророднаго находится тутъ же неподалеку отъ обелиска, напротивъ его, и поражаетъ своимъ крайне жалкимъ видомъ. Карнизы этой колонны во многихъ мѣстахъ пообвалились и вся верхняя часть ея ежеминутно грозитъ паденіемъ. Воздвигнутая въ свое время изъ кирпича и камня затѣмъ, чтобы служить метою ристалищу (откуда начинался бѣгъ колесницъ), она для прочности и красоты окована была блестящей мѣдью; но крестоносцы, принявъ эту мѣдь за золото, ободрали мѣдную оболочку и предоставили, такимъ образомъ, колонну эту разрушительному дѣйствию воздушныхъ стихій, вслѣдствіе чего она и пришла въ крайнюю ветхость. — Непригляднымъ выглядитъ изъ своей воронкообразной ямы также и двухсаженный обломокъ Змѣиной колонны, который можно замѣтить, только подѣхавъ ближе къ ямѣ. Въ жгутъ свитая бронзовая колонна эта, поразительно маленькая по сравненію съ своими сосѣдями, въ свое время представляла трехъ исполинскихъ змѣй, узлами переплетшихся между собою, головы которыхъ съ открытою пастью выдавались въ стороны. Такою видѣлъ ее, напр., нашъ русскій паломникъ начала XV вѣка („три главы асидовы мѣдяны вмѣсто одной главы,—описываетъ онъ эту колонну, и въ нихъ запечатлѣнъ ядъ змиинъ, тотъ, кого охавить змія внутрь града, и тѣи прикасаютьбоса и исцѣлевають, аще ли внѣ града, то нѣсть исцѣленія“) ²⁾. Такою, понятно, привезена была она и импер. Константиномъ Великимъ изъ Дельфъ, гдѣ поддерживала золотой треножникъ въ храмѣ Аполлона; но Магометъ ли 2-й изъ удалства, а быть можетъ и одинъ изъ его грубыхъ преемниковъ, повѣривъ молвь о сокровищахъ, скрытыхъ внутри ея, обезобразилъ эту колонну, уничтоживъ всю ея верхнюю часть. — Осмотрѣвъ эти памятники и поднявшіе съ площади въ гору („недалечъ добраго перестрѣла“, выразимся словами паломника XV вѣка), мы снова остановились у высокой неправильной цилиндрической формы черной колонны съ незаконченнымъ верхомъ, пьедесталъ который

¹⁾ Б. Корженевскій. По Востоку, стр. 40.

²⁾ Путешествія русскихъ людей по Св. Землѣ стр. 58—59.

застроенъ какими то зданіями. Это—колонна Константина, извѣстная болѣе подъ именемъ „погорѣлой колонны“. Она первоначально украшала форумъ древняго Рима, откуда и привезена была сюда импер. Константиномъ Великимъ; составлена она изъ 8 кусковъ египетскаго порфира, скрѣпленныхъ по швамъ мѣдными обручами, и въ свое время служила подножіемъ, Фидіевой статуѣ Аполлона, увѣнчанной лучами, съ надписью: „Константицу, сіяющему подобно солнцу“. Землетрясеніе разрушило верхъ этой колонны и импер. Мануиль Комненъ достроилъ ее плитами изъ камня. Этотъ же императоръ, вѣроятно, и увѣнчалъ ее крестомъ, и она въ глазахъ народа получила священное значеніе. По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ о ней русскій паломникъ XIV вѣка: „Столпъ правобѣрнаго царя Константина отъ багряна камене сотворенъ; наверху его вдланъ крестъ; въ томъ же столпѣ лежатъ („запечатлѣны“) 12 кошъ укругъ, сѣкира Ноева“... „и камень, изъ него Моусей воду источи“ (последнее добавляетъ паломникъ начала XV вѣка) ¹⁾. Само собою понятно, что съ завоеваніемъ Константинополя турками, не стало и креста на этой колоннѣ и священное значеніе ея отошло въ область преданій.—Напоивъ здѣсь у водоема лошадей, мы направились далѣе. Теперь очень скоро пришлось ѣхать окраинами города, глухими улицами и переулками. Дома здѣсь очень небольшіе и деревянные, а улицы до того по мѣстамъ узки, что просто недоумѣваешь, какъ могутъ развѣзжаться на нихъ встрѣчающіеся экипажи. Встрѣчь, однако, у насъ совсѣмъ не было и мы благополучно достигли знаменитыхъ старинныхъ стѣнъ Византіи, которыя нѣкогда тройною линіей окружали ее, защищая съ суши. Сильвірійскими воротами выѣхали мы за городъ на шоссе, вдоль котораго на далекое пространство раскинулось турецкое кладбище. Могучіе стройные кипарисы, остроконечными вершинами своими возившіеся въ небо, безмолвно осѣняли покривившіеся тутъ и тамъ отъ времени безчисленные надгробные памятники, состоящіе по большей части изъ стоймя поставленныхъ мраморныхъ плитъ или колоннъ, часто изукрашенныхъ позолотою и увѣнчанныхъ то чалмою или яблокомъ (могилы мужчинъ), то просто закругленныхъ сверху (могилы женщинъ). Экипажи наши вѣхали въ прохладную тѣнь кипарисной роши, и узкою дорогою по еще болѣе, чѣмъ въ самомъ городѣ, отвратительной мостовой сравнительно скоро достигли греческаго монастыря, гдѣ находится Живоносный Источникъ „Балуклы“.—Относительно этого Источника нужно сказать слѣдующее.—Когда-то давно, въ царствованіе императора Маркіана (въ половинѣ V вѣка) воевода Левъ Макелль, будущій императоръ, прогуливаясь въ Балуклійской рощѣ въ жаркій лѣтній день, встрѣтилъ слѣпца, который, изнемогая отъ жажды, попросилъ его дать ему воды. Напрасно сострадательный воевода всюду искалъ живительной влаги, чтобы спасти умирающаго, воды нигдѣ неказывалось. Утомленный и удрученный неудачей возвращался Левъ къ старцу, какъ вдругъ слышитъ голосъ изъ чащи: „Царь Левъ! внутри роши найдешь ты источникъ живой воды, которою напоишь изнемогающаго отъ

¹⁾ См. Путешествія русск. людей по св. Землѣ, стр. 19, 59.

жажды и помазавъ очи возвратишь ему зрѣніе. Надъ этимъ источникомъ Я помогу тебѣ потомъ соорудить храмъ во имя Мое, въ которомъ всѣ благочестивые, съ вѣрою ко Мнѣ притекающіе, получаютъ исполненіе благихъ своихъ желаній и исцѣленіе отъ недуговъ“. Изумленный и обрадованный Левъ исполнилъ небесное велѣніе такъ, какъ ему было приказано: напоилъ и возвратилъ зрѣніе слѣпому, а сдѣлавшись императоромъ, соорудилъ надъ источникомъ благолѣпный храмъ во имя Пресвятыя Богородицы. Молва о чудесахъ источника быстро распространилась по всюду и толпы народа стали стекаться сюда для полученія исцѣленій. Впослѣдствіи, импер. Юстиніанъ, исцѣлившись отъ тяжелой болѣзни водою этого источника, вмѣсто существоваващаго тогда храма соорудилъ новый болѣе великолѣпный и устроилъ при немъ мужескую иноческую обитель. Спустя 227 лѣтъ храмъ этотъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ и затѣмъ возстановленъ царицею Ириною, супругою Льва Исаврянина. Снова разрушенный храмъ былъ возстановленъ импер. Василиемъ Македоняниномъ, который построилъ при немъ также и Загородній дворецъ. При взятіи Константинополя, турки разрушили до основанія и храмъ, и бывшую при немъ обитель и источникъ заваленъ былъ грудой камней; но благодатныя исцѣленія при немъ и послѣ того продолжали совершаться. Спустя нѣсколько лѣтъ турки дозволили построить надъ нимъ небольшую часовню; но въ 1821 г., во время греческаго востанія, часовня эта была уничтожена янычарами. Въ 1830 г. патріархъ Констанцій исходатайствовалъ у султана дозволеніе на возстановленіе древней церкви, но построить новую по недостатку средствъ пришлось ему въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, — и построена была она, нужно замѣтить, преимущественно на обильныя приношенія русскихъ: одна графиня Орлова—Чесменская пожертвовала на постройку ея до 50000 піастровъ.— Обильныя исцѣленія Живоносный источникъ продолжаетъ источать и въ настоящее время; и нынѣ привлекаетъ онъ къ себѣ не однихъ только христіанъ, но и турокъ, и послѣдніе вѣрятъ въ его чудодѣйственную силу, а потому и они нерѣдко массами съ благоговѣніемъ стекаются къ нему для полученія исцѣленій. Называется Источникъ этотъ турецкимъ именемъ „Валуклы“, т. е. „источникомъ рыбъ“, вѣроятно, въ виду слѣдующаго легендарнаго сказанія, сохранившагося въ народѣ. Когда, послѣ продолжительной осады, Константинополь былъ взятъ турками, то объ этомъ дано было знать благочестивому старцу, жившему при Живоносномъ источникѣ.— „Тогда повѣрю, что Константинополь взятъ,— сказалъ старецъ,— когда эти, поджаренныя мною рыбки оживутъ и очутятся въ Живоносномъ источникѣ“. И дѣйствительно рыбки будто бы немедленно ожили и унеслись въ живоносный ключъ, гдѣ и до сихъ поръ будто бы гуляютъ, нисколько не вырастая ¹⁾.—

Около монастырскихъ воротъ, гдѣ въ прохладной тѣни густыхъ деревьевъ остановились наши экипажи, было не мало богомольцевъ, разодѣтыхъ по праздничному. Одни выходили изъ монастыря и шли къ прилежающему тѣнистому (христіанскому) кладбищу, другіе были уже тамъ и гуляли или сидѣли живописными группами, а иные только входили

¹⁾ См. Цит. выше. Путеводитель по Константинополю, стр. 87—91.

въ монастырь, направляясь къ пещерному храму Живоноснаго источника, расположенному нѣсколько правѣ (съ западной стороны) Соборной церкви, привѣтливо смотрѣвшей на насъ сквозь зеленыя вѣтви стройныхъ деревьевъ. Мимо своеобразной сторожки, гдѣ важно возсѣдала сытая внушительнаго вида феска, по небольшой площадкѣ прошли мы ко входу въ пещеру; здѣсь купили у монаха грека по свѣчѣ (свѣчи очень оригинальны—конусообразныя съ очень длинными фитилями и чрезвычайно мягкія) и по лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней спустились внизъ.—Пещерный храмъ очень небольшой, но высокій и достаточно свѣтлый. Сплошной высокій иконостасъ съ поразительно низкими (въ поясъ человѣка) царскими вратами (какъ во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ) не выдѣляется ни богатствомъ украшеній, ни изяществомъ рѣзбы. У западной стѣны тщательно отдѣланный мраморный водоемъ заключаетъ въ себѣ святыню храма—живоносную, чрезвычайно прозрачную, ключевую воду. Не особенно широкій, поставленный предъ нимъ продолговатый столъ съ двумя каменными чашами, наполненными водою, преграждаетъ доступъ къ источнику; лѣвѣ—нѣсколько ступеней ведутъ къ площадкѣ, гдѣ, въ особомъ помѣщеніи, желающіе могутъ обдать себя живоносною влагою. При нашемъ входѣ у стола тѣснилось нѣсколько паломниковъ: одни благоговѣнно пили воду, другіе омывали ею лице или голову, а третьи наполняли св. водою принесенные сосуды; въ то же время около иконостаса духовенство служило молебень на греческомъ языкѣ. Помолившись и мы подошли къ Источнику, испили на пользу тѣлесную и душевную нѣсколько поданной прохладной, чрезвычайно вкусной воды и попросили наполнить ею нарочито припасенные для того пузырки. Предъ уходомъ въ то время, какъ спутники прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ, я съ дозволенія бывшаго тутъ іеромонаха грека заходилъ въ алтарь, гдѣ молитвенно и преклонилъ колѣна предъ св. престоломъ. Алтарь очень узкій, тѣсный и темный; не широкій, продолговатый престолъ приставленъ прямо къ восточной стѣнѣ: жертвенника нѣтъ,—его, вѣроятно, замѣняетъ лѣвая сторона продолговатаго престола; на послѣднемъ рядомъ съ св. Евангеліемъ лежитъ и какая то богослужебная книга (не служебникъ ли? подумалъ я невольно). Солеи предъ алтаремъ вовсе нѣтъ, а есть только небольшой амвонъ противъ царскихъ вратъ.—Приложившись къ иконѣ Божіей Матери Живоноснаго Источника, мы направились въ Соборный храмъ. Не особенно высокій, но просторный храмъ этотъ, производитъ самое отрадное, умиляющее впечатлѣніе и своею чистотою, порядкомъ, и обиліемъ свѣта, и изяществомъ, и архитектурой. Мнѣ въ первый разъ приходилось наблюдать здѣсь храмъ, построенный въ видѣ древней базилики, а потому я и обратилъ особенное вниманіе на его устройство.—Двумя продольными рядами тонкихъ, красивыхъ колоннъ (7 или 8 въ рядѣ) храмъ этотъ симметрически дѣлится на три части или на два—средній широкій и два боковыхъ (одинаковыхъ)—нѣсколько уже. Отдѣляя средній, широкій навесъ отъ боковыхъ, колонны эти поддерживаютъ въ то же время и приподнятую аршина на 2 надъ боковыми навесами полуциркулярную крышу его, выступы которой прорѣзаны множествомъ невысокихъ

(широкихъ) оконъ. Свѣтъ, обильно падающій чрезъ эти окна, дѣлаеть чрезвычайно свѣтлымъ и безъ того очень свѣтлый храмъ. Прибавьте къ тому бѣлоснѣжный мраморный иконостасъ прекрасной работы, образцовую чистоту и множество хрустальныхъ съ хрустальными же подвѣсками большихъ и малыхъ люстръ и лампадъ между ними, и вы поймете ту духовную, внутреннюю свѣтлость и радость, какія послѣ странствій по мусульманскому Стамбулу испытывали мы, находясь въ этомъ прекрасномъ храмѣ—базиликѣ. Отсюда слишкомъ страннымъ и непонятнымъ кажется мнѣ печатный отзывъ одного изъ просвѣщенныхъ паломниковъ относительно этого храма, что будто бы онъ—храмъ этотъ— „представляетъ верхъ безвкусія, свойственнаго выродившимся современнымъ грекамъ, хотя строители его и не поскупились на мраморъ для его украшенія». Наоборотъ, храмъ этотъ построенъ съ большимъ вкусомъ и очень привлекателенъ.—Въ алтарѣ его особенностей не наблюдалось; солея предъ алтаремъ очень узкая—вершка въ 2 или 1½, съ небольшимъ амвономъ противъ низенькихъ царскихъ вратъ. По обѣ стороны колоннъ, отступя отъ алтаря аршина на 2, идутъ, прерываясь только однажды для прохода въ боковыя навсы, сплошныя сидѣнья (стасидии) на подобіе монашескихъ сидѣній нашихъ монастырей. Ближе къ алтарю около нихъ, внутри средняго навса—возвышенныя открытыя мѣста для клира, а у рѣшетки, отдѣляющей мѣста клириковъ отъ предстоящихъ въ храмѣ—богато украшенная каеэдра патріарха. Съ западной стороны къ храму примыкаетъ четырехугольный просторный нартексъ или притворъ; здѣсь въ древнія времена стояли оглашенные и кающіеся, а теперь здѣсь совершаются иногда нѣкоторые краткія богослуженія, равно какъ и требы для желающихъ; здѣсь же помѣщается и свѣчной ящикъ.—Изъ нартекса западная дверь привела насъ на небольшую открытую площадку—мѣсто упокоенія „вселенскихъ“ (Константинопольскихъ) патріарховъ. Нѣсколько мраморныхъ саркофаговъ, съ высѣченными наверху ихъ крестами и митрами, отмѣчаютъ находящіяся здѣсь могилы великихъ іерарховъ; за ними, почти тутъ же, подъ густою тѣнью невысокихъ деревьевъ, какими то судьбами, пріютились и 2 или 3 могилы мірянъ—христіанъ, именитыхъ гражданъ г. Константинополя.—Осмотрѣвъ это кладбище, мы покинули св. обитель Живоноснаго источника и достигнувъ византійскихъ стѣнъ, вдоль ихъ направили свой путь. Непрерывною лентою, то всползая на холмы, то спускаясь по уступамъ, упираясь въ круглыя, четырехгранныя и осмиугольныя башни, протянулись эти стѣны, исчезая вдали. Сколько мощи въ нихъ, этихъ заброшенныхъ, когда-то грозныхъ твердыняхъ Константинополя! Сколько видѣли и пережили онъ въ свое время! сколько разъ обѣ ихъ неприступную толщу сокрушались копья и стрѣлы дикихъ полчищъ персовъ, скивовъ, арабовъ и турокъ 1)! И теперь несмотря на то, что время наложило на эти стѣны свою печать, продолжая губительную работу человѣческаго разрушенія, онъ производятъ величественное впечатлѣніе своею грандіозностію. Есть даже что-то поэтическое въ ихъ

1) В. Корженевскій, По востоку, 14 стр.

разнообразныхъ очертаніяхъ: тамъ онѣ съ важностію наклонились въ одну сторону, здѣсь онѣ уже смиренно склонились въ другую, тамъ висятъ онѣ какъ бы на воздухѣ, готовыя ежеминутно рухнуть, а здѣсь гордо висятся онѣ во всемъ своемъ неприступномъ величіи, хотя выросшее наверху ихъ деревцо предательски говоритъ о совершенно противномъ.— Вдоль стѣнъ на всемъ ихъ протяженіи идетъ глубокій, заброшенный каналъ, облицованный камнями (въ него прежде впускалась вода изъ Мраморнаго моря); а лѣвѣе продолжало тянуться безконечное турецкое кладбище съ осѣняющимъ его тѣнистымъ лѣсомъ высокихъ и стройныхъ кипарисовъ. Дорога—совсѣмъ не оживлена; не видно экипажей, изрѣдка попадались небольшія группы греческихъ семей въ праздничныхъ одеждахъ; однажды встрѣтилась карута, запряженная порой черныхъ буйволовъ, и однажды два турка съ осликами перегнали насъ; одинъ высокорослый и коренастый переважно возсѣдалъ на маленькомъ животномъ, ногами своими почти-что касаясь земли, а другой, погонщикъ, вѣроятно, ускореннымъ шагомъ слѣдовалъ за животнымъ, постегивая его хлыстомъ. Но вотъ цѣпь кипарисовъ разорвалась и на тѣнистой лужайкѣ мы увидѣли 2—3 палатки съ веселой компаніей турецкихъ солдатъ. Здѣсь, по словамъ проводника, находился когда-то греческій монастырь, иноки котораго всѣ безъ исключенія были перерѣзаны злыми турками при взятіи Константинополя. Отъ монастыря не осталось теперь никакого слѣда, только небольшая часовня при пути напоминаетъ о бывшемъ неподалеку мѣстѣ славныхъ греческихъ подвижниковъ. Адрианопольскими воротами, которыя очень близко отсюда, мы снова вѣхали въ Стамбуль, чтобы посѣтить мечеть Кахріе-джамиси, бывшую христіанскую обитель во имя Христа Спасителя, которая и нынѣ славится своими прекрасно сохранившимися христіанскими мозаиками.—Обитель Христа Спасителя Жизнодавца, извѣстная больше подъ именемъ Загородной или Подгородной обители, возникла не позже конца IV вѣка. Первоначально небольшая и незначительная, она возобновлена была и расширена императоромъ Юстиніаномъ Великимъ, а зять тирана Фоки, епархъ Прискъ въслѣдствіи обогатилъ и украсилъ ее. Разрушавшаяся затѣмъ отъ времени и восстанавливаемая, обитель эта окончательно была обновлена, обогащена и украшена внутри и извнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ теперь существуетъ, знаменитымъ великимъ логоѳтомъ (канцлеромъ) Θεодоромъ Метохитомъ въ 1321 году, при императорѣ Андроникѣ Старшемъ. Въ 1453 году при взятіи Константинополя она была разграблена турками, но пощажена отъ разоренія, а чрезъ 40 лѣтъ послѣ того великій визирь Али-паша обратилъ ее въ мусульманскую мечеть ¹⁾. Мечеть находится въ одномъ изъ захолустныхъ мѣстъ Стамбула неподалеку отъ Адрианопольскихъ воротъ, въ глубокомъ оврагѣ, куда доступъ въ экипажахъ совсѣмъ невозможенъ. Пѣшкомъ спустились мы туда въ предшествіи инока. Хорошій „бакшишъ“ (денежная подачка) очень скоро открылъ намъ двери и мы вошли въ притворъ храма. Притворы древнихъ христіанскихъ храмовъ, обращенныхъ турками въ мечети, оказывались для этихъ послѣднихъ не нужными, а потому по большей

¹⁾ См. цит. Путеводитель по Константинополю, стр. 45, 48.

части они и оставались турками въ ихъ прежнемъ видѣ. Тоже наблюдается и здѣсь, въ этомъ бывшемъ нѣкогда христіанскомъ храмѣ. При входѣ въ притворъ на насъ милостиво взиралъ мозаическій образъ Спасителя, отчетливо видимый среди ликовъ святыхъ Угодниковъ и священныхъ событій, тутъ и тамъ мозаически же изображенныхъ и расположенныхъ по стѣнамъ и сводамъ; среди изображеній мы ясно различали Рождество Спасителя, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ и др. По сторонамъ средней внутренней двери, ведущей въ мечеть, ясно выдѣляются два большія мозаическія изображенія свв. ап. Петра и Павла, а надъ нею—колѣнопреклоненный Феодоръ Метохитъ въ пурпуровой, украшенной золотомъ шапочкѣ подаетъ сидящему на престолѣ Христу Спасителю планъ какой-то церкви.— Не особенно большой величественный храмъ, чуждый всякихъ украшеній, куда вошли мы изъ притвора, переполненъ былъ солнечнымъ свѣтомъ, обильно падавшимъ изъ оконъ широкаго купола. У западной стѣны, словно статуи, замерли въ молитвенныхъ позахъ три турчанки, изъ которыхъ одна почему-то была съ незакрытымъ лицомъ. Благодушный турокъ—привратникъ подвелъ насъ сначала къ правому, а затѣмъ лѣвому восточнымъ выступамъ стѣны и открывая привѣшенные здѣсь деревянные щиты, произнесъ отрывисто ломанымъ языкомъ „Христосъ“, „Божя Мать“,—и на выступахъ, дѣйствительно, оказались отчетливыя мозаическія изображенія на правомъ Спасителя, а на лѣвомъ Божіей Матери съ ликами свв. ангеловъ надъ Ними. Очевидно, эти священные, дорогія для христіанъ изображенія, обыкновенно, во избѣжаніе соблазна мусульманъ, бывають прикрыты щитами и только при посѣщеніи мечети христіанами, открываются на короткое время для ихъ обозрѣній. Явленіе во всякомъ случаѣ странное.—Южной дверью прошли мы затѣмъ въ бывшій придѣльный храмъ свв. равноапостольныхъ Константина и Елены, гдѣ также осматривали сохранившіяся мозаики и фрески; заходили послѣ того въ небольшое помѣщеніе древней крещальни и прежде, чѣмъ совсѣмъ выйти, еще разъ задержались въ притворѣ предъ чудными мозаиками. Вотъ что говоритъ о ихъ достоинствѣ осматривавшій ихъ проф. А. Лебедевъ. «Я зналъ, пишетъ онъ, блестящіе снимки софійской мозаики, изданные Фосатти и сдѣланные этимъ художникомъ при реставраціи Софіи въ 40-хъ годахъ, не менѣе блестящіе снимки солунской мозаики Тессеѣ и наконецъ поражающіе своимъ изяществомъ снимки съ катакомбныхъ фресокъ Перре. Всѣ эти снимки, какъ слишкомъ красивые, мнѣ казались подозрительными въ отношеніи точности,—преукрашенными. То же чувство недовѣрія испытывалъ я и приступая къ обзору мозаики мечети (Кахріе-джамиси). Я полагалъ найти вмѣсто прославляемыхъ за свою красоту мозаикъ что-нибудь тусклое, неясное, неопредѣленное, словомъ—слишкомъ археологическое. Но меня постигло пріятное разочарованіе... Если не всѣ (мозаическія изображенія), то многія изъ нихъ, именно тѣ, которыя меньше пострадали отъ времени и нерящества турокъ, просто очаровывали взоры: лики и фигуры Богоматери, Предвѣчнаго Младенца, праведнаго Іосифа, волхвовъ, пастырей и различныхъ аксессуарныхъ персонажей—въ различныхъ художественныхъ комбинаціяхъ—

выступаютъ передъ зрителемъ въ яркихъ, почти свѣжихъ цвѣтахъ и являются исполненными жизненной правды. Какимъ образомъ эти мозаики такъ хорошо сохранились и какимъ образомъ посредствомъ такого неблагогодарнаго матеріала, какъ камешки, можно придать изображеніямъ жизненность и движеніе, вообще художественную правдивость? Это не могло не поразить меня. И хотя не полное освѣщеніе (притвора) не дастъ въ совершенствѣ уловить каждую деталь, но это не мѣшаетъ зрѣлищу быть глубоко поучительнымъ... Я вошелъ въ мечеть сомгѣвающимся, а вышелъ оттуда глубоко вѣрующимъ. Никакія описанія, никакіе рисунки не убѣдили бы меня въ томъ, въ чемъ убѣдили въ самое короткое время собственные глаза. Прекрасныя мозаики, дошедшія до насъ отъ древности, какъ я ясно (теперь) увѣрился, не суть плодъ фантазіи археологовъ, нерѣдко грѣшащихъ увлеченіями въ области своей спеціальности, но дѣйствительные, реальные факты¹⁾.—Адриано-польскими же воротами снова выѣхали мы за городъ и снова слѣдуемъ вдоль византійскихъ стѣнъ и мусульманскаго кладбища. Казавшіяся безконечными стѣны, наконецъ, начинаютъ сливаться съ городскими постройками и спустившись въ глубину лоцины, мы вступаемъ въ часть Стамбула, населенную греками. Улицы здѣсь, однако, по обычаю грязны и неприглядны, а мостовыя съ такими выбоинами, что приходилось ѣхать шагомъ. Высокіе дома буквально лѣпились одинъ къ другому, съужая и безъ того узкія улицы своими однообразными выступами (балконами). Собаки, какъ полные хозяева, располагались тутъ и тамъ по улицамъ и экипажи иногда принуждены были сворачивать, чтобы не раздавить животныхъ, нехотѣвшихъ покидать своего ложа на какой нибудь кучѣ изъ отбросовъ зелени и разной дряни. Скоро мы остановились у едва замѣтнаго переулка и чрезъ ворота тѣнистой аллеи направились къ Влахернскому храму.—„Влахернскій“ храмъ Богоматери, называемый такъ по мѣстности, въ которой находится (Влахерны), воздвигнутъ „Августой“ Пульхеріей въ 435 году, въ началѣ царствованія императора Маркіана. Императоръ Юстиніанъ пристроилъ къ этому храму двѣ арки сѣверную и южную и храмъ получилъ крестообразную форму. Въ 1070 году храмъ сгорѣлъ до основанія и былъ воздвигнутъ вновь, въ лучшемъ и большемъ видѣ, импер. Андроникомъ Старшимъ. За 19 лѣтъ до паденія Константинополя Влахернскій храмъ снова сгорѣлъ и оставался въ развалинахъ почти до нашихъ дней. Развалины эти съ уцѣлѣвшимъ въ нихъ чудодѣйственнымъ источникомъ первоначально (со дня взятія Константинополя) находились во владѣніи какого-то турка мусульманина, который бралъ хорошую плату съ христіанъ, приходившихъ на св. источникъ; но въ 70-хъ годахъ нынѣшняго (XIX) столѣтія цехъ константинопольскихъ скорняковъ христіанъ откупилъ Влахернскій источникъ (агіасму) съ руинами у турокъ и построилъ здѣсь

¹⁾ См. цит. сочин. проф. А. Лебедева, «Недѣля въ Константинополѣ», стр. 328—329. Интересующіеся могутъ читать объ этихъ мозаикахъ въ сочиненіи проф. Одесскаго университета Кондакова: «Исторія византійскаго искусства и иконографіи. Мозаика Кахріе-джамиси». Одесса, 1881 года. съ XII табл. рисунковъ

часовню, а затѣмъ и небольшой благолѣпный храмъ.—Въ древнія времена Влахернскій храмъ пользовался особеннымъ благоговѣйнымъ вниманіемъ христіанъ. Въ немъ до послѣдняго пожара хранились поясъ и риза Богоматери (послѣдняя, представляя изъ себя шерстяной головной покровъ, опускавшійся на плечи и покрывавшій ихъ, называлась также „омофоромъ“) и мощи свв. Потапія и Анастасія. Риза и поясъ Богоматери, по словамъ русскаго паломника XIV вѣка, лежали «во altarѣ на престолѣ, въ ковчегѣ запечатана, приковано желѣзомъ, а ковчегъ сотворенъ отъ камене, хитро вельми“. Въ этомъ храмѣ св. Андрей, Христа ради юродивый, со своимъ ученикомъ Епифаніемъ въ 911 году, во время осады Константинополя кievскими князьями Аскольдомъ и Диромъ, сподобился видѣть за всенощнымъ бдѣніемъ Матерь Божию, стоящую на воздухѣ со множествомъ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ, осѣняющую христіанъ честнымъ своимъ омофоромъ. Въ этомъ же храмѣ Пресвятая Богородица, въ образѣ Царицы, окруженной множествомъ воиновъ, соблаговолила нанять искусныхъ мастеровъ для построенія великой церкви въ обители препод. Антонія и Θεодосія печерскихъ въ Кіевѣ по указанному Ею плану и снабдила мастеровъ небольшою иконою Успенія Божіей Матери, тою самою, которая находится въ настоящее время въ Кіево-печерской Лаврѣ 1).—Любуясь красивымъ цвѣтникомъ и тѣнистымъ садомъ, подъ развѣсистыми деревьями котораго неподалеку сидѣло нѣсколько духовныхъ особъ—грековъ, мы незамѣтно подошли къ скромно пріютившемуся за нимъ невысокому Влахернскому храму: купили въ притворѣ по свѣчѣ и съверными (кажется, единственными) дверями вошли внутрь. Храмъ оказывается сравнительно небольшимъ, но производитъ впечатлѣніе удобнаго приближенія для молитвы. Южная стѣна его (ближе къ алтарю) заключаетъ въ себѣ старинную арку, уцѣлѣвшую отъ древняго великолѣпнаго храма; здѣсь-то и находится мраморный круглый водоемъ съ источникомъ св. воды (агіазмой), гдѣ нѣкогда христіаннѣйшіе императоры византійскіе предъ своимъ вступленіемъ на престолъ омывали свое тѣло при пѣніи нарочито для этого торжественнаго случая составленной литіи. Приложившись къ иконѣ Влахернской Божіей Матери, а въ иконостасѣ—къ Покрову Ея, напомнившему намъ о когда-то бывшемъ здѣсь чудесномъ видѣніи, мы подошли къ св. источнику, испили немного воды, предупредительно поданной намъ греками, и тутъ же неподалеку прикладывались къ частицамъ св. мощей. Стоявшій при нихъ грекъ священникъ неожиданно поразилъ насъ неуклюжею выходкой. Замѣтивъ, что никто изъ подходящихъ къ св. мощамъ не кладетъ на выставленную имъ тарелку денегъ, онъ рѣшился напомнить, но сдѣлалъ это такъ неумѣло и рѣзко („чего стоишь? давай денга!“ сказалъ онъ громкимъ голосомъ одному изъ подошедшихъ), что и тѣ, которые первоначально располагали было дать что нибудь, прошили теперь мимо (ничего неположивъ), возмущившись этимъ крайне неблаговиднымъ

1) См. цит. Путеводитель по Константинополю, стр. 93, 94, 95, 98.

поступкомъ. — Узкой лѣстницей около южной стѣны поднялись мы затѣмъ на небольшую площадку съ невысокимъ (вершковъ въ 6 или 10) мраморнымъ столбомъ, возсѣдая на которомъ когда-то Царица Небесная въ образѣ царицы земной, по преданію, наняла мастеровъ для построенія Великой церкви нашей Кіево-печерской лавры. — При выходѣ изъ храма насъ окружила толпа дѣтей, очень прилично одѣтыхъ, которыя, привѣтливо улыбаясь, протягивали однако руки, рассчитывая, очевидно, на денежную подачку. Ни въ приѣмахъ, ни въ костюмахъ ихъ не проглядывало чего-либо нищенскаго, обездоленнаго, а потому и никто изъ насъ не соблаговолилъ дать имъ какую-либо монету, хотя маленькіе попрошайки и продолжали слѣдовать за нами до самыхъ воротъ. — И снова мы ѣдемъ по отвратительнымъ грязноватымъ улицамъ Фанара, населеннаго греками. Въ одинъ изъ проспектовъ этихъ улицъ на берегу Золотого Рога мы увидали чрезвычайно стройную темноватаго цвѣта болгарскую церковь съ колокольнею (она изъ желѣза), построенную по образцу нашихъ русскихъ церквей. И какъ то отрадно стало на душѣ; невольно обнажились наши головы и мы въ первый разъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ на улицахъ Стамбула. Скоро затѣмъ и самыя улицы неожиданно стали нѣсколько лучше и экипажи наши остановились у входа въ монастырь св. Георгія — резиденцію константинопольскихъ патріарховъ. — Монастырь св. Георгія или константинопольская православная Патріархія, находится какъ разъ посрединѣ Фанара, христіанскаго участка Стамбула. Прежде это былъ небольшой женскій монастырь съ церковію во имя Пресвятыя Богородицы „Всеблаженнѣйшей“ и только съ 1614 года, съ высленіемъ изъ него монахинь, онъ сталъ резиденціею константинопольскихъ патріарховъ. Первоначально константинопольскіе патріархи жили при храмѣ св. Софіи. Съ паденіемъ же Константинополя и обращеніемъ св. Софіи въ мечеть, Магометъ II предоставилъ патріарху Геннадію жить при храмѣ св. Апостоловъ, построенномъ Константиномъ Великимъ, который по величинѣ и красотѣ занималъ первое мѣсто послѣ храма св. Софіи. Однако, послѣ двухлѣтнаго пребыванія здѣсь, среди окружающаго исключительно мусульманскаго населенія, патр. Геннадій, тѣснимый, вѣроятно, султаномъ, счелъ за лучшее добровольно перенести свою резиденцію въ обитель Всеблаженнѣйшей, вокругъ которой въ значительномъ количествѣ жили христіане, при чемъ проживавшія въ обители монахини переселены были въ близъ лежащій храмъ св. Іоанна Крестителя. Въ 1591 году при султанѣ Мурадѣ III обитель Всеблаженнѣйшей была отнята турками у христіанъ и патріархъ Рафаилъ II вынужденъ былъ перенести свою резиденцію къ церкви св. Димитрія, что въ Ксилопортѣ, а отсюда вскорѣ послѣ того патріархъ Тимофей (1614—1621) перенесъ ее въ Фанаръ на мѣсто нынѣшней патріархіи, гдѣ, какъ сказано, находилась тогда небольшая женская обитель. Тѣсную церковь обители патріархъ Тимофей расширилъ, переименовавъ въ церковь св. Георгія, и приспособилъ къ нуждамъ патріархіи; тогда же во дворѣ построены были и жилища помѣщенія для архіереевъ, пріѣзжающихъ въ Константинополь какъ по своимъ дѣламъ, такъ и для присутствованія въ патріаршемъ синодѣ (патріаршій синодъ Константинопольскій состоитъ изъ 12 архіереевъ). Въ 1701 году, во вре-

мя возстанія противъ султана Мустафы II, патриархія была сожжена; но спустя 14 лѣтъ патриархъ Іеремія III возстановилъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ и теперь.—Съ улицы въ патриархію ведутъ трое воротъ, изъ которыхъ среднія (они внутри ограды) ознаменованы, во время греческаго возстанія, въ 1821 году мученическою смертію блаженнаго патриарха Григорія V. Святитель повѣшенъ былъ на перекладинѣ этихъ воротъ въ первый день Пасхи, 12 апрѣля.—Два дня, передають очевидцы, висѣло тѣло его, будучи предметомъ поруганія низкой черни; на третій жида сорвали съ него одежды и влача по уллицамъ нагой трупъ, бросили наконецъ въ море съ грузомъ камней, но тѣло не опустилось ко дну; будучи затѣмъ принято на купеческое судно, оно доставлено было въ Одессу, гдѣ и покоилось въ греческой Свято-Троицкой церкви, пока не перевезено было въ Грецію ¹⁾.—Около этихъ-то среднихъ воротъ вошли мы во дворъ и направились къ храму—базиликѣ во имя св. Георгія. Здѣсь съ привѣтливой улыбкой встрѣтилъ насъ пономарь грекъ, который любезно ввелъ въ храмъ и руководилъ затѣмъ во все время при осмотрѣ его достопримѣчательностей.—Патриаршій храмъ обшириѣе и выше соборнаго храма Живоноснаго Источника. Также, если не больше, изобилуетъ свѣтомъ; всюду—чистота и изящество, что невольно возбуждаетъ свѣтлое, благоговѣно—жизнерадостное чувство въ душѣ; такое же обиліе, переливавшихъ всѣми цвѣтами радуги, хрустальныхъ люстръ, замѣняющихъ наши тяжеловѣсныя паникадила. Прекрасной работы рѣзной иконостасъ съ иконами стариннаго греческаго письма сдѣланъ изъ чернаго дерева. Царскихъ вратъ, къ удивленію нашему, совсѣмъ не оказывалось на мѣстѣ,—они были сняты; снята была и завѣса. Я спросилъ пономаря о причинѣ и тотъ улыбаясь отвѣтилъ лаконически: *ἑορτή μεγάλη*, т. е. „великій праздникъ“. Какъ понимать эти слова: въ томъ ли смыслѣ, что въ великій праздникъ Св. Троицы въ патриаршей церкви царскія двери сняты были потому же, почему и въ нашихъ церквахъ отверзаются онѣ въ день св. Пасхи, или въ другомъ какомъ,—для меня осталось невыясненнымъ; между тѣмъ ни въ храмахъ Живоноснаго Источника, ни во Влахернской церкви, гдѣ были мы предъ тѣмъ, царскія врата открыты не были.—Въ устройствѣ алтаря особенностей не наблюдалось. Около 2-го столба съ правой стороны, если считать отъ алтаря, внутри средняго навеса помѣщается патриаршая каеэдра, по преданію, бывшая каеэдра св. Іоанна Златоуста, перенесенная сюда изъ храма св. Софій. Каеэдра эта представляетъ изъ себя украшенное рѣзбою изъ слоновой кости широкое кресло чернаго дерева съ высокою спинкою съ изображеніемъ на ней Спасителя и длинными ножками, опирающимися на небольшихъ лежащихъ львовъ. Противъ нея (у лѣваго столба)—богатая каеэдра Ираклійскаго митрополита, которому когда-то въ церковномъ отношеніи была подчинена древняя Византія и который въ настоящее время одинъ только имѣетъ право посвящать новаго Константинопольскаго патриарха. Отъ каеэдръ патриарха и Ираклійскаго митрополита въ направленіи къ

¹⁾ См. цит. Путеводитель по Константинополю стр. 84, 24, 26, 85.

алтарю идутъ сидѣнья для сослужащихъ патріарху епископовъ.—Въ иконостасѣ боковаго праваго навеса около южной стѣны находится чтимая икона Богородицы, перенесенная сюда изъ обители Всеблаженнѣйшей, и часть столпа „отъ зелена камня съ прочернію“ (какъ описываетъ этотъ столпъ русскій паломникъ XIV вѣка), къ которому былъ привязанъ Спаситель міра во время бичеванія во дворѣ Пилата,—часть эта привезена изъ Іерусалима св. Царицею Еленою и находилась первоначально въ храмѣ св. Апостоловъ. Тутъ же вдоль южной стѣны на узкомъ и длинномъ столѣ поставлены три ковчега, на подобіе небольшихъ гробиковъ, съ останками св. мощей; изъ нихъ въ 1-мъ лежатъ мощи св. мученицы Евфиміи, во 2-мъ — Теофаніи, супруги Льва Мудраго, и въ 3-мъ— Соломоніи, матери Макавеевъ. На противоположной сторонѣ у сѣверной стѣны вблизи иконостаса находится часть мощей св. апостола Андрея Первозваннаго.—Помолившись и приложившись къ св. мощамъ, мы направились къ выходу, гдѣ вниманіе наше обращено было на изящной работы ящикъ съ инкрустаціями; ящикъ этотъ будто-бы въ свое время находился въ храмѣ св. Софіи, гдѣ и служилъ хранилищемъ св. мощей.—Вручивъ здѣсь сопровождавшему насъ греку небольшой „бакшишъ“, мы вышли изъ храма. Теперь я сдѣлалъ попытку испросить у Его Блаженства, константинопольскаго патріарха Константина, благословеніе на служеніе литургіи въ подворскомъ храмѣ. Проводникъ инокъ положительно отказался руководить мною въ данномъ случаѣ за недостаточнымъ будто-бы знаніемъ греческаго языка; но на мое счастье между спутниками оказался молодой человѣкъ, хорошо знающій французскій языкъ и отчасти турецкій. Онъ заявилъ о моемъ желаніи одному изъ стоявшихъ у воротъ интеллигентному греку, который въ свою очередь отзывчиво отнесся къ моему желанію и, по его приглашенію, мы втроемъ направились къ патріаршему зданію. Чрезвычайно высокая, но отлогая каменная лѣстница привела насъ въ длинный высокій корридоръ, откуда единственная дверь вела въ патріаршіе покои. Вышедшему сюда пожилому греку мы объяснили и мое желаніе и что нужные документы находятся со мною. Тотъ попросилъ нѣсколько обождать и чрезъ 4 или 5 минутъ вынесъ такую резолюцію: „лично мнѣ испросить позволеніе нельзя (почему, не сказано); пусть подворье пришлетъ бумагу съ изложеніемъ моей просьбы и приложитъ документы и Его Блаженство послѣ того немедленно дастъ позволеніе“. Итакъ, наша попытка кончилась пока ничѣмъ. Русскій паломникъ XIV вѣка, обозрѣвавшій св. Софію, когда случайно тамъ находился и патріархъ константинопольскій, вотъ что пишетъ объ этомъ послѣднемъ. «И ту (т. е. въ храмѣ) виде насъ св. патріархъ Царяграда, ему же имя Исидоръ, и той призва ны и благословихомся и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! Колико смиренія бысть ему, иже бесѣдова со странники ны, грѣшнии; не нашъ бо обычай имѣеть“¹⁾.— „Не нашъ обычай имѣеть патріархъ“, накануне XX вѣка говорили, только въ иномъ смыслѣ, и мы, спускаясь по лѣстницѣ,

¹⁾ Путешествіе русскихъ людей по св. Землѣ, стр. 15—16.

немного обезкураженные неудавшейся попыткой видѣть Его Блаженство.— Патриархіей заканчивался осмотръ достопримѣчательностей и христіанскихъ святынь г. Константинополя. Время близилось къ 3 часамъ пополудни; усталость, голодъ и жажда сильно давали о себѣ знать, а потому мы и поторопились возвратиться на подворье. Здѣсь радушные иноки любезно предложили намъ, несмотря на запозданіе, обѣдъ и чай, во время которыхъ изъ разговора съ проводникомъ между прочимъ выяснилось, что поѣздка наша обошлась не дороже 1 р. 60 к. на персону.— Былъ затѣмъ у о. завѣдывающаго подворьемъ, которому и передалъ все, что случилось съ нами въ патриархіи. Тотъ охотно соглашался немедленно послать туда нарочнаго съ моимъ прошеніемъ; но время было позднее, рассчитывать на докладъ патриарху прошенія сегодня же было трудно, по моему мнѣнію, и во всякомъ случаѣ сомнительно,—а потому, скрѣпя сердце, я и рѣшилъ отказаться отъ служенія литургіи на завтра, чѣмъ избавлялъ отъ хлопотъ и подворье и Его Блаженство.— Часа за 1¹/₂ до захода солнца товарищи мои по номеру надумали сходить осмотрѣть Перу, европейскую часть города Константинополя, которая очень недалеко отъ подворья; къ нимъ присоединился и я. И вотъ, поразительно узкими, кривыми поперечными улицами, круто поднялись мы въ гору, съ любопытствомъ посматривая и на 5-ти и 6-ти этажные дома, сдавливавшіе улицы въ тѣсные корридоры, и на своеобразную мостовую, которая представляла изъ себя не ровную поверхность, а уступы или террасы разной величины, такъ что движеніе въ экипажахъ по нимъ совсѣмъ невозможно. Одна изъ кривыхъ улицъ Перы неожиданно привела насъ къ обширному скверу, гдѣ по случаю праздника игралъ оркестръ музыки. Скверъ, вѣроятно, былъ переполненъ публикою, потому что масса ея гуляла и по прилегающей широкой улицѣ; тутъ же на троттуарѣ у кофеенъ многіе прохладяясь пили кофе. Публика была самая разнообразная—полное смѣшеніе племенъ, языковъ и костюмовъ. Мы повернули обратно и возвратились на подворье.

7 іюня. Утренняя на подворьѣ окончилась въ началѣ 6-го утра, а литургія, по случаю праздника (Духовъ день), имѣла начаться не раньше 7;—чѣмъ же заполнить промежуточное время?—„Донъ-донъ, донъ-донъ...“ ворвались въ это время и понеслись въ открытое окно номера неприятные, учащенные звуки небольшого колокола, тономъ и темпомъ своимъ очень напоминавшіе звуки колокола на быстро движущемся дежурномъ локомотивѣ нашихъ большихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Я выглянулъ въ окно. Внизу на углу улицы за невзрачной лавкой (магазиномъ) высятся неособенно высокая 2-хъ ярусная каменная колокольня съ крестомъ на шпилѣ и единственнымъ небольшимъ колоколомъ, въ который, дергая за прикрѣпленную къ ушкамъ веревку, немилосердно звонилъ пономарь—грекъ; рядомъ черепичная, продолговатая, покатая крыша съ приподнятой серединой ясно говорила о томъ, что она прикрываетъ собою церковь базилику. Это обстоятельство и навело меня на мысль употребить свободное до литургіи время на тщательный осмотръ и изученіе внутренняго устройства базилики, чего я не могъ вче-

ра сдѣлать при бѣгломъ посѣщеніи и осмотрѣ Влахернскаго (соборнаго) и патриаршаго храмовъ.—Пройдя одну или двѣ лавки, закрывающія собою восточную часть базилики, я съ любопытствомъ остановился у крытой постепенно возвышающейся галлерей и надъ ея входной дверью прочиталъ: „Ἐἰσόδος εἰς τὸ γυναικεῖον“, т. е. „входъ въ женское отдѣленіе“ или на хоры, гдѣ обыкновенно въ греческихъ храмахъ, какъ и въ древнихъ базиликахъ, во время богослуженія, стоятъ *однѣ* женщины и куда доступъ мужчинамъ воспрещенъ. Пришлось миновать его, равно какъ и еще два магазина, изъ которыхъ крайній принадлежитъ нашему московскому купцу Смирному, и затѣмъ черезъ нартексъ войти въ храмъ. Просторный не особенно высокій нартексъ примыкаетъ по обычаю къ западной сторонѣ храма и отдѣляется отъ него его капитальною стѣною. Широкія створчатыя двери ведутъ внутрь; около нихъ слѣва—аналогій, у котораго для чего-то сидѣлъ священникъ, а противъ—свѣчной ящикъ. Всюду чисто, опрятно и ничего такого, что казалось бы лишнимъ или неумѣстнымъ. Внутри храма средній навесъ отдѣляется отъ боковыхъ шестью парами тонкихъ колоннъ (по шести колоннъ въ каждомъ ряду); полуциркулярная крыша его по обычаю значительно приподнята надъ боковыми навсами и выступы ея прорѣзаны множествомъ невысокихъ широкихъ оконъ. Отъ перваго до четвертаго столба (считая отъ алтаря) въ обѣихъ рядахъ по обѣ стороны идутъ сплошныя съ высокими спинками сидѣнья или стасидіи, обращенныя не къ алтарю, а внутрь навсовъ, причемъ между 1 и 2 столбомъ внутри средняго навса къ сидѣнья примыкаютъ возвышенныя мѣста для клира, который, замѣчу кстати, во время священнослуженій стоитъ, обратившись лицомъ не къ алтарю, а внутрь навса (правый клиръ къ лѣвому, а лѣвый къ правому). У праваго 2-го столба помѣщается украшенная золотомъ и рѣзбою каѳедра для патриарха съ изображеніемъ Спасителя на спинкѣ; по обѣ ея стороны, равно какъ и напротивъ около 2 лѣваго столба расположены менѣе украшенныя съ небольшими крестами на спинкахъ сидѣнья для епископовъ. Невысокая деревянная рѣшетка, пролегая чрезъ весь средній навесъ, отдѣляетъ затѣмъ эти сидѣнья отъ сидѣній мірянъ и остальной части храма.—Около 4-го лѣваго столба аршина на 3 или 4 отъ полу высится каѳедра для чтенія Евангелія и произнесенія проповѣдей,—своимъ устройствомъ она очень напоминаетъ подобную же каѳедру въ Воскресенскомъ соборѣ г. Петрозаводска. Отъ 4 до 5 столба (по обѣ стороны) оставленъ проходъ въ боковые навсы (тоже и между иконостасомъ и 1 столбомъ), а отъ 5-го до самой западной стѣны—снова сплошныя сидѣнья для мірянъ, причемъ вдоль стѣны (по обѣ стороны входныхъ дверей) сидѣнья эти идутъ въ два ряда и имѣютъ приспособленія для вѣшанія верхней одежды.—Между каждой парой столбовъ на спинкахъ сидѣній по срединѣ водружено по небольшой хоругви съ фонаремъ по одну сторону и подвѣвчникомъ по другую. По храму развѣшено очень много небольшихъ хрустальныхъ люстръ и ординарныхъ лампадокъ (18 люстръ и 24 лампадки); онѣ симметрично расположены вдоль средняго и боковыхъ навсовъ (по 6 люстръ въ каждомъ навсѣ), при чемъ люстры средняго навса своимъ размѣромъ нѣсколько больше люстръ боковыхъ.—Подобнаго обилія тѣхъ

и другихъ, составляющаго обычное явленіе въ греческихъ храмахъ базиликахъ, въ нашихъ русскихъ храмахъ совсѣмъ не наблюдается; а между тѣмъ множество свѣтильниковъ, развѣшенныхъ по храму, мы видѣли и въ Айя-Софіи, теперешней мусульманской мечети. Сопоставленіе это невольно и неоднажды наводило меня на мысли: самобытное ли или не-самобытное явленіе — это обиліе люстръ и лампадокъ въ греческихъ храмахъ? и если не самобытное, то не заимствовано ли оно греками у турокъ? — Русскій паломникъ XIV вѣка, посѣтившій св. Софію, когда она была христіанскимъ храмомъ, даетъ отрицательный отвѣтъ по этому поводу. „Кандиль развѣшено многое множество, несчетно, въ св. Софіи, пишетъ онъ: иная-жь въ предѣлахъ и каморахъ, а иныя въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, и въ улицахъ церковныхъ, идѣже иконы великія стоятъ и ту кандила съ масломъ деревяннымъ горять“¹⁾. Итакъ, обиліе люстръ и лампадъ въ греческихъ храмахъ явленіе самобытное и во всякомъ случаѣ незаимствованное у турокъ. — Алтарь базилики, по обычаю, отдѣляется благолѣпнымъ сплошнымъ иконостасомъ съ низенькими (въ поясъ человѣка) царскими вратами, изъ которыхъ центральные вмѣсто легкой шелковой завѣсы имѣютъ натянутое на рамку полотно съ изображеніемъ Спасителя; это полотно прикрываетъ только верхнюю открытую часть царскихъ дверей и двигается на шалнерахъ. Въ устройствѣ самого алтаря особенностей не наблюдается. Предъалтарная солея не шире четверти аршина; противъ царскихъ вратъ — невысокій амвонъ на подобіе нашихъ. Въ западной части храма, надъ нартексомъ и отчасти надъ боковыми навсами, помѣщаются хоры (для женщинъ), закрытые рѣшеткой. Въ общемъ храмъ этотъ, какъ и всѣ, видѣнные мною въ Константинополѣ, производитъ самое пріятное, отрадное впечатлѣніе. «Свѣтлые, со вкусомъ убранные, чисто содержимые, скажемъ словами проф. А. Лебедева, греческіе храмы какъ-то успокоительно миротворно и отрадно дѣйствуютъ на душу. Они не подавляютъ человѣка, какъ это бываетъ въ очень большихъ и массивныхъ храмахъ, возбуждая въ немъ чувство своего ничтожества, не поселяютъ страха и трепета въ сердца, а поднимаютъ духъ, вливаютъ въ него сладостное чувство небеснаго мира, насаждаютъ мысль о томъ, что мы не сосуды только скудельные, но и чада сыноположенія“²⁾. Въ храмѣ однако началось богослуженіе. Болѣе 10 лѣтъ въ свое время изучалъ я древне-греческій языкъ и считалъ себя знающимъ его, а теперь вотъ присутствуя за греческимъ богослуженіемъ и напрягая слухъ и вниманіе, затруднялся опредѣлить, что за богослуженіе совершается, такъ какъ совсѣмъ непонималъ того, что читалось и пѣлось, исключая развѣ краткихъ молитвословій: „Κόριε ἐλέησον, Ἅγιος ὁ Θεός, Πάτερ ἡμῶν“ и под. Изрѣдка улавливаемая, эти послѣднія ни сколько, разумѣется, не помогали мнѣ уяснить, какое совершалось богослуженіе? — Полунощница?... Но вотъ изъ алтаря вышли священникъ и діаконъ, прочитали предъ царскими дверями, очевидно, такъ называемыя „входныя“ (предъ литургіей) молитвы и снова ушли въ алтарь. Теперь чтеніе ста-

¹⁾ См. Путешествіе русскихъ людей по св. Землѣ, стр. 17—18.

²⁾ См. цит. соч. проф. А. Лебедева стр. 327.

ло чаще смѣняться пѣніемъ; пѣли на два хора и съ видимымъ воодушевленіемъ. Молящихся въ храмѣ было очень немного, и изъ нихъ большая часть занимала сидѣнья и сидѣла. Я тихо спросилъ у одного изъ присутствующихъ: *λειτουργία?* Тотъ утвердительно кивнулъ головой и добавилъ: *ἑορτή*. Но богослуженіе непоходило на литургію, по моимъ соображеніямъ и наблюденіямъ. Я спросилъ другаго: „утрени или обѣдня“? Тотъ оказался знающимъ русскій языкъ и отвѣтилъ: „и то и другое“, разумѣя подъ этимъ, безъ сомнѣнія, то, что священнослужачіе во время утрени совершали проскомидію. Стоять дольше за православнымъ богослуженіемъ, непонимая его, становилось однако тяжело; время близилось къ 7 часамъ, а потому я и отправился на подворье, гдѣ, какъ и вчера, литургія совершена была подворскими иноками соборно и торжественно. Слушая здѣсь литургію на славянскомъ, родномъ нарѣчій, я въ первый разъ въ жизни опытно позналъ, что за благо для христіанина присутствовать за богослуженіемъ, совершаемомъ на понятномъ языкѣ, и какъ наоборотъ несчастны тѣ, которые лишены этого блага, которымъ приходится слушать или совершать его на языкѣ чужомъ, непонятномъ. — Послѣ литургии напившись чаю, въ сопровожденіи скромнѣйшаго о. Никиты трое насъ (занимавшихъ одинъ номеръ) отправились въ одну изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Константинополя — кварталъ Панкольди, гдѣ находится русскій госпиталь. Путь пролегалъ чрезъ Перу. Чтобы облегчить и поразнообразить свое путешествіе туда, мы рѣшили подняться въ Перу на трамваѣ туннелемъ, къ которому и направились уже извѣстною намъ, оживленною галатскою улицею. Но едва прошли мы нѣсколько шаговъ по ней, какъ къ намъ развязно подошелъ пожилыхъ лѣтъ приземистый рыжеватый господинъ и любезно освѣдомился на чисто-русскомъ нарѣчій, изъ какихъ мы губерній Россіи и куда направляемся. Мы сказали. Тогда онъ объяснилъ, что хорошо знаетъ Константинополь и ту окраину, куда идемъ, и предложилъ свои услуги сопровождать насъ. На наше замѣчаніе, что въ проводникъ мы не нуждаемся, потому что съ нами о. Никита, онъ далъ понять, что скромный инокъ могого въ городѣ не знаетъ, а потому и его присутствіе съ нами будетъ не излишне, и самоувѣренно затѣмъ продолжалъ идти вмѣстѣ съ нами, объясняя, что стоитъ билетъ до Перы и обратно. — Пройдя по улицѣ почти до поворота на мостъ Валиде, мы повернули направо, вошли въ крытую галерею, гдѣ и остановились у рѣшетчатого окна кіоска съ надписью: *Caisse* (касса). Это и есть вокзалъ подземной желѣзной дороги, соединяющей Галату съ Перой. Каменная платформа облегаетъ не широкій квадратъ, прилегающій къ полукруглой аркѣ глубокаго туннеля; на рельсовыхъ путяхъ стояли два поѣзда изъ 2-хъ вагоновъ. Рыжеватый господинъ (о. Никита послѣ сказалъ намъ, что это русскій еврей) не испросивъ предварительно нашего позволенія, быстро подошелъ къ кассѣ и объяснилъ кассиру, что намъ нужно; мы взяли 5 билетовъ, вошли въ крытый вагонъ съ сидѣньями только около стѣнъ и черезъ 4 или 5 минутъ быстрого движенія въ полутьмѣ (вагонъ тускло освѣщается 2-мя фонарями), появились снова на свѣтъ Божій, но уже въ Перѣ. — Пера не представляетъ особеннаго интереса для иностранца: тотъ же по большей части характеръ зданій, знакомый тишъ постро-

екъ; прекрасные магазины, вывѣски на всѣхъ языкахъ; преобладаніе самаго разно-характернаго населенія надъ турецкимъ производитъ диссонансъ съ общимъ колоритомъ мусульманской столицы. По совершенно вѣрному замѣчанію одного русскаго путешественника, „Пера—это что-то безличное, лишенное оригинальной окраски, присущей всему востоку“¹⁾. Изъ зданій, принадлежащихъ иностраннымъ посламъ, своєю архитектурою здѣсь выдѣляются очень и очень немногія (зданіе, напр., англійскаго посольства). Зданіе русскаго посольства, предъ фасадомъ котораго красуется небольшой цвѣтникъ, обсаженный невысокими лавровымъ деревьями, хотя и непроизводитъ сильнаго впечатлѣнія (эффекта), однако, несомнѣнно относится къ лучшимъ, величественнымъ и внушительнымъ зданіямъ Перы. Мы хотѣли было осмотрѣть посольскую домовую церковь, но зданіе Посольства оказалось запертымъ за выѣздомъ посла и свиты его на дачу въ Буюкъ-Дере и намъ пришлось отказаться отъ своего желанія. — Вчерашній скверъ или вѣрнѣе—небольшой городской садъ сегодня былъ совершенно пустъ. Этимъ мы и воспользовались, чтобы осмотрѣть богатую его растительность, которую приходилось видѣть въ первый разъ. Къ крайнему, однако, сожалѣнію ни о. Никита, ни рыжеватый господинъ не могли назвать намъ почти ни одного изъ находившихся здѣсь растений; послѣдній, не смотря на свою хвастливость, оказывался даже и плохо знающимъ окраины города, которая прекрасно видны были изъ сада, такъ какъ, замѣтно, сильно вралъ, называя по нашей просьбѣ ту или другую изъ нихъ. Это обстоятельство и помогло намъ развязаться съ нимъ, безцеремонно отказать ему въ его дальнѣйшихъ услугахъ. Отсюда уже безъ сего рыжеватаго господина продолжали мы путь по улицамъ Перы мимо разныхъ плацовъ и казармъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр., артиллерійская, такъ красивы, что ихъ можно принять за дворцы.. Вотъ городъ какъ-будто совсѣмъ кончился, уступая мѣсто пригороду; скоро на колокольнѣ русской церкви госпиталя привѣтливо заблестѣлъ св. крестъ; швейцаръ (а быть можетъ и дворникъ) почтительно открылъ предъ нами двери и миновавъ зданіе больницы, тѣнистымъ небольшимъ садомъ прошли мы къ квартирѣ священника. Утомленные сотоварищи мои съ о. Никитой расположились отдохнуть въ тѣни деревьевъ, а я отправился въ домъ. Питомецъ московской академіи молодой священникъ госпиталя, служившій до Константинополя при русской церкви въ Ментонѣ, радушно, сердечно принялъ меня; полились оживленные разспросы и рассказы, которымъ кажется непредвидѣлось и конца, и если бы не сотоварищи мои, бывшіе въ саду, то пришлось бы, быть можетъ, засидѣться здѣсь на очень долгое время. Батюшка съ удовольствіемъ согласился показать намъ свой храмъ, который помѣщается въ западной части сада отдѣльно отъ больницы.—Наружнымъ видомъ своимъ небольшой каменный храмъ госпиталя очень напоминаетъ красивую сельскую церковь; имѣетъ форму креста. Внутри онъ очень свѣтлый и уютный, съ прекраснымъ иконостасомъ; содержится въ замѣчательной чистотѣ; зелень и цвѣты, которыми былъ украшенъ онъ при нашемъ посѣщеніи, ясно говорили, что

1) В. Корженевскій, По востоку, стр. 50.

праздникъ Св. Троицы русскіе и здѣсь празднуютъ также, какъ и на родинѣ.—Около храма съ сѣверо-западной стороны находится небольшое зданіе для пѣвчихъ, а съ южной неподалеку—часовня для мертвецовъ съ отдѣленіемъ, гдѣ хранятся запасные гроба.—У входа въ госпиталь насъ привѣтливо встрѣтила одна изъ сестеръ милосердія, подъ руководствомъ которой, распростившись съ батюшкой, мы и осмотрѣли госпиталь.—Сестеръ милосердія при госпиталѣ 6; онѣ—русскія и назначаются изъ Петербурга. Оторванныя отъ родины и заброшенныя въ иноземный турецкій городъ, ухаживая къ тому-же за греками и славянами сестры, замѣтно, очень скучаютъ здѣсь и скучаютъ по родинѣ, и потому ждуть не дождутся, когда настанетъ время ихъ отпуска или возврата въ родные края. Этимъ отчасти и объясняется та искренняя привѣтливость и радушіе ихъ, съ которыми онѣ встрѣчаютъ обыкновенно русскаго посѣтителя и знакомятъ его съ заведенными у нихъ порядками.—Осмотръ мы начали съ верхняго (3-го) этажа, и вынесли самое отрадное, прекрасное впечатлѣніе. Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются бесплатныя палаты, въ среднемъ—платныя для состоятельныхъ (по 60 руб. въ мѣсяцъ на наши деньги), тутъ же помѣщенія и для сестеръ; внизу находятся пріемная, аптека, столовая и помѣщенія для прислуги. Комнаты для больныхъ во всѣхъ этажахъ высокія, просторныя и свѣтлыя; хорошо вентилированы и снабжены всѣмъ необходимымъ для удобства и спокойствія больного; всюду образцовая чистота и порядокъ; въ каждомъ этажѣ имѣется особая ванна.—Больныхъ во время нашего посѣщенія было мало—6 или 7 человекъ, изъ нихъ—нѣсколько славянъ, одинъ, кажется, грекъ, одинъ матросъ и одна русская паломница (съ признаками умопомѣшательства). Русскихъ паломниковъ, по замѣчанію одного компетентнаго русскаго путешественника, въ этой больницѣ почти не бываетъ. Останавливаясь проѣздомъ во св. Землю или на Аѳонъ на аѳонскихъ подворьяхъ, въ случаѣ болѣзни они совсѣмъ отказываются идти сюда, въ госпиталь, предпочитая перемогаться на самомъ подворьѣ и лѣчиться тамъ своими домашними средствами, и только уже въ крайнемъ случаѣ ихъ силою привозятъ сюда ¹⁾.—Госпиталь устроенъ стараніями бывшаго посла Игнатьева, находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашихъ Константинопольскихъ пословъ, а ближайшій надзоръ лежитъ на обязанности русскаго консульства. Въ пользу госпиталя въ консульствахъ константинопольскомъ и іерусалимскомъ почти съ cadaго русскаго паломника и путешественника взимается небольшая плата (копѣекъ 80 на наши деньги).—Поблагодаривъ и похваливъ сестеръ за трудъ и усердіе, мы къ 2 часамъ дня возвратились на подворье. Здѣсь къ удивленію своему узнали, что нѣкоторые изъ паломниковъ—палубниковъ (большинство) уже уѣхали на пароходъ, недожидаясь завтрашняго дня; побудило ихъ къ тому непріятное извѣстіе, полученное съ парохода, о безцѣрномомъ обращеніи матросовъ съ ихъ багажемъ и вѣщами при перемѣщеніи съ палубы въ трюмъ.—Послѣ вечерни ходилъ на вновь открывающееся аѳонское подворье Положе-

¹⁾ А. Коптева, Воспоминаніе о поѣздкѣ въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ въ 1887 году. СПб. 1888 г, стр. 323.

нія пояса Богоматери по приглашенію о. завѣдующаго этимъ подворьемъ. Оно очень недалеко отъ Пантелеимоновскаго (ближе къ пристани) и представляетъ поразительно узкое (арш. 6 ширины, не больше) пятиэтажное зданіе съ маленькимъ храмомъ въ верхнемъ этажѣ. О. завѣдующій этимъ подворьемъ, по видимому, скромный и смиренный инокъ (іеросхимонахъ); но мнѣ онъ не особенно понравился тѣмъ, что слишкомъ часто, къ дѣлу и не къ дѣлу упоминаетъ о своемъ смиреніи и недостойнствѣ, какъ бы подчеркиваетъ это, а свои чисто человѣческія дѣла и предпріятія нерѣдко отождествляетъ съ планами и намѣреніями Божиими. О. завѣдующій смиренно привѣтствовалъ меня, показалъ свои помѣщенія и храмъ, давно, по его словамъ, готовый къ освященію и не освящаемый по недостатку денегъ, затѣмъ попросилъ подняться на плоскую крышу зданія, которая паритъ надъ окружающими постройками и откуда открывается прелестный видъ на Константинополь и его окрестности. Минуть 15 просидѣли мы здѣсь, любясь попеременно то Босфоромъ и азіатскимъ берегомъ (Скутари), то Мраморнымъ моремъ и Принцевыми островами, то Стамбуломъ и Золотымъ Россомъ, то возвышенною Перой и Галатой. Здѣсь же о. завѣдующій повѣдалъ мнѣ и истинную причину того, почему не освященъ храмъ ихъ доселѣ: „патріархія, сказалъ онъ, требуетъ значительную сумму денегъ за освященіе, а у насъ нѣтъ ея... Хорошо ли поступаетъ она въ этомъ случаѣ? спросилъ онъ затѣмъ съ раздраженіемъ. Развѣ за деньги дается благодать?“ — Я вполне понималъ и раздѣлялъ скорбь о. завѣдующаго. Прискорбно въ самомъ дѣлѣ имѣть совсѣмъ готовый храмъ и не служить въ немъ; но мнѣ странными и непонятными казались заключительные вопросы въ устахъ смиреннаго инока, всецѣло преданнаго волѣ Божіей и безропотно обыкновенно несущаго веѣ превратности судьбы. Нѣтъ сомнѣнія, что патріархія, назначая значительную сумму денегъ за освященіе подворскаго храма, требовала эту сумму не за благодать освященія, которая дается туне, а имѣла въ виду что—то другое и всего вѣроятнѣе то, что новое подворье устроится аонскимъ монастыремъ, какъ доходная его статья. Это свое соображеніе я и высказалъ о. завѣдующему, чѣмъ, оказывается, крайне разобидѣлъ его. Обидною показалась ему моя мысль, что подворье ихъ устроено изъ корыстныхъ будто бы расчетовъ, а не для одного дѣла Божія по святой волѣ Божіей. Скоро понявъ свою оплошность, я постарался утолить гнѣвъ о. завѣдующаго, начавшаго уже осыпать меня укоризнами. Мирно бесѣдуя спустились мы затѣмъ въ третій этажъ, попили здѣсь чаю и распростились

8 іюня. Съ великимъ трудомъ всталъ къ литургіи, которая служилась сегодня, какъ и въ обычное неспраздничное время, *порану*, такъ какъ за всю ночь едва пришлось заснуть часа 3, не больше.—По сосѣдству съ подворьемъ помѣщается кафе шантанъ, гдѣ начиная съ 9 часовъ вечера и до поздней ночи, почти не переставая, визжала музыка, то аккомпанируя мужскому голосу, залихватски, съ причудливыми вибраціями, пѣвшему греческія пѣсни, то наигрывая какой то веселый маршъ. Надоѣдли-

вые звуки этой музыки и пѣнія, лившіеся широкой волной въ открытое, по случаю духоты, окно комнаты, и мѣшали спать до часу ночи. На вопросъ: „зачѣмъ рядомъ такой безпокойный и не совсѣмъ приличный сосѣдь“? подворскіе иноки съ прискорбіемъ отвѣчали, что не въ ихъ власти удалить его, или запретить пѣніе, и потому приходится терпѣть; а еслибы была хоть малѣйшая возможность освободиться отъ него, то они давно бы сдѣлали это; такъ какъ хорошо видятъ и сознаютъ, что кафе-шантанное пѣніе и музыка глубоко оскорбляютъ религіозное чувство паломниковъ (а о себѣ, каково имъ-то самимъ слушать это, они по скромности своей умалчивали).—Послѣ литургіи и молебна «по водамъ плыти хотящимъ» (въ виду отъѣзда паломниковъ сегодня), которые совершалъ о. завѣдующій подроремъ, поминая на эктеніяхъ всѣхъ отъѣзжающихъ поименно, —ходилъ съ товарищами по номеру въ магазинъ московскаго купца Смирнова купить чаю и сѣстныхъ припасовъ на дорогу. Магазинъ невзрачный. Цѣны на все, за исключеніемъ чая, высокія: фунтъ копченой колбасы, напр., стоитъ 80 к., сыру (красный) — 60 коп. и под.—Почему такъ дорого? спрашиваемъ. — «Потому, что изъ Россіи, отвѣчаетъ одутловатый прикащикъ, —таможенную пошлину большую платимъ». А между тѣмъ неподалеку отсюда въ греческомъ магазинѣ (на галатской улицѣ) цѣна на сыръ такая же, какъ и у насъ въ Россіи, и деньги берутъ русскія, даже мѣдныя.—Противъ стула, гдѣ обыкновенно присаживаются покупатели, на стѣнѣ магазина виситъ небольшая дощечка съ русскою надписью, которую къ сожалѣнію недогадался списать буквально, а слѣдовало бы, такъ какъ она гласитъ приблизительно слѣдующее: «посѣтители хорошо знаютъ, что для служащихъ время дорого, а потому взявъ, что нужно, они благоволятъ уходить, не развлекая ихъ своимъ разговоромъ». Я спросилъ прикащика, что значить эта надпись: „или русскіе надоѣдаютъ разспросами?“ но онъ въ отвѣтъ махнулъ только рукою, давая понять, что на вывѣску обращать много вниманія не слѣдуетъ. Такъ и осталась для насъ невыясненною настоящая причина этой оригинальной вывѣски.—Ходили послѣ того въ Чарси—большой турецкій базаръ, который находится въ Стамбулѣ. Проводника инока съ нами не было,—хотѣли обойтись безъ него, пройти туда, разспрашивая по пути встрѣчныхъ; но безъ проводника дойти не удалось всетаки. У мечети Валиде, за мостомъ, молодой турокъ вмѣсто того, чтобы объяснить намъ, какъ ближе пройти къ базару, сталъ навязчиво предлагать свои услуги провести туда. Мы отказали, тотъ настаивалъ; мы пошли намѣренно въ противоположную сторону, онъ за нами. Что было дѣлать? Рѣшили тогда прибѣгнуть къ крайней, не совсѣмъ благовидной мѣрѣ. — Сколько возьмете за трудъ? спросили его. — «Франкъ (около 37—38 коп.)», отвѣчаетъ.—Но мы, къ сожалѣнію, можемъ дать вамъ только 2 піастра (15 к.).—Тотъ пожалъ плечами, однако согласился, и руководимые имъ, мы скоро дошли до Чарси. —Чарси это—громадное зданіе, своего рода гостинный дворъ или восточный каравансерай, занимающій пространство приблизительно около 3-хъ верстъ въ окружности; состоитъ онъ изъ 30 отдѣ-

дѣленій или улицъ, освѣщаемыхъ сверху посредствомъ стеклянной крыши, и вмѣщаетъ до 7756 лавокъ со всевозможнаго рода товарами, начиная съ брилліантовъ и предметовъ восточной роскоши и оканчивая бараньими шашлыками. Русскіе путешественники по большей части описываютъ этотъ базаръ кипучимъ, полнымъ жизни и движенія; но намъ пришлось почему-то наблюдать обратное явленіе: покупателей и публики совсѣмъ невидно было и торговцы бездѣйствовали. Большая часть ихъ въ однѣхъ рубашкахъ и брюкахъ сидѣла за прилавками, апатично посматривая на насъ, а нѣкоторые даже лежали на этихъ прилавкахъ, растянувшись во весь ростъ; изрѣдка только кое кто изъ нихъ, признавая въ насъ по какимъ то примѣтамъ русскихъ, спѣшилъ улыбаясь заявить объ этомъ, говоря: „здраслуй рускъ“, или: „иды суда, рускъ“. Заходили въ одинъ магазинъ съ шелковыми матеріями и изящными вещами восточнаго изготвленія. Внутренность магазина самая простая; товаръ разложенъ неряшливо; цѣны высокія и запрашиваютъ „въ 3 дорогá“; пришлось ограничиться незначительною покупкою. — Прошлись затѣмъ немного по продольнымъ и поперечнымъ рядамъ и не находя ничего интереснаго (товары въ большей части магазиновъ европейскіе, изрѣдка лишь попадаются восточные), скоро возвратились назадъ. На мосту Валиде у турка разнощика купили фуфайку за 30 к. на наши деньги, и кажется, заплатили дорого. — Въ 1 часу дня, внесши посильную лепту, мы распростились наконецъ съ подворьемъ и его радушными обитателями, оставивъ здѣсь до возврата ненужныя и лишнія вещи. О. завѣдующій и нѣкоторые иноки провожая спустились въ нижній этажъ, чтобы здѣсь еще разъ проститься съ нами и пожелать благополучнаго пути и возвращенія, и напутствуемые ихъ искренними благопожеланіями, мы полные благодарнаго чувства оставили гостепріимный кровъ Пантелеимоновскаго подворья. — Пантелеимоновское подворье, какъ замѣчено было въ свое время, выстроено въ Константинополь сравнительно недавно и, подобно Одесскому, служить пріютомъ или мѣстомъ отдыха для русскихъ паломниковъ, отправляющихся въ Іерусалимъ или на Аѳонъ, равно какъ и для лицъ, проѣзжающихъ по своимъ частнымъ или официальнымъ надобностямъ на Востокъ. Зданіе подворья имѣетъ 4 этажа; заднимъ фасомъ своимъ оно обращено къ главной улицѣ Галаты, а переднимъ къ Золотому Рогу и отчасти на Босфоръ; помѣщенія его отличаются удобствами, чистотою и даже изысканностію; а радушіе и услужливость иноковъ, обитателей его, просто поразительны по своей неподдѣльной искренности и сердечности. Каждый вновь прибывающій сразу же дѣлается самымъ близкимъ, какъ бы роднымъ для нихъ и становится предметомъ самаго искренняго ихъ вниманія и попеченія ¹⁾. Господь да воздастъ имъ Своею ми-

¹⁾ Вотъ что, напр., пишетъ по этому поводу проф. А. Лебедевъ. «Подворье (пантелеимоновское, будучи проще своими помѣщеніями по сравненіи съ лучшими столичными гостинницами) даетъ однако то, чего не найдете ни въ одной гостинницѣ въ мірѣ. Какое радушіе, добродушіе и почти родственное чувство находите въ о. пантелеимоновцахъ! Постоялецъ сразу же дѣлается членомъ новой какъ бы родственной семьи. Мигъ было почти совѣстно отъ ихъ вниманія, смѣю думать, искренняго, какимъ они меня окружали. Подадутъ самоваръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заваренный чай

достою и щедротами за ихъ поистинѣ евангельскій подвигъ въ мусульманской столицѣ, за привѣтъ, утѣшеніе и родственное попеченіе о странныхъ и пришельцахъ русской земли!—
Черезъ таможенно прошли мы, руководимые о. Алфеемъ, къ пристани, уплатили здѣсь лодчнику за перевозъ (по 20 коп. съ персоны) и ровно въ часъ дня были на пароходѣ. На палубѣ за машиннымъ отдѣленіемъ, радостно привѣтствуя, меня встрѣтили и окружили паломники и паломницы, наперевывъ одинъ передъ другимъ слѣша сообщить пароходныя новости или вѣрнѣе свои общія скорби и неприятности. Вчерашній слухъ относительно безцеремоннаго обращенія пароходной прислуги съ ихъ багажемъ, по ихъ словамъ, былъ вѣренъ: багажъ ихъ раза три, если не больше, перетаскивали съ мѣста на мѣсто, пока не помѣстили въ трюмъ, и въ трюмъ его не бережно переносили, а прямо таки швыряли будто-бы съ палубы, причемъ у одной паломницы въ узлѣ разбилась бутылка съ масломъ, которымъ и перепачкало все, что было тамъ; крытыя помѣщенія около машиннаго отдѣленія у нихъ взяли и помѣстили туда турокъ, а ихъ перевели въ трюмъ, гдѣ передъ тѣмъ помѣщались куры (куръ выгрузили въ первый же день стоянки въ Константинополь); правда, тамъ теперь чисто и просторно, но очень много крысъ, которыя до того смѣлы, что днемъ даже не даютъ имъ покоя, бѣгаютъ около, и всю ночь имъ (паломницамъ въ особенности) не пришлось спать изъ-за этихъ крысъ.—Я постарался, сколько могъ, успокоить говорившихъ, примирить ихъ съ ихъ положеніемъ и даже воодушевить, оговариваясь въ то же время, что съ трудомъ вѣрю всему тому, что они сообщаютъ, такъ какъ хорошо знаю, что Общество пароходное строго (особыми циркулярамъ) запретило пароходной прислугѣ и служащимъ небрежное обращеніе съ паломниками 3-го класса (палубниками) и велѣло отводить имъ крытыя помѣщенія ¹⁾. Оговорку эту я сдѣлалъ, въ виду того, что замѣтилъ,

прекраснаго качества, къ чаю—груды хлѣба, булокъ и баранокъ и когда я слишкомъ мало всего этого съѣдалъ, мнѣ пѣняли: «что же вы мало кушали». Разъ я замѣтилъ, что люблю пить чай съ молокомъ и съ тѣхъ поръ молоко непремѣнно являлось къ моему чаю въ изобиліи»... (См. его цит. соч. Недѣля въ Константинополь, стр. 544). «Признаюсь, пишетъ другой путешественникъ, я нигдѣ не встрѣчалъ такого радушія, какъ въ пантелеимоновскомъ пріютѣ въ Константинополь: ни одна старуха странница, которая не можетъ ни гроша дать за помѣщеніе и пищу, ни одинъ интеллигентный человекъ, посѣтивши пріютъ, не нахвалятся безкорыстною услужливостію монаховъ. При отъѣздѣ изъ Константинополя они ничего не требуютъ съ своихъ гостей, хотя и не отказываются, когда поклонники сами даютъ, что могутъ, прося записать ихъ имена на поминовеніе; ничего не давшему они не напоминаютъ о вознагражденіи и обращеніе монаховъ съ такимъ ни сколько не измѣнится».

¹⁾ Я имѣлъ въ виду слѣдующій циркуляръ Правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли отъ 19 декабря 1898 года, разосланный имъ капитанамъ пароходовъ этого Общества: «Главная контора считаетъ необходимымъ напомнить вамъ, М. Г., что слѣдуетъ относиться съ особою заботливостію къ русскимъ паломникамъ, слѣдующимъ на ввѣренныхъ вамъ пароходахъ и въ этихъ видахъ предлагаетъ вамъ отводить паломникамъ обязательно крытыя помѣщенія, защищенные отъ непогоды, держать эти помѣщенія въ чистотѣ и возможно чаще ихъ вентилировать:

что нашъ разговоръ внимательно слушалъ помощникъ капитана, стоявшій неподалеку. И тотъ въ виду этого счелъ нужнымъ почему-то дать намъ объясненіе. Обойдя молчаніемъ вопросъ о багажѣ, онъ сказалъ, что крытыя помѣщенія отданы туркамъ во избѣжаніе столкновенія ихъ съ паломниками; турки народъ горячій, ревнивый и подозрительный, и если не отдѣлить ихъ отъ паломниковъ, то парходное начальство не можетъ взять на себя отвѣтственности за безопасность и спокойствіе паломниковъ.—Мы разошлись. Въ помѣщеніи нашего 2-го класса перемѣнъ почти не оказывалось; прибылъ вновь всего одинъ молодой турокъ, питомецъ какого-то высшаго учебнаго заведенія, ѣхавшій въ Бейрутъ, а мой коллега по каютѣ—еврей выбылъ почему-то на палубу.—Принявъ и осмотрѣвъ оставленныя вещи, я снова поднялся на палубу и спустился въ трюмъ къ паломникамъ. Трюмъ очень глубокой и просторный, съ широкою, очень отлогою (и потому удобною) лѣстницею; по срединѣ противъ отверстія помѣщались какіе-то восточные «человѣки» съ ихъ женами; высокія перила огораживали занимаемое ими мѣсто отъ остального пространства; около стѣнъ кругомъ помѣщались русскіе паломники. Изолированность восточныхъ „человѣковъ“ наблюдалась и на открытой палубѣ: разложивъ перины и подушки и помѣстивъ на нихъ жонъ, закутанныхъ чадрами, нѣкоторые постарались еще и завѣсить занимаемое ими мѣсто со всѣхъ 4-хъ сторонъ...—Въ 4 часа парходъ снялся съ якоря и мимо Серальскаго мыса вышелъ въ Мраморное море. Погода была прекрасная, тихая, ясная, солнечная. Открывался величественный видъ. Впереди разстилалась гладкая синева Мраморнаго моря съ едва замѣтнымъ влѣво контуромъ отдаленнаго берега; по ней тутъ и тамъ, какъ бы застыли (безъ сомнѣнія движущіеся) парходы и суда; налѣво сливаясь красовались гористые большіе Принцевы острова, покрытые растительностію,—о. Принципъ постепенно, хотя и очень медленно, уступалъ мѣсто острову Халки съ привѣтливо среди зелени бѣлѣвшимъ „училищемъ великой церкви“, единственной семинаріей и въ то же время академіей Константинопольскаго патріархата; ближе, какъ бы въ контрастѣ этимъ богатымъ растительностію островамъ, уныло выступали два обнаженныхъ утесистыхъ островка съ руинами человѣческаго жилища на одномъ. „Руины эти, слышится голосъ одного изъ присутствовавшихъ на палубѣ, были когда то дворцомъ англійскаго посла, по поселившагося тамъ съ преступною цѣлію—подготовить возстаніе въ Турціи; но это узнали во время, посоль долженъ былъ совсѣмъ удалиться на родину и дворецъ запустѣлъ, сталъ руинами и заклятымъ, ненавистнымъ для турокъ мѣстомъ“. Направо продолжалъ красоваться „царственный“ Стамбуль: вотъ величественная Айя-Софія, уходящая своимъ куполомъ въ высь поднебесную, вотъ обелискъ египетскій и погорѣлая колонна, вотъ и знаменитыя византійскія стѣны съ пресловутымъ Семибашеннымъ замкомъ, упирающіяся въ имѣтъ всегда кипятокъ для заварки чая; слѣдить, чтобы команда была услужлива и вѣжлива въ обращеніи съ паломниками и вообще употреблять всѣ мѣры, чтобы пребываніе паломниковъ на парходахъ были обставлено на сколько возможно удобнѣе». (См. П. П. Свѣцкаго, Путешествіе въ Іерусалимъ, 1899 г. стр. 13).

воды морскія. Неособенно далеко отъ нихъ на отлогомъ берегу моря расположилось какое-то небольшое красивое селеніе. Но Санъ-Стефано-ли? Оказывается, что нѣтъ. Санъ-Стефано, такъ хорошо извѣстный намъ съ 1878 года, виднѣтся много дальше. Правѣ его вдали выступаетъ что-то похожее на колокольню или башню. Это и есть русскій памятникъ—церковь, воздвигнутая надъ могилою павшихъ воиновъ. Въ морской бинокль, миновавъ Санъ-Стефано, можно ясно различить огороженный и обсаженный деревьями квадратъ вокругъ памятника и самый памятникъ, который своей архитектурой походитъ нѣсколько по моему, на нашъ петрозаводскій Петропавловскій соборъ. Миръ праху вашему, доблестные воины земли Русской! Господь да вселитъ васъ въ селеніяхъ праведныхъ за ваши подвиги и труды!...

III.

До Иерусалима.

9 іюня. На разсвѣтъ выходилъ на палубу,—хотѣлось видѣть Дарданеллы, этотъ ключъ къ Константинополю со стороны Средиземнаго моря. Плыли еще моремъ, хотя и очень узкимъ, между высокихъ береговъ Азіи и Европы.—Скоро-ли Дарданеллы? спрашиваю матроса.—„Черезъ часъ“, отвѣчаетъ тотъ. Выхожу черезъ часъ и очень кста-ти. Узкое море впереди становится еще уже, превращается въ полноводную величественную рѣку, которая широко разлилась по широкой долинѣ, обрамленной гористыми берегами. При входѣ и съ азіатскаго и европейскаго берега непривѣтливо, грозно поглядывали два сильныхъ турецкихъ форта; далѣе на значительномъ разстояніи снова форты: одинъ на азіатскомъ берегу и за нимъ—небольшая турецкая флотилія (два броненосца и еще три какихъ-то небольшихъ военныхъ судна), а другой—на европейскомъ; еще дальше и—снова по форту на европейскомъ и на азіатскомъ берегу; за послѣднимъ въ углубленіи пролива красиво раскинулось небольшое селеніе Дарданеллы—мѣстопробываніе консуловъ и мѣстной военной власти,—а за нимъ по обѣ стороны пролива снова два форта и крѣпость. Такъ сильно защищенъ входъ въ Мраморное море со стороны Архипелага и проникнуть въ него непрошенному гостю (особенно въ виду того, что каждое входящее судно должно имѣть пропускъ отъ турецкихъ властей въ Дарданеллахъ), по нашему мнѣнію, совсѣмъ невозможно.—Пароходъ бросилъ якорь противъ самаго селенія неподалеку отъ пристани. Съ берега отъ казармъ въ это время быстро отчалили и замедляя ходъ, мимо парохода плавно проплыли два 12-ти весельныхъ военныхъ катера съ важными турецкими персонами, которые почему-то пристально смотрѣли на нашу палубу. Оказалось, что это родные встрѣчали бѣжавшаго на нашемъ пароходѣ знатнаго вали или пашу съ семействомъ. Вотъ бывшіе въ лодкѣ замѣтили его на палубѣ и съ улыбкой привѣтствуя по восточному, т. е. прилагая руку къ сердцу, губамъ и лбу и наклоняясь,—быстро причалили къ пароходу. Вали отбылъ очень скоро и нашъ пароходъ моментально послѣ того на-

воднили продавцы хлѣба, овощей и разной посуды мѣстнаго изготовленія (вазъ, кувшинчиковъ, тарелокъ и под.), очень своеобразныхъ и красивыхъ на видъ, но неизящныхъ, грубоватой работы. Охотниковъ купить то и другое среди насъ было мало, однако это не помѣшало продавцамъ пробить на палубѣ до самаго почти отхода. — Часа черезъ два пароходъ снялся съ якоря и быстро пошелъ широкимъ проливомъ, придерживаясь высокаго, обрывистаго европейскаго берега. Вотъ проливъ снова очень сужился, давая мѣсто двумъ турецкимъ фортамъ, и переваливъ ихъ, мы вступаемъ уже въ Архипелагъ. Направо открылось безбрежное море, налѣво виднѣется прибрежная равнина азіатскаго материка съ высокими горами вдаль, а прямо впереди началъ выдѣляться изъ моря скалистый, неприглядный берегъ о. Тенедоса, который когда-то, во времена сѣдой древности, наканунѣ погибели Трои предательски скрывалъ за собою сильную греческую флотилію. Вотъ и пологіе скаты малоазійскаго берега, мѣсто, гдѣ, по опредѣленію Шлимана, находилась когда-то знаменитая Троя, гдѣ борцы—герои сражались за оскорбленную честь Менелая и хитроумный Одисей измышлялъ деревяннаго коня. Царство Пріама въ настоящее время, это — зеленатый квадратъ, слабо отгнѣнный нѣсколькими холмами, или вѣрнѣе, это — невзрачный голый пустырь, какіе-то убогіе бугры... — Островъ за островомъ въ разнообразныхъ очертаніяхъ и сочетаніяхъ тянется справа и видны впереди, а слѣва, извиваясь нескончаемой лентой, лежитъ азіатскій берегъ. Все это невольно какъ-то будило и побуждало къ тому, чтобы отдаться разнообразнымъ историческимъ воспоминаніямъ. — На безчисленныхъ островахъ Архипелага и на малоазійскомъ берегу за 6—7 вѣковъ до Р. Хр., какъ извѣстно, существовали десятки и сотни школъ, разрѣшавшихъ вѣковые вопросы о судьбѣ человѣка, началъ вещей, о значеніи разума. Смирна, Милеть, Ефесъ и Лампсакъ, Самось и Элея служили родиной проповѣдниковъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ мировоззрѣній. Поэзія и искусство шли здѣсь рука объ руку въ этомъ страстномъ исканіи идеала. Имена Эмпедокла и Пифагора, Праксителя и Фидія, Аристотеля, Платона и Гомера, Эврипида и Софокла сплетаются въ одинъ безсмертный вѣнокъ на мавзолеѣ древней Эллады... Невольно встаютъ также и гордые тѣни смѣлыхъ сыновъ Аттики и Пелопонеса; мощные мнѣнческіе образы Геркулеса и Язона, Тезея, Ахилла и Одиссея будятъ цѣлый рой таинственныхъ сказаній и преданій вѣчно юной Греціи. Каждый островъ, каждая темная полоса береговъ, скаль, уступовъ служили здѣсь мѣстомъ чудесныхъ подвиговъ. Въ безконечной вереницѣ именъ рядомъ съ великимъ Александромъ встрѣчается и задумчивый силуэтъ поэтессы Сафо. Носитель культуры, проводникъ греческой образованности и могущества, сынъ Филиппа, обходитъ всю эту ширь Средиземнаго побережья, проникая до гигантскихъ столбовъ персидской монархіи и далекаго таинственнаго Египта. Онъ вноситъ новую жизнь, бросая живительныя сѣмена греческой мысли въ варварскія окраины широко раскинушагося государственнаго оргнизма Эллады. А дѣва—поэтъ на струнахъ рыдающей лиры выливаетъ въ пластическихъ мощныхъ аккордахъ гимны неумирающей любви,

задумчивыхъ грезъ и благороднаго вдохновенія ¹⁾.. Мы теперь недалеко отъ ея родины. Какъ исполинская глыба выступаетъ на поверхности моря и надвигается на насъ о. Митилена съ сѣрою разрушающеюся отъ времени крѣпостію внизу, которая прикрываетъ и закрываетъ собою небольшой красивый городокъ того же наименованія, пріютившійся на берегу моря у подножія горы. Митилена—городокъ чистенькій съ гаванью; видны красивые постройки и нѣсколько христіанскихъ храмовъ. Налѣво по отлогому откосу живописно раскинулись сады изъ масличныхъ, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, съ раскинутыми тутъ и тамъ небольшими группами загородныхъ домиковъ; налѣво къ крѣпости, лаская взоръ, глядитъ что-то похожее на скверъ, богатый растительностію. —На перепутьѣ изъ Константинополя въ Александрію городокъ этотъ, Митилена, пригрѣтый лучами южнаго солнца, является шумнымъ рынкомъ для морскихъ купеческихъ судовъ. Вино, масло и роскошные плоды онъ обмѣниваетъ на клинки Дамаска, на кофе Аравіи и на пряности далекой Индіи ²⁾.—Нашему пароходу слѣдовало-бы простоять у Митилены съ часу дня и до поздней ночи; этимъ мы и предполагали воспользоваться, чтобы побывать въ городѣ, осмотрѣть его и его прекрасные тѣнистые сады. Но груза здѣсь оказывалось мало и пароходъ снялся съ якоря чрезъ 1 1/2 часа стоянки. Такъ и неудалось намъ побывать въ городѣ. И снова предъ нами скалистые острова Архипелага, то живописные, покрытые растительностію, то совсѣмъ обнаженные, покрытые пескомъ и камнями. Вотъ въ широкой расщелинѣ высокаго азіатскаго берега показалось небольшое скученное селеніе -- Чиджакъ и миновавъ его, мы вступили въ глубокой Смирнскій заливъ. —Вечерѣло; въ воздухѣ было свѣжо. Это и заставило меня спуститься въ каюту, гдѣ уже крѣпко спалъ вновь прибывшій грекъ изъ Митилены. Только около 11 часовъ пароходъ нашъ былъ вблизи Смирны, этой «жемчужинѣ» въ коронѣ турецкаго султана, которая послѣ Константинополя, какъ извѣстно, является важнѣйшимъ торговымъ городомъ Оттоманской имперіи. Луна свѣтила ярко, однако трудно было разобрать городъ и окружающую его мѣстность. Сплошной полосой ярко блестя, переливаясь газовой фанари, освѣщая зданія набережной; за ними то повышаясь, то понижаясь выступали вдали темнымъ силуэтомъ высокія горы; по откосу праваго берега на далекое пространство мелькало немало одинокихъ огоньковъ. Съ набережной доносились звуки духовой музыки, стукъ экипажей, гулъ людскаго говора и лай собакъ, которые по мѣрѣ приближенія становились все яснѣе и яснѣе. —Пройдя мимо торчавшихъ изъ воды мачтъ когда-то и кѣмъ-то потопленнаго и ставшаго теперь импровизированнымъ маякомъ судна, нашъ пароходъ тихо бросилъ якорь вблизи набережной и гавани...

10 іюня. Въ 7 часу утра почти всѣ пассажиры были на палубѣ и любовались городомъ, который своими красивыми постройками скорѣе напоминалъ европейскій,

¹⁾ Корженевскій В. По востоку, стр. 90—91.

²⁾ Тамъ же, стр. 92.

чѣмъ азіатскій городъ. — *Смирна* живописно расположилась полукругомъ по берегу залива, будучи окружена тремя горами, которыя холмообразно спускаются къ морю. Передъ нами во всю длину набережной — улица съ непрерывнымъ рядомъ высокихъ стройныхъ зданій полуевропейской архитектуры. Нижніе этажи домовъ — сплошная терраса кофеенъ, ресторановъ, отелей. У самаго берега, вдоль голубой каймы залива бѣжитъ одноконный вагонъ конно-железной дороги. Легкій, сквозной, удивительно приспособленный къ климату, онъ производитъ оригинальное впечатлѣніе въ чуждой ему обстановкѣ. Надъ зданіями дальше возвышаются нѣсколько благолѣпныхъ храмовъ христіанскихъ и мечетей съ высокими минаретами. Справа около вершины унылаго холма Пагуса видны развалины древняго коллизея, гдѣ когда-то невинно лилась кровь христіанская и гдѣ нѣкогда пострадалъ столѣтній епископъ смирскій Поликарпъ. Ниже по скату красиво выдѣляется большая группа кипарисовъ, между которыми расположилось кладбище; еще ниже, у берега — гавань, полная судовъ и париходовъ; оттуда начали появляться парусныя лодки и небольшіе париходики, развозившіе публику по окрестному побережью. Глядя на этотъ красивый, оживленный городъ съ конкою, блѣнраморными дворцами и париходами, невѣрилось какъ-то, что это — та знаменитая Смирна, которую за 600 л. до Р. Хр. основали выходцы изъ Кимы подъ предводительствомъ смѣлаго Тезея и которая съ того времени претерпѣла немало метаморфозъ самаго противоположнаго свойства. — Основанная Тезеемъ, Смирна въ началѣ принадлежала къ эолійскому союзу, а затѣмъ, сравнительно скоро, стала 13-мъ звѣномъ союза іонійскаго. Разрушенная лидійскимъ царемъ Ахіаттомъ, она 4 столѣтія лежала въ развалинахъ. Антигонъ векоръ послѣ смерти Александра Македонскаго перенесъ ея стѣны на 20 стадій къ юго-западу отъ прежняго мѣста, Лизимахъ украсилъ роскошными зданіями, и возрожденная, призванная къ жизни, она зацвѣла и процвѣтала во весь періодъ римскаго владычества. Являясь крупнѣйшимъ центромъ Сиріи, Леванта и Арменіи, Смирна сосредоточивала въ себѣ и главную артерію тогдашней юридической жизни — высшую судебную инстанцію своего округа (*conventus jur dicus*). 180 лѣтъ спустя по Р. Хр., изуродованная землетрясеніемъ, она отстроена была вновь при Авреліи Антонинѣ ¹⁾. Позднѣе, ея овладѣвають воинственные послѣдователи Магомета, затѣмъ она переходитъ во власть генуэзцевъ и наконецъ снова становится достояніемъ магометанъ. — Народонаселеніе Смирны больше греческое, чѣмъ турецкое: христіанъ въ ней насчитывается свыше 100 тысячъ, мусульманъ 40 тыс. и евреевъ 20 тыс.. Неудивительно отсюда, что въ ней развилась промышленность. Обширные базары Смирны торгуютъ фруктами, сладкимъ виноградомъ, снабжая Европу черносливомъ, коринкой, винными ягодами, ладномъ, въ особенности же прекрасными коврами, которыхъ здѣсь на мѣстѣ, говорятъ, можно купить только за большія деньги. — Париходъ нашъ имѣлъ отойти сегодня не раньше 5 часовъ вечера. Это давало намъ полную возможность осмотрѣть городъ и поклониться его святынямъ. Къ тому же на па-

¹⁾ В. Корженевскій, По востоку, стр. 95.

дубъ оказывался человекъ (житель г. Смирны, грекъ по происхожденію, хорошо знавшій русскій языкъ), который за франкъ съ персоны соглашался не только доставить съ парохода на берегъ и обратно, но и показать все святыни и достопримѣчательности города. Черезъ гавань и таможеню скоро достигли мы набережной, откуда узкими переулками прошли въ европейскій или христіанскій кварталъ. Улицы здѣсь хотя и не широкія по обычаю, но хорошо вымощены и обстроены весьма красивыми небольшими домами, окна которыхъ по большей части съ желѣзными рѣшетками и зелеными жалузи. — Первымъ пришлось видѣть храмъ св. Фотиніи (жены самарянки, съ которою бесѣдовалъ Христосъ у колодезя близъ Сихара). На юго-восточной сторонѣ двора этого храма помѣщается бѣломраморная колокольня дивной архитектуры. Колокольня 4-хъ ярусная и замѣчательно стройна; нижніе два яруса имѣютъ изящную наружную колоннаду, которая собственно и придаетъ колокольнѣ своеобразную прелесть и красоту. Нельзя было не залюбоваться, глядя на нее. Вошли затѣмъ внутрь храма, который оказывался величественною богатоукрашенною базиликой, съ рѣзнымъ 2-хъ яруснымъ иконостасомъ изъ маислины. Въ послѣднемъ невольно обращаютъ на себя вниманіе царскія врата, перенесенныя сюда изъ древняго Ефеса, которымъ насчитываютъ до 300 лѣтъ существованія; рѣзба ихъ изображаетъ все почти выдающіяся событія изъ жизни Божіей Матери (Рождество Ея, Благовѣщеніе, Введеніе во храмъ, Срѣтеніе). Были затѣмъ въ храмъ св. великомуч. Георгія, гдѣ имѣются части мощей свв. Поликарпа, сп. Смирнскаго, Косьмы и Даміана и великомуч. Георгія. Храмъ, замѣтно, новый, свѣтлый и благолѣпный; представляетъ изъ себя базилику съ величественнымъ куполомъ вмѣсто плоской крыши. Сквозь сѣверныя (входныя) двери мы не могли не замѣтить величественный профиль надгробнаго монумента, представлявшаго благообразнаго мужчину. Одинъ изъ проводниковъ (у насъ сверхъ ожиданія и желанія оказывалось два проводника) самоувѣренно объяснилъ, что монументъ этотъ—статуя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, но надпись на монументѣ сказала намъ совсемъ иное, —она свидѣтельствовала, что это—изображеніе одного изъ видныхъ дѣятелей г. Смирны сравнительно недавняго времени. Снова войдя въ храмъ и приложившись къ св. мощамъ, мы черезъ южныя двери направились къ растущему среди двора одинокому платану, подъ которымъ, по преданію, сожжено было тѣло св. великомученика Поликарпа, сп. Смирнскаго. Платанъ этотъ — очень сѣдой древности; огромный стволъ его наполовину сгнилъ, что однако не мѣшаетъ ему имѣть густо-лиственную многовѣтвистую вершину. Сорвавъ по нѣскольку листиковъ на память, мы направились къ храму Іоанна Богослова. Дорога шла переулками въ гору; встрѣчались небольшіе тѣнистые сады; въ просвѣтъ на горѣ видны были развалины Колизея. Я предложилъ было теперь же идти туда, но сотоварищи за наступившей жарой не пошли. Такъ и не пришлось быть на мѣстѣ мученія достойнаго ученика Апостола любви, священномученика Поликарпа; а между тѣмъ, говорятъ, и по нынѣ тамъ, въ развалинахъ, показываютъ и арену кроваваго боя и отдѣленіе, гдѣ содержались звѣри.—Черезъ калитку скоро поднялись мы на широкій дворъ и тутъ же

налѣво вошли въ помѣщеніе похожее на книжную и вмѣстѣ свѣчную лавку. Посрединѣ, на столѣ, у котораго сидѣла женщина, лежало св. Евангеліе, писанное, по ея словамъ (и по преданію), самимъ Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ. Мы благоговѣнно открыли св. книгу въ началѣ: «Евангеліе отъ Іоанна»; письмо (по гречески, разумѣется) четкое, красивое, близкое къ печатному (на подобіе нашего полууставнаго), листы бѣлые, замѣчательно сохранившіеся (тысячелѣтія не наложили на нихъ замѣтной печати). Открываемъ въ срединѣ и концѣ—Евангеліе отъ Матѳея, Евангеліе отъ Луки, и такое же, одинаковое, какъ въ первомъ, и сѣмь, такіе же листы. Это послѣднее, меня по крайней мѣрѣ, нѣсколько озадачило; но разрѣшить недоумѣнія было некому и мы пошли къ храму. Храмъ во имя Іоанна Богослова не богатый, безъ колокольни, съ простенькой звонницей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ немъ однако рѣзной иконостасъ орѣховаго дерева, перенесенный изъ Ефеса. На царскихъ вратахъ его вырѣзано нѣсколько событій, относящихся къ невинному состоянію и паденію первыхъ людей въ рай, а внизу каждой мѣстной иконы—событія изъ жизни изображеннаго на иконѣ лица.—На пути отсюда проводникъ предложилъ зайти въ недавно открытую пещеру, гдѣ находится, по его словамъ, чудотворная икона Божіей Матери. (Въ путеводителяхъ объ этой иконѣ и пещерѣ вовсе не упоминается). Мы согласились.—Пещера была недалеко; входъ съ чьего-то (кажется, частнаго) тѣснаго двора.—Съ зажженными свѣчами, купленными тутъ же въ углубленіи двора (отъ пузырьковъ для воды мы отказались), невысокимъ узкимъ проходомъ одинъ за другимъ потянулись мы въ предшествіи проводника во внутрь пещеры. По мѣрѣ углубленія проходъ становился все ниже и ниже; приходилось пригибаться больше и больше и дышать спертымъ воздухомъ. Не знаю, какъ другіе, но я начиналъ чувствовать себя не особенно хорошо, и если бы въ это время проходъ не сталъ нѣсколько выше и мы не были бы у дѣли своего путешествія, то, кажется, я вернулся бы назадъ. Предъ нами стѣна; направо въ каменной нишѣ теплится лампадка предъ иконою Богоматери, налѣво зяетъ темное пятно прохода (продолженіе его); подъ ногами ощущается что-то влажное, скользкое. Проводникъ приподнял крышку колодца, предложилъ выпить воды и помолвившійся предъ иконою, мы поспѣшили выйти наружу.—Заходили послѣ того на базаръ купить смирнскаго ладону. Базаръ оказался, по обычаю, непривлекательнымъ. Галлерей узкія, темныя, съ навѣсами изъ роговъ, досокъ и разной парусины; часто проходящіе караваны верблюдовъ очень замедляютъ движеніе. Лавки грязноваты, многія изъ нихъ одновременно служатъ и мастерскими для хозяевъ, гдѣ (тутъ же на виду у всѣхъ) приготавливаются предметы ихъ торговли. Продавцы, полулежа на чемъ-то въ родѣ нарѣ, лѣниво пьютъ кофе или курятъ кальянъ; въ обращеніи съ покупателями они подѣ часъ безцеремонны, грубоваты и крайне неуступчивы. Въ одной лавкѣ, напр., за фунтъ ладону запросили съ насъ 3 рубля (а его и у насъ, въ Россіи, можно купить дешевле 2-хъ руб.) и отказались уступить что-либо; въ другой—запросили рубль и если не уступили ничего, то, кажется, единственно потому, что на защиту интересовъ продавца безцер-

монно выступилъ одинъ изъ нашихъ же проводниковъ, которому, замѣтно, досадно было, что здѣсь продавали ладонъ дешевле, чѣмъ въ лавкѣ, рекомендованной имъ. Последнее навело насъ на совершенно вѣрную мысль, что, путешествуя по Востоку, крайне невыгодно довѣряться случайнымъ (мѣстнымъ) проводникамъ при покупкѣ тѣхъ или другихъ нужныхъ вещей, потому что проводники, въ этихъ случаяхъ, всегда стараются вести покупателей въ такія лавки и магазины, гдѣ даютъ имъ хорошее вознагражденіе, а это послѣднее совершается всегда за счетъ покупателя; послѣдному и приходится по большей части, если не всегда, платить большія деньги за плохія вещи.—Были послѣ того и въ нѣсколькихъ магазинахъ европейскаго квартала; между этими послѣдними есть магазины замѣчательно хорошіе, которые занимаютъ громадное помѣщеніе и ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ европейскимъ. Въ то время, когда въ одномъ изъ нихъ мы выбирали для себя соломенные шляпы, по улицѣ чинно прошли мимо человекъ 15—20 юношей въ блузахъ и пробковыхъ англійскихъ каскахъ.—„Это ваши соотечественники, сказалъ старшій проводникъ,—казанскіе гимназисты съ ихъ воспитателемъ“.—Вотъ и прекрасно! подумалъ я и поспѣшилъ найти достоуважаемаго Н. К. Горталова, съ которымъ и познакомился лично, кратко сказавъ о причинѣ своего замедленія.—Въ часъ дня мы были уже на пароходѣ; часа черезъ три пріѣхали сюда гимназисты и пароходъ снялся съ якоря... Погода была очень хорошая, тихая; море спокойное; взоры всѣхъ обращены были къ удаляющейся Смирнѣ. Миновали турецкій фортъ съ зубчатою башнею, расположенный на песчаной косѣ; показались вдали и бѣлые бугры соли на отдалившемся низменномъ берегу. Томившая жажда заставила меня спуститься въ каюту. Проходя мимо гимназистовъ, занимавшихъ переднюю палубу (между рубкою 1 класса и машиннымъ отдѣленіемъ), я съ удивленіемъ замѣтилъ, что и руководитель ихъ, досточтимый Н. К., совершалъ путь вмѣстѣ съ ними, на палубѣ.—Здѣсь вѣдь крайне неудобно, говорю ему,—почему бы вамъ не ѣхать во 2 классѣ?—«Но я постоянно долженъ быть съ моими юными спутниками, отвѣчаетъ онъ,—дѣлать съ ними одинаковую участь я считаю своимъ священнымъ долгомъ“.—Замѣчаніе совершенно вѣрное и поступокъ во всякомъ случаѣ благородный, заслуживающій похвалы.—Въ каютѣ моей оказалось новое лицо—прибылъ грекъ, молодой словоохотливый коммерсантъ изъ Смирны. Къ сожалѣнію, онъ не зналъ русскаго языка, а я, кромѣ нѣсколькихъ французскихъ фразъ и словъ,—тѣхъ языковъ, которыя знаетъ онъ, и разговоръ нашъ не клеился и самъ собою прекращался всегда довольно скоро.—Въ 10 часовъ вечера мы подходили къ острову Хиосу, родинѣ извѣстнѣйшихъ торговыхъ греческихъ фамилій. У подножія высокаго берега мелькали на далекое пространство безчисленные огоньки домиковъ города Хио. При трепетномъ свѣтѣ луны, задернутой дымкой испареній, взоръ могъ уловить при всемъ усиліи только небольшое въ этомъ городѣ: гавань съ багроваго цвѣта фонаремъ (маякомъ) у входа, слабыя очертанія двухъ-трехъ храмовъ и развалины какихъ-то строеній.—Хио издревле, какъ и те-

перь, славится производством вина, мрамора, варенья и мастики. Самое интересное — бѣлая мастика, приготовляемая туземцами для жеванія и чистки зубовъ; прозрачная и эластичная, она приводитъ въ восторгъ знатоковъ, а непривычному склеиваетъ ротъ и десны. — Пароходъ сталъ на якорь противъ самой гавани; началась оживленная нагрузка и разгрузка при сильномъ электрическомъ освѣщеніи; лодки подплывали и отплывали. Появились на палубѣ, не смотря на позднее время, и продавцы варенья съ мастикой. Последняя мнѣ крайне не понравилась, а относительно варенья кто-то замѣтилъ, что оно съ мухами. Такъ и не пришлось ничего купить у торговцевъ....

11 іюня. Не смотря на стукъ подъемнаго крана, я крѣпко уснулъ вчера въ каютѣ и не слыхалъ, какъ пароходъ снялся съ якоря, покидая Хиосъ. Меня разбудилъ сосѣдь словами „Самосъ“. — *Самосъ*, родина Шоагора, издревле извѣстенъ ожесточенною борьбою туземцевъ грековъ за свою независимость. Въ 500 году до Р. Хр. самосцы гончарники, какъ извѣстно, поднали подъ власть Поликрата и возстали противъ него. Въ 441 г. они бунтуютъ противъ гегемоніи Афинянъ; но послѣ 9-ти мѣсячной осады сдаются Периклу. Мятежный духъ оставляетъ ихъ, впрочемъ, не надолго. Вспыхиваетъ война съ Митридатомъ, самосцы дерутся опять и окончательно раззоривъ себя въ этой борьбѣ, обезсленные и разбитые, затихаютъ въ исторіи. Въ наши дни, однако, воинственный независимый духъ отдаленныхъ предковъ снова сказался въ самосцахъ. Островъ отстаивалъ свою независимость, управляется греческимъ княземъ, находясь лишь подъ протекторатомъ Турціи ¹⁾. — Въ Самосѣ пароходъ нашъ заходилъ неожиданно, для меня по крайней мѣрѣ, и я поспѣшилъ выйти на палубу. Плыли узкимъ извилистымъ заливомъ между высокихъ береговъ. По скату праваго тутъ и тамъ разбросаны были масличныя и периковыя деревья съ одинокими (изрѣдка) небольшими домиками, а лѣвый глядѣлъ непривѣтливо, совсѣмъ лишенъ былъ растительности. Вотъ изъ-за изгиба въ глубинѣ залива показался и городъ Самосъ съ природною небольшою гаванью; скученныя красивыя строенія его съ благолѣпными храмами и пристанью скромно пріютились полукругомъ у самаго залива нѣсколько лѣвѣе; за ними и прямо сады, а за садами на незначительномъ разстояніи въ направленіи ущелья — новыя грязноватыя постройки, какъ гнѣзда ласточекъ, облѣпили почти всю вершину невысокаго холма. Особаго движенія въ городѣ и пристани замѣтно не было. Нашъ пароходъ въ небольшой гавани казался колоесомъ. Остановившись на минуту, какъ бы въ раздумьѣ, стоитъ-ли бросать здѣсь якорь (груза не предвидѣлось), онъ важно едѣлалъ поворотъ направо и пошелъ снова въ открытое море... Опять острова и острова, утесы и скалы, большіе и малые, высокіе, гористые, отлогіе и низменные, привѣтливые и угрюмые, обитаемые и пустынные. Изрѣдка блеснетъ бѣлый парусъ отдаленной одинокой лодки или встрѣтится шкуна съ людьми и совсѣмъ почему-то нѣтъ встрѣчныхъ пароходовъ. — Бесѣдовалъ какъ-то съ П. К. о гимназистахъ экскурсистахъ. Оказывается, что инициатива экскурсіи ихъ принадлежитъ всецѣло ему; ему же главнымъ

¹⁾ Б. Коржневскій, По востоку, стр. 99—100.

образомъ, если не исключительно, она обязана и своимъ теперешнимъ осуществленіемъ. Последнее стоило, правда, Н. К. немало хлопотъ и трудовъ; но онъ очень утѣшенъ тѣмъ, что труды эти не пропали даромъ и путешествіе ихъ совершается пока прекрасно. Имъ всюду со стороны русскихъ властей оказывается большое вниманіе и предупредительность, а въ Пирей такъ ихъ едва не „на рукахъ носили“, какъ говорится: они омастривали тамъ бывший въ то время русскій броненосецъ „Императоръ Александръ II“, два раза ѣздили въ Афины: въ Смирну прибыли на арабскомъ пароходѣ Эль-Каиро. При этомъ Н. К. съ особенною благодарностію вспоминалъ о нашемъ константинопольскомъ послѣ Зиновьевѣ, который телеграфировалъ о нихъ въ Пирей и обѣщалъ телеграфировать во все попутныя имъ консульства. Вечеромъ совершенно неожиданно пришлось слушать оркестровую музыку. На нашемъ пароходѣ изъ Смирны въ Бейрутъ ѣхали музыканты чехи (человѣкъ 6). Кому то изъ туристовъ вздумалось (безъ сомнѣнія, за угощеніе) попросить ихъ сыграть что нибудь; тѣ согласились, и вотъ при заходѣ солнца начался концертъ на передней палубѣ. Первымъ играли русскій гимнъ „Боже, царя храни“. Едва послышались начальные звуки этого гимна, какъ все присутствующіе моментально встали съ мѣстъ и обнажили головы; встали даже и швейцы, спутницы чеховъ музыкантовъ. За гимномъ слѣдовали еще 6—7 №№ шаблонныхъ свѣтскихъ пѣсень. При звукахъ этой музыки, въ сумракъ вечера мы миновали о. Родосъ и вступили въ Средиземное море. Родосъ проходили на значительномъ разстояніи; съ парохода видны были лишь контуры берега и огоньки города,—последніе вмѣстѣ съ маяками долго блестяли затѣмъ позади на поверхности моря.

12 і ю н я. Пльвемъ открытымъ моремъ. Погода по прежнему ясная, тихая; кругомъ ширь и просторъ—вода, вода и вода. Разбрасывая соленія брызги стальною упругою грудью, „Россия“ быстро идетъ, пуская длинные клубы дыма, направляясь прямо къ берегамъ Сиріи и Палестины, этому едва-ли не самому историческому центру на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ таинственная колыбель человечества, гдѣ слагалось и зрѣло зерно его духовнаго и политическаго сознанія и откуда слабыми шагами оно выступило робко на широкой просторъ міровой арены. Невольно какъ-то задумываешься, глядя на эту гладкую поверхность безбрежнаго моря. „Въ грандіозную чашу средиземнаго бассейна, выразимся словами одного путешественника,—слилось столько глубокихъ потоковъ человѣческой мысли, таинственныхъ знаній, наполовину разгаданныхъ событій, что каждая отдѣльная волна этой міровой пучины способна поглотить годы, десятки лѣтъ самыхъ поверхностныхъ изученій»¹⁾. Тридцать вѣковъ омраченное грѣхомъ человечество, предоставленное собственнымъ силамъ, тщетно искало истиннаго Бога, начиная отъ песчаныхъ пустынь Африки и кончая туманными высями Олимпа.—Постепенно смѣняя грубый фетишизмъ религіозными ученіями Ассиріи, Финикіи и Египта, древній міръ завершаетъ свой религіозный культъ сонмами боговъ въ изящной мифологіи Греціи и Рима. Человѣчeskій умъ жаждетъ познать Божество, а ом-

1) В. Коржелевскій, По востоку. стр 90.

раченное грѣхомъ воображеніе выдастъ за Божество самого же человѣка только въ болѣ совершенныхъ формахъ. Мысль, однако, созрѣваетъ настолько, что уже въ силахъ становится постичь идею вѣчнаго, единого личнаго Бога. Въ жизни людей наступаетъ періодъ сознательнаго раздумья. Философы готовятъ протестъ отжившимъ теоріямъ языческихъ фантазій, какъ-бы предчувствуя новую эру близкаго возрожденія міра. И одряхлѣвшій Востокъ скоро услышалъ мощную проповѣдь Пророка отъ Галилеи, воплотившагося Сына Божія, — проповѣдь истиннаго (христіанскаго) Боговѣденія и высокой морали. — Въ 10 час. утра хотѣлъ было идти къ капитану за дозволеніемъ служить сегодня (наканунѣ воскресенья) всенощное бдѣніе; но случившійся въ нашемъ помѣщеніи помощникъ капитана сказалъ, что ходить къ капитану послѣ того, какъ имъ однажды дано было позволеніе, нѣтъ нужды, — позволеніе это можетъ дать теперь и онъ, помощникъ капитана. Я поблагодарилъ и отправился къ матросамъ; тѣ также, какъ и въ первый разъ, охотно согласились къ 5 час. вечера приготовить, облагодобразить свою палубу; спускался затѣмъ и въ трюмъ къ паломникамъ, гдѣ извѣстіе о всенощной встрѣтили съ великою нескрываемою радостію. Чтецами и пѣвцами вызвались быть прежніе чтецы и пѣвцы; книги богослужебныя нашлись все, за исключеніемъ октоиха. Но и тутъ Господь помогъ намъ. Съ гимназистами вмѣстѣ ѣхалъ юный магистрантъ одной изъ нашихъ духовныхъ академій, И. С. П., который наизусть зналъ все воскресныя стихиры на Господи возвахъ, на стиховнѣ, irmosы и прокимны всехъ 8 гласовъ октоиха. Онъ любезно вызвался написать и тотчасъ-же написалъ для пѣвцовъ нужныя стихиры и irmosы съ прокимномъ и обѣщался принять участіе въ пѣніи. Приглашалъ было къ участію въ чтеніи и пѣніи гимназистовъ, но тѣ чувствовали себя усталыми и потому отказались. — Въ 5 часовъ вечера состоялось всенощное бдѣніе. Пѣли и читали нетово, осмысленно, съ воодушевленіемъ. Присутствовали все паломники, не включая и гимназистовъ съ ихъ спутниками и руководителемъ, большинство ихъ горячо и усердно молились; были за богослуженіемъ и матросы. — Послѣ всенощной сказано было краткое назиданіе, при чемъ выражена была благодарность капитану, матросамъ и пѣвчимъ со чтецами; на завтра объявлена была обѣдница часовъ въ 7—8 утра. Паломники разошлись, замѣтно, довольные и благоговѣнно настроенные. Многие изъ нихъ продолжали молиться долго — долго и по возвращеніи на занимаемыя ими мѣста, — только 4 интеллигента, пассажиры 2 класса, нашли возможнымъ непосредственно послѣ всенощной начать скуки ради игру въ винтъ. Вообще же относительно поведенія паломниковъ, разумно главнымъ образомъ паломниковъ палубниковъ, за время путешествія ихъ по водамъ можно сказать только одно похвальное и ни въ какомъ случаѣ его нельзя сравнять съ поведеніемъ, магометанъ напр. Въ то время какъ послѣдніе за все время путешествія представляютъ элементъ чисто азіатской неподвижности и лѣни (ни у одного изъ нихъ не видѣлъ я въ рукахъ ни разу какой-либо работы), — паломники и паломницы наши никогда праздно не сидятъ: женщины постоянно что-либо шьютъ или вяжутъ, моютъ, стираютъ, читаютъ иногда и книжечки религіозно-нрав-

ственного содержанія, а по вечерамъ поютъ божественныя пѣснопѣнія, мужчины тоже—кто чинить свою одежду или обувь, кто читаетъ книгу, а кто ведетъ душеспасительные разговоры.—Поздно вечеромъ, разговорившись съ однимъ благоговѣйнымъ паломникомъ, узналъ отъ него возмутительныя вещи. Кто-то изъ служащихъ на пароходѣ сегодня въ обѣдъ вздумалъ рассказывать спутникамъ гимназистовъ въ присутствіи этихъ послѣднихъ о разныхъ непотребствахъ и гадостяхъ, которыя якобы творятся греческими монахами при св. Гробѣ Господнемъ. Рассказчикъ совѣтился мнѣ даже передать все то, что повѣствоваль служащій въ присутствіи юныхъ, чистыхъ сердець, ѣхавшихъ въ Иерусалимъ на поклоненіе.—„Батюшка, зачѣмъ все это говорилось? всѣ эти невѣроятныя гадости про монаховъ у Гроба Господня? негодую спрашивалъ меня собесѣдникъ... Можно-ли рассказывать объ этомъ юношамъ даже въ томъ случаѣ, если бы во всѣхъ рассказахъ этихъ и была значительная доля правды? Къ чему? зачѣмъ? Чтобы омрачить сердца ихъ? разрушить благоговѣйную настроенность?“...

13 іюня. Воскресный день начали общемою молитвою къ Господу Богу. Въ 8 часовъ утра на матросской палубѣ въ присутствіи паломниковъ отелужена была обѣдница съ 3-мъ и 6 часомъ, а послѣ обѣдницы—молебенъ всѣмъ святымъ съ акаѳистомъ Спасителю. По окончаніи молебна мною сказано было нѣсколько словъ на текстъ дневного Евангелія объ исповѣданіи Христа въ примѣненіи къ присутствовавшимъ, т. е. паломникамъ во св. Землю.—Островъ Каиръ, берега котораго легкимъ контуромъ со вчерашняго вечера все время видѣлись налѣво, теперь совсѣмъ скрылся, а въ 1 часу дня на небосклонѣ впереди высоко выступили свѣтлыя съ блестящими (снѣговыми) поперечными полосами очертанія ливанскихъ горъ. Итакъ, благодареніе Господу, близки берега Сиріи, откуда сравнительно недалеко и до Палестины. Погода продолжала быть ясною, но море, покойное до сего времени, начинало волноваться. Въ два часа дня мы были у береговъ Сиріи вблизи города Триполи, гдѣ должны были простоять до 10 час. вечера. Высокій Ливанъ гордо поднимался надъ моремъ, заслоняя собой восточный небосклонъ; снѣговыя полосы на вершинахъ его ярко, ослѣпительно ярко блестяли на солнцѣ, которое насъ внизу жгло своими почти прямыми лучами. У подножія, на прибрежной низменной полосѣ двумя совершенно отдѣльными другъ отъ друга группами расположились скученныя строенія города Триполи. Прибрежная часть его Эль-Мина облѣплена правѣ небольшою мысью у самаго моря; за нею лѣвѣе широкою зеленою лентою потянулись знаменитыя сады триполійскіе, которые обогнувъ самый городъ съ запада и сѣвера, отважно потянулись затѣмъ къ ливанскому хребту по отлогому скату его подножія. И городъ и приморская часть его съ прилегающими къ нимъ садами, не смотря на занимаемое ими значительное пространство, благодаря сосѣдству великана, казались чѣмъ-то очень мизернымъ и ничтожнымъ.— Въ виду начавшагося волненія нашъ пароходъ бросилъ якорь вдали отъ берега и гавани. Это однако нисколько не измѣнило рѣшенія нашего (гимназистовъ и спутниковъ ихъ) по-

бывать на берегу, чтобы осмотрѣть имѣющіяся въ городѣ русскія школы, содержимыя на средства нашего православнаго Палестинскаго Общества.—Но предварительно нѣсколько словъ о Триполи. Триполи—главный городъ ливы или военной турецкой провинціи, раздѣленной на 4 дистрикта (округа), населеніе которыхъ составляютъ 55000 мусульманъ, 66000 анзаріанъ и 29000 православныхъ грековъ (всего 150000). Въ древности Триполи (Тарабулюсъ) представлялъ нѣчто въ родѣ факторіи трехъ союзныхъ городовъ: Тира, Сидона и Арада, которыя помѣщались въ трехъ кварталахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго стѣнами. Съ перваго времени занятія его арабами, промышленность и торговля его были въ цвѣтущемъ состояніи. Самый интересный періодъ исторіи Триполи относится къ крестовымъ походамъ. Графъ тулузскій Раймундъ-де-Санъ-Жиль построилъ на горѣ *Mons Pelegrinum* замокъ, сохранившійся отчасти и до настоящаго времени. Взятый Балдуиномъ II въ 1109 году, Триполи былъ сдѣланъ резиденціею графства, предоставленнаго Бертраму, сыну Раймунда. Антиохійскіе князья Богемонды, изгнанные изъ своихъ владѣній Сарацинами, за смертію князей тулузскаго дома, стали графами триполійскими. Выдержавшій послѣдовательно осады Саладина въ 1188 и Вибарса въ 1268, городъ взятъ въ 1289 году султаномъ Калауномъ, который вырѣзалъ въ немъ 7 тысячъ христіанъ. Во время Крестовыхъ походовъ Триполи былъ центромъ умственной и промышленной жизни сѣверной Сиріи; въ немъ считалось не менѣе 4000 становъ для тканія шелка; выдѣлывалось сукно изъ верблюжьей шерсти, откуда и происходитъ его названіе *камлотъ*; шелковыя матеріи, камлотъ и стеклянныя издѣлія составляли главныя статьи вывоза изъ этого графства. Несторіане и яковиты имѣли въ Триполи въ то время знаменитыя школы, въ которыхъ преподавались философія и медицина. Одинъ изъ ихъ славнѣйшихъ ученыхъ Раббинъ Якобъ въ числѣ своихъ учениковъ имѣлъ Абуль-Фираджа, извѣстнѣйшаго историка той эпохи. Въ настоящее время Триполи славится шелковыми издѣліями (шелковые шарфы, приготовляемые здѣсь, расходятся по всей Сиріи, Палестинѣ и вывозятся въ Константинополь) и апельсинами; по своему достоинству послѣдніе нисколько не уступаютъ яффекимъ. Здѣсь добывается также водолазами со дна моря значительное количество такъ называемыхъ грецкихъ губокъ, которыя растутъ на довольно значительной глубинѣ; жители съ малолѣтства приучаются къ этому ремеслу, а потому всѣ почти отличные пловцы.

Взяты были 2 лодки: въ одной помѣстились гимназисты, а въ другой (съ парусами)—мы съ ихъ спутниками. Едва лодка наша вышла изъ-за парохода въ область вѣтра, какъ ее такъ сильно стало накрывать въ подвѣтренную сторону, а набѣгавшія волны, ударяясь о бортъ, обливать водою, что по временамъ казалось, что лодку или зальетъ, или же опрокинетъ. Не знаю, какъ другіе, но я сильно трусилъ во все время переправы и въ душѣ скорбѣлъ, что рѣшился въ такую погоду ѣхать на берегъ. Опытные лодочники однако ловко управляли парусами и, когда нужно, перемѣщали балластъ.—Черезъ

1/2 часа мы были у пристани около таможни, откуда, руководимые возвращавшимся на родину сирійскимъ арабомъ, медикомъ А. Н. Халеби, бывшимъ въ нашей лодкѣ,—чрезъ базаръ, узенькими крайними переулками, среди низенькихъ (и то изрѣдка) домиковъ, направились къ помѣщенію, занимаемому начальницей русской школы и учительницами—землячками нашими. Въ одномъ изъ перекрестковъ намъ пришлось натолкнуться на уличную толпу, которая съ интересомъ глядѣла, какъ сѣрый Мишка, по приказу вожака—своего хозяина, продѣлывалъ разныя забавныя штуки. — „Тоже —землякъ“, шутить кто-то, указывая на медвѣдя и упуская изъ виду, что и въ Ливанскихъ горахъ, какъ и въ сѣверныхъ окраинахъ нашихъ, есть сѣрые медвѣди. Увидѣвъ насъ, толпа оставила медвѣдя и пошла за нами; къ ней по пути начали присоединяться другіе—взрослые даже. Къ счастью, мы были уже у дома, гдѣ помѣщаются учительницы русской школы, куда и вошли немедленно. Домъ этотъ—восточнаго типа, неособенно большой, 2-хъ-этажный: внизу, кромѣ кухни находятся 3 помѣщенія: для начальницы, одной русской учительницы и одной арабки (Халеби), питомицы Бейтджальскаго женскаго пансіона въ Палестинѣ, а вверху 2 комнаты для двухъ русскихъ учительницъ и неизбежная въ восточныхъ домахъ открытая терраса для вечерняго времяпрепровожденія. Познакомившись съ начальницей и ея очень юными помощницами, которыхъ одинокими забросила сюда судьба на великое и святое дѣло просвѣщенія мѣстнаго населенія въ духъ православной вѣры,—мы поднялись на террасу, откуда любовались городомъ и прилегающею къ нему мѣстностью. Городъ Эль-Мина не особенно великъ, съ незатѣливыми постройками, среди которыхъ замѣтно выдѣляются нѣсколько христіанскихъ храмовъ; на западѣ разстилается безбрежное море, а на востокъ высятся гигантскія горы; на одной изъ нихъ у самой вершины (почти подъ небомъ) гнѣздятся какія-то едва замѣтныя постройки, это греческіе монахи, любители безмолвія, поселились тамъ.—Посѣтили затѣмъ и самую школу, которая недалеко отсюда. День былъ воскресный, время послѣобѣденное, а потому въ школѣ никого изъ учащихся не было,—пришлось ограничиться осмотромъ классныхъ помѣщеній. Последнія занимаютъ 3 разнородныхъ сплошныхъ жилыхъ строенія съ 2 небольшими двориками; изъ строеній одно 2-хъ-этажное. Классныя комнаты, сравнительно, высокія, прилично меблированы, но не все помѣстительны. Начальница сообщила намъ отрадныя вѣсти. Школа ихъ хотя существуетъ только два года, однако пользуется большими симпатіями мѣстнаго общества (православнаго). Всѣхъ школьниковъ около 300 мальчиковъ и 400 дѣвочекъ, но желающихъ несравненно больше,—приходится отказывать за тѣсною помѣщеніемъ. Въ виду послѣдняго, городское общество подыскало поблизости очень хорошаго дома (грека уніата), который и предполагаетъ купить подъ школу.—На любезное предложеніе осмотрѣть этотъ послѣдній, мы отвѣчали полнымъ согласіемъ и скоро были во дворѣ зажиточнаго грека. Мощный, квадратный небольшой дворъ съ 3-хъ сторонъ окаймленъ высокими жилыми строеніями; посреди привѣтливо зеленѣетъ молодое лимонное деревцо съ плодами; рядомъ—темный стволъ винограднаго деревца, которое своими ползучими вѣтвями съ сочными гроздьями

болѣ чѣмъ на половину переплело рѣшетчатый покатый навѣсъ, давая во дворѣ тѣнь и прохладу. Въ центральномъ зданіи помѣщается просторный высокій залъ, а въ боковыхъ: направо—комнаты для семьи грека, а нальво—кухня и службы.—Дѣйствительно, хорошо сдѣласть городское общество, если къ имѣющимся зданіямъ школы прикупить еще и этотъ домъ.—Отсюда вмѣстѣ съ начальницей и учительницами, которыя замѣтно рады были намъ русскимъ, мы направилсь въ самый городъ Триполи, гдѣ также имѣется (мужское) училище, содержимое на средства нашего Палестинскаго Общества.—Эль-Мина отстоитъ отъ города на 2 версты, если небольшие, и соединяется съ нимъ конно-железной дорогой. Когда мы подошли къ станціи, вагонъ только что ушелъ и, чтобы не терять времени, мы поѣхали въ экипажахъ. Дорога, прекрасно шоссированная и обсаженная высокими акаціями, шла знаменитыми триполійскими садами, которыхъ, однако, за высокою густо поросшею изгородью совсѣмъ не было видно. Оживленія по пути не замѣчалось: изрѣдка попадались пѣшеходы, еще рѣже ѣхавшіе на мулахъ или ослахъ и тѣмъ болѣе въ экипажахъ, однажды встрѣтился вагонъ конно-железной дороги, переполненный пассажирами. Жилыхъ строеній тоже не видно: только ближе къ городу встрѣчаются одиночныя красивыя строенія.—Экипажи остановились въ предмѣстьи, откуда мы принуждены были идти пѣшкомъ по узкимъ улицамъ города. И здѣсь, какъ въ Эль-Минѣ, наша разнородная группа возбуждала всеобщее вниманіе и любопытство. По мѣрѣ движенія толпа около насъ росла больше и больше, такъ что когда, любопытствуя, зашли мы по пути въ обширный православный храмъ, то толпа эта заняла едва-ли не $\frac{1}{4}$ часть всего храма. Храмъ представлялъ древнюю базилику, увѣнчанную величественнымъ куполомъ. Обиліе свѣта, чистота, просторъ и благолѣпіе его пріятно поразили насъ. Въ то время, когда мы, осматривая, подходили къ царскимъ вратамъ, церковный сторожъ, въ порывѣ ли излишняго усердія и любезности, или же просто влѣдствіе халатнаго отношенія къ священнымъ предметамъ,—торопливо зашелъ впередъ, отодвинулъ церковную завѣсу и открылъ царскія врата, пріятно улыбаясь... Это было уже слишкомъ. Я осторожно отстранилъ сторожа и, не входя въ алтарь, закрылъ царскія врата.—Изъ храма южными дверями вышли мы во дворъ, гдѣ на проходныхъ каменныхъ столбахъ помѣщается зданіе училища. Здѣсь насъ любезно встрѣтилъ завѣдующій училищемъ очень молодой человекъ—арабъ, питомецъ русской учительской школы въ Назаретѣ. Онъ прекрасно говоритъ по-русски и знатокъ школьнаго дѣла (послѣднее, по отзывамъ нашихъ соотечественницъ). Классныя комнаты этого училища много лучше альминской школы; онѣ очень высокія, просторныя, свѣтлыя и хорошо меблированы. Въ пріемной (она же служитъ на половину и классомъ) все говорило, что училище это русское. По стѣнамъ висятъ портреты нашихъ Государя Императора и Государыни Императрицы и тутъ же въ золоченой рамкѣ съ русскимъ государственнымъ гербомъ вверху, слова гимна: „Боже, Царя храни“; только портретъ султана, помѣщенный по сосѣдству со св. иконой, свидѣтельствовалъ, что русское училище это находится въ турецкихъ владѣніяхъ. Завѣдывающій хвалилъ вниманіе и усердіе мѣстнаго

православнаго населенія (желающихъ учиться всегда много), хвалили ревность и усердіе и своихъ соработниковъ—арабовъ учителей (русскихъ учителей въ этомъ училищѣ нѣтъ). Распростившись съ завѣдующимъ, мы вышли на улицу, которая послѣ простора и чистоты во дворѣ храма показалась намъ еще грязнѣе и уже. —Времени до захода солнца оставалось достаточно и учительницы предложили намъ побывать около замка Раймунда и въ долину дервишей; отъ замка, по ихъ словамъ, хорошій видъ на море, а долина дервишей—своеобразно красива. Мы согласились и по отвратительной мостовой, поднимавшейся террасами, направилсь къ замку за городъ. Мрачно и неприступно, какъ и во времена крестоносцевъ, смотритъ замокъ Раймунда, царя надъ окружающею мѣстностію и существуя уже не для обороны или защиты города, а какъ мѣсто заключенія для уголовныхъ преступниковъ. Посмотрѣвъ съ тоскою въ сердцѣ (при мысли о переправѣ) на волновавшееся вдали море и качавшійся пароходъ нашъ, мимо стѣнъ замка чрезъ мусульманское кладбище спустились мы въ долину дервишей узкою обрывистою тропою. Дѣйствительно, есть что-то прелестное и своеобразно прелестное въ этой долинѣ. Въ глубинѣ ея среди густыхъ тростниковъ, лимонныхъ и фиговыхъ деревьевъ бурливо шумитъ горный потокъ; налѣво высится каменистая гора, покрытая масличными деревьями; направо по скату возвышенности (значительно ниже первой) растутъ прихотливо кактусы, фиги и какіе-то кустарники въ цвѣтахъ; впереди, ближе къ потоку, —монастырь дервишей, а за нимъ, въ глубинѣ долины, величаво смотрятъ вершины поднебесныхъ Ливанскихъ горъ. И сѣдя стѣны замка Раймунда, опирающіяся на отвѣсную скалу, кажутся съ этой стороны грознѣе и недоступнѣе. —По дорогѣ къ монастырю—безлюдье; встрѣтились только два юноши турка въ полосатыхъ халатахъ, да смуглая арабка съ водоносомъ на плечѣ пересѣкла путь, спускаясь къ потоку. Самый монастырь не произвелъ на насъ особаго впечатлѣнія своими некрасивыми старыми постройками; а полу-открытый свѣтлый павильонъ, расположенный противъ мечети, гдѣ пляшутъ дервиши, съ полудрежавшимъ неподвижно мусульманскимъ анахоретомъ, оказался для насъ недоступнымъ. Мы расположились на отдыхъ рядомъ съ этимъ павильономъ на открытой террасѣ. Услужливый привратникъ, а быть можетъ и дервишъ, принесъ нужное количество табуретовъ и предложилъ по чашкѣ кофе. Отблагодаривъ его и полюбовавшись апельсиннымъ деревцомъ съ рдѣвшими на немъ плодами, мы возвратились въ городъ, минуя узкую крутую тропу. На базарѣ освѣжили себя вкусными фруктами (персиками, абрикосами и т. под.), а на окраинѣ города удалось побывать въ одномъ изъ пресловутыхъ триполійскихъ садовъ. За непроницаемую живую изгородью мы увидѣли молодыя апельсиныя и лимонныя деревья, правильно посаженныя рядами на совершенно ровной площади; почва подъ ними и между нихъ до того увлажнена, что наши ноги вязли въ ней и мы вышли оттуда достаточно перепачканными. Среди садовъ течетъ многоводный горный потокъ, которымъ и пользуются садовладѣтели для орошенія, отводя въ сады воду каналчиками. —Смеркалось, когда мы усталые добрались окраинной

города до станціі конно-желѣзной дороги, и не найдя готоваго вагона, заняли стоявшій въ запасѣ. Намъ было 30 человекъ, вагонъ заняли полностью и потому особой задержки не было. Дождавшись только ветрѣчнаго вагона, насъ быстро повезли, да такъ быстро, что деревья и люди по пути буквально мелькали мимо насъ, „духъ, какъ говорится, захватывало“; а сидѣвшіе на заднихъ лавочкахъ нерѣдко справлялись съ недоумѣніемъ у переднихъ: на лошадяхъ ли ѣдемъ? Но ѣхали на лошадяхъ. На полпути сдѣлали небольшую остановку и снова понеслись прежнимъ быстрымъ галопомъ. Совѣтъ стало темно, когда мы подъѣхали къ пристани. Учительницы звали было къ себѣ на чай и закуску, но мы отказались, — хотѣлось скорѣе добраться до парохода; тогда онѣ вызвались проводить насъ и, простившись съ начальницей, мы немедленно поплыли. Учительницы помѣстились въ нашей лодкѣ. Море волновалось по прежнему, лодку постоянно качало и накренило къ водѣ, пароходъ былъ далеко. Чтобы нѣсколько подбодрить себя, наша молодежь вздумала пѣть и пѣть—грустно сказать, свѣтскія пѣсни. И вотъ, среди шума волнъ и вѣтра, скрипа мачты и весельска воды послышалось solo: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“, молодые голоса дружно подхватили и пѣснь громко понеслась надъ поверхностію моря въ сумракѣ ночи. Но не успѣли еще голоса дотянуть послѣдней высокой ноты перваго куплета, какъ налетѣвшимъ шкваломъ такъ сильно накренило лодку, что пѣвцы отчаянно вскрикнули. Тоже случилось и при окончаніи втораго куплета. Невыразимо грустно и тяжело было на душѣ у меня, слушая подобное пѣніе. Я мысленно давалъ себѣ слово всередь быть осмотрительно въ выборѣ компаніи при създахъ на берегъ и молилъ Бога о благополучной переправѣ. Съ громкимъ пѣніемъ подлетѣли мы къ пароходу. — «Ватюшка, какъ мы о васъ беспокоились!.. Мы уже думали, что вы не пріѣдете!» Такими сердечными словами привѣтствовали меня на палубѣ, ветрѣчая, паломники и паломницы. Я отъ души благодарилъ ихъ; однако, громкая пѣснь, съ которою мы ѣхали и подъѣхали къ пароходу, не выходила изъ ума, отравляя эти сердечныя привѣтствія. Досадуя на себя, прошелъ я немедленно въ каюту, рѣшившись не выходить изъ нея до утра.—Въ 10 часовъ вечера нашъ пароходъ снялся съ якоря и направился по волновавшемуся морю къ Бейруту.

14 іюня. Волненіе и качка продолжались всю ночь. Качка была килевая и всякій разъ, какъ погружалась въ воду кормовая часть парохода, у меня почему-то замирало сердце и появлялся страхъ; думать послѣ того о снѣ, само собою немыслимо, неприходило. Только къ утру забылся я немного и не слыхалъ, какъ вошли въ гавань Бейрута. —Одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Сиріи — Бейрутъ (древній Беритъ Финикіи) живописно раскинулся по побережью моря. Высокіе дома съ плоскими крышами, постепенно понижаясь, спускались амфитеатромъ почти къ самой водѣ; надъ ними выдѣляется нѣсколько христіанскихъ храмовъ, а лѣвѣе, тотчасъ же за городомъ, раскинулись роскошныя сады, за которыми величаво висится исполинскій хребетъ Ливана „съ діадемою снѣговъ“ на царственныхъ вершинахъ. Пиніи и кедры одѣли его подножіе и какъ передовая рать лѣс-

ныхъ полчищъ спустились, надвигаясь къ самому взморью.. Не успѣлъ я рассмотреть, какъ слѣдуетъ, городъ и прилегающую къ нему мѣстность, какъ сообщили, что бейрутскій консулъ прислалъ за гимназистами каваса, который и торопить отъѣздомъ на берегъ. Кавасъ этотъ, плохо говорившій и понимавшій по русски, своими рѣчами приводилъ въ большое затрудненіе Н. К. (руководителя гимназистовъ). По его словамъ, онъ, кавасъ, присланъ за „студентамъ“ (но такъ, — студентами, — могъ назвать консулъ и гимназистовъ), настаивалъ, чтобы „студенты“ непременно шли къ консулу (зачѣмъ это гимназистамъ то идти? иное дѣло ему, руководителю ихъ) и упоминалъ о чаѣ (не то просилъ чаю собѣ, не то приглашалъ на чай!). Подумали, подумали и въ концѣ концовъ рѣшили—всѣмъ идти къ консулу.— Поднявшись съ пристани среди высокихъ скученныхъ строеній (отелей, магазиновъ) въ гору, мы вступили въ новый Бейрутъ, который, на меня по крайней мѣрѣ, произвелъ самое прекрасное впечатлѣніе. Улицы здѣсь широкія и прекрасно шоссепро-ванныя; дома полуевропейской и полуазиатской архитектуры красивые и чистенькіе; съ террасъ ихъ и изъ-за стѣнъ дворовъ тутъ и тамъ привѣтливо смотрятъ бананы, финиковыя пальмы и другія тропическія растенія, и къ тому же—ни одной собаки и ничего неряшливаго или грязноватаго.—Черезъ 20—30 минутъ мы входили уже въ роскошное зданіе русскаго консульства, живописно расположеннаго среди цвѣтниковъ и зелени разнообразныхъ деревьевъ. Здѣсь (въ помещеніи канцеляріи, кажется) запросто, но радушно встрѣтилъ насъ самъ г. консулъ, изъ вѣтхительныхъ рѣчей котораго мы и уразумѣли истинный смыслъ и значеніе мало понятныхъ словъ и поступковъ посланнаго имъ на пароходъ каваса.—Его, консула,—говорилъ онъ, —давно письмомъ изъ Россіи просили оказать содѣйствіе одному изъ русскихъ студентовъ, командированному на Востокъ для изученія восточныхъ языковъ. Этого то студента онъ и посылалъ встрѣтить на пароходъ; но кавасъ, оказывается, не совсѣмъ понялъ свою миссію и привелъ къ нему насъ. Это послѣднее, однако, не должно смущать насъ, такъ какъ онъ, консулъ, очень радъ случившейся ошибкѣ, которая даетъ ему возможность видѣть у себя своихъ соотечественниковъ. Говорили затѣмъ о разныхъ матеріяхъ. Консулъ, между прочимъ, сообщилъ о положеніи православія на востокѣ, объ отношеніи къ православнымъ арабамъ и русскимъ грековъ и о своей собственной миссіи въ этихъ краяхъ. Съ большой похвалою отзывался онъ о г-жѣ Черкасовой (нашей соотечественницѣ), которая самоотверженно и съ успѣхомъ ведетъ здѣсь (въ Бейрутѣ) русское школьное дѣло, совѣтовалъ непременно посѣтить какое либо изъ подвѣдомыхъ ей учебныхъ заведеній (ихъ въ Бейрутѣ 5) и лучше всего то (съ курсомъ нашихъ гимназій), гдѣ она сама живетъ; мнѣ же, какъ духовному лицу, онъ предлагалъ побывать у престарѣлаго митрополита Гавриіла, мужа мудраго, любвеобильнаго и святой жизни, который къ тому же хорошо знаетъ русскій языкъ.—Предложивъ затѣмъ чаю въ бесѣдкѣ у фонтана, онъ предоставилъ насъ своему секретарю, очень любезному и обязательному молодому человѣку, а самъ отправился писать письма митрополиту и г-жѣ Черкасовой, съ предупрежденіемъ, что мы

имѣемъ посѣтить ихъ. Послѣ чаю осматривали цвѣтники и растительность, поднимались затѣмъ на террасу, откуда любовались городомъ и видомъ на море и горы, заходили и въ апартаменты самага консула (залъ), которые поразили насъ своимъ богатствомъ и изысканностію убранства... Письма, между тѣмъ, были заготовлены и отправлены по назначенію и, распростившись съ гостепріимнымъ и радушнымъ консуломъ, мы направились къ училищу г-жи Черкасовой, которое находится на окраинѣ города. — Окраины Бейрута ничѣмъ почти не разнятся отъ окраинъ другихъ восточныхъ городовъ, видѣнныхъ нами. Тѣ же небольшіе бѣдные дома, узкіе переулки; ветуфчаются нерѣдко и развалины, поросшія кактусами, которые нерѣдко здѣсь служатъ и живою изгородью, отдѣляя одинъ садикъ отъ другаго. Училище г-жи Черкасовой находится, однако, въ сосѣдствѣ съ красивыми домами, расположенными среди богатой тропической растительности, и помѣщается въ большомъ 2-хъ-этажномъ зданіи. Били звонокъ на переѣзду, когда мы вошли въ училищный дворъ; къ намъ вышла учительница арабка и узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, поспѣшила доложить начальницѣ. Между тѣмъ, во дворъ группами стали выходить очень прилично и по формѣ (на подобіе гимназической) одѣтыя воспитанницы; подходи къ намъ, онѣ скромно кланялись и привѣтствовали русскимъ: „здравствуйте“. Такъ какъ переѣздна была большая, то насъ и попросили подняться пока наверхъ, гдѣ живетъ начальница и ея помощница, кажется. Здѣсь, въ просторномъ прекрасно меблированномъ залѣ, старшая учительница извинилась за свою начальницу, которая за нездоровьемъ не можетъ выйти къ намъ (начальница недомогала послѣ сдѣланной ей операціи); объяснила, что въ заведеніи ихъ 7 классовъ, учатъ наставницы арабки, но русскій языкъ изучается съ перваго (низшаго) класса. Желающихъ учиться у нихъ очень много; нужно бы имѣть болѣе удобное собственное зданіе, а не наемное, какое у нихъ въ настоящее время; но городъ не отводитъ мѣста, а у православнаго населенія не находится средствъ на пріобрѣтеніе его... Послышавъ звонокъ; многіе изъ насъ вышли на террасу посмотреть, какъ будутъ собираться воспитанницы. Порядокъ и чинность, съ которыми совершался послѣдними входъ со двора въ зданіе училища, просто поразили насъ: дѣвочки построились передъ входною дверью попарно, образовавъ длинную изогнутую линію, и затѣмъ, не торопясь и не толкаясь, по одной парѣ входили въ корридоръ. Спустились затѣмъ и мы внизъ и посѣтили всѣ классы, начиная съ младшаго. Въ младшемъ (1-мъ) классѣ сидѣли „малютки“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова; одной оказывалось не больше трехъ лѣтъ ¹⁾. При нашемъ входѣ онѣ чинно встали и привѣтствовали по русски (довольно правильно) „здравствуйте“. Мы попросили учительницу продолжить свои занятія (урокъ былъ по русскому языку) и та съ нѣкоторымъ смущеніемъ, однако умѣло, повела чтеніе русской грамоты по звуковому способу, который она,

¹⁾ На вопросъ, какъ попала въ школу эта послѣдняя, намъ отвѣтили, что арабки матери мало или вовсе перестаютъ заботиться о своихъ дѣтяхъ, оставляютъ ихъ безъ всякаго призора, какъ скоро они выучиваются ходить, и дѣти рады очень бывать, когда ихъ привѣчаютъ въ школѣ усердно посѣщаютъ ее.

да и водившая насъ учительница, называли почему-то новымъ способомъ; дѣти могли разбирать крупную русскую грамоту. Въ слѣдующемъ, 2-мъ классѣ дѣвочки свободно уже читали по-русски и немного говорили, а въ слѣдующемъ — очень хорошо говорили и бѣгло, осмысленно читали и передавали прочитанное. Въ 5 классѣ, кажется, далъ я одной дѣвочкѣ такое предложеніе: „въ классѣ вошли гости“, и спросилъ, гдѣ подлежащее и сказуемое въ этомъ предложеніи; та правильно сказала то и другое безъ всякаго затрудненія. Знанія по Закону Божію — очень хорошия, а нѣкоторыми — даже превосходныя. Во всѣхъ классахъ, по нашей просьбѣ, дѣвочки пѣли какую-либо молитву (молитвы изучаются на славянскомъ языкѣ) и кромѣ того „Боже, царя храни“ и „Коль славенъ“, а въ 6-мъ и 7-мъ слѣли что-то по-арабски. Слыша отвѣты и пѣніе, мы не мало удивлялись успѣху ученицъ и отъ души радовались такой хорошей постановкѣ здѣсь русскаго языка, прося мысленно Господа Бога помочь г-жѣ Черкасовой въ ея святомъ дѣлѣ укорененія завѣтовъ православной вѣры среди мѣстнаго арабскаго населенія и любви его къ единовѣрной ему Россіи. И питомицы г-жи Черкасовой, безъ сомнѣнія, любятъ свою начальницу, а чрезъ нее и Россію. Это отчасти сказалось вотъ какимъ образомъ. Когда въ 7 классѣ, окончивъ испытанія, кто-то изъ насъ неожиданно спросилъ: кто изъ присутствующихъ (оканчивающихъ курсъ) желаетъ ѣхать въ Россію въ учительницы (изъ этого училища выходятъ школьныя наставницы)? то желающими оказались всѣ, — всѣ встали съ своихъ мѣстъ. — Поблагодаривъ сопровождающую насъ учительницу и попросивъ ее передать признательность начальницѣ, мы съ самымъ добрымъ расположеніемъ сердца оставили училище. Четверо изъ насъ послѣ того изъявили желаніе посѣтить митрополита Гавріила, а остальные съ медикомъ Халеби пошли дѣлать покупки. Въ центрѣ города за сходную цѣну мы наняли прекрасный 4-хъ мѣстный экипажъ и быстро докатили до резиденціи митрополита. Здѣсь, замѣтно, насъ ждали. У крыльца встрѣтилъ насъ іеромонахъ, который и ввелъ въ пріемную, довольно просторную, съ простой мебелировкой, свѣтлую комнату. Его Высокопреосвященство не заставилъ себя ждать. Запросто, въ рясѣ безъ клобука и пананіи вышелъ онъ къ намъ немедленно, преподаль благословеніе каждому и просилъ садиться ближе къ нему. Мы кратко сообщили ему, кто мы и зачѣмъ обезпокоили его. Тотъ, въ свою очередь, сказалъ, что о насъ писалъ ему нашъ консулъ, котораго онъ очень уважаетъ; говорилъ затѣмъ съ особою похвалою о русскихъ и Россіи, сообщилъ, между прочимъ, что хлопочетъ о помѣщеніи въ одну изъ нашихъ академій кого то изъ своихъ питомцевъ — семинаристовъ (митрополитъ велъ рѣчь ломанымъ русскимъ языкомъ, въ чемъ постоянно извинялся). — Во время бесѣды насъ, по восточному обычаю, угостили прекраснымъ вареньемъ съ водою и предложили по чашкѣ кофе. Принявъ благословеніе, мы откланялись Его Высокопреосвященству. Я послѣ того предлагалъ было спутникамъ осмотрѣть духовную семинарію, которая помѣщается тутъ же около митрополичьихъ покоевъ, но тѣ не согласились, торопились на пароходъ (было уже около часа дня — время обѣда гимназистовъ); просилъ было захватить въ древній православный соборъ, и на это не согласились. И

пришлось покориться необходимости. На пристани, оказалось, давно таки ждали насъ гимназисты, и купивъ наскоро самое необходимое, мы поплыли къ пароходу. Безсонная ночь сказалась. Добравшись до каюты, я крѣпко уснулъ. Въ это время, по разсказамъ паломниковъ, на французскомъ пароходѣ въ Бейрутъ прибылъ православный патріархъ, кажется, антиохійскій, и встрѣченъ былъ духовенствомъ и населеніемъ съ подобающими почестями. Зрѣлище, говорятъ, было умилительное.—Въ 4 часа дня мы снялись съ якоря, вышли изъ тихой пристани Бейрута и по продолжавшему волноваться морю направились къ Яфѣ. Качка была попрежнему килевая, только теперь она почему-то неблагоприятно стала отзываться на моемъ организмѣ: въ груди ощущалась какая-то тяжесть, чувствовалось расслабленіе. Благодареніе Господу, что качка появилась въ концѣ путешествія, а не въ началѣ его! Завтра утромъ будемъ въ Яфѣ и тогда, быть можетъ, конецъ и морю и качкѣ.

15 іюня. Ночью спалъ хорошо, не смотря на волненіе и качку, а потому и не видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ паломниковъ, ни маяковъ Саиды и Сура — древнихъ Тира и Сидона, предѣлы которыхъ нѣкогда освящены стопами Спасителя міра, ищѣлившаго здѣсь бѣсноватую дочь жены хананейки, — ни маячнаго огня на горѣ Кармилѣ, гдѣ нѣкогда пророкъ Ілія посрамилъ жрецовъ Ваала. Около 3 час. ночи меня однако разбудилъ соседъ по каютѣ, начавшій сильно страдать морскою болѣзнію. По его просьбѣ два раза поднимался я на палубу, отыскивая его знакомаго доктора, но безъ успѣха. Уснуть снова послѣ того уже не пришлось... — Вслѣдствіе большого волненія пароходъ нашъ запаздывалъ приходомъ въ Яфѣ, и вмѣсто 5 мы были у Яфѣ только около 8 ч. утра. — „Врата Палестины“ — Яфѣ красиво обсыпала своими скученными бѣлыми постройками конусообразный холмъ у самаго моря. Постройки эти съ плоскими и куполообразными крышами картинно спускаются къ морю; правѣе — песчаный обнаженный берегъ съ менѣе приглядными постройками, лѣвѣе — зеленые сады, среди которыхъ вдали явственно выдѣляется русская церковь съ высокою колокольнею. Городъ привѣтливо глядѣлъ на насъ съ берега, но не привѣтливо и угрожающе глядѣло взморье. Въ полтора саженяхъ отъ пристани зловѣще застыли черные истощенные моремъ камни (остатки древняго мола), едва выдѣляясь надъ его поверхностью. Какъ пасть исполинскаго чудовища разверзлось надъ ними море и бѣшено мчало здѣсь гигантскія волны, съ ревомъ и грохотомъ перебрасывая ихъ чрезъ предательскія шхеры. Ослабѣвая волны эти шли далѣе къ высокой гранитной пристани города, ударяясь о которую, ползли лѣвѣе вдоль нея и встрѣтивъ выступъ стѣны, въ безсильной злобѣ змѣею высоко взвивались вверхъ. — Съ великимъ безпокойствомъ смотрѣли мы на волновавшееся и бушевавшее у береговъ море. Не то собственно безпокойло насъ, какъ будемъ переправляться, а больше всего — *будемъ-ли* — и это потому, что во время сильнаго волненія пароходы обыкновенно не останавливаются на яфѣскомъ рейдѣ, а провозятъ пассажировъ далѣе въ Портъ-Саидъ или Бейрутъ, смотря потому, въ какомъ направленіи

лдутъ они, — и тамъ пассажирамъ приходится ожидать слѣдующаго очереднаго парохода, чтобы возвратиться снова въ Яффу...

Пароходъ бросилъ якорь на значительномъ разстояніи отъ берега; шлюпка съ помощникомъ капитана и матросами, ныряя по волнамъ, направилась за дозволеніемъ къ пристани, далеко объѣзжая непривѣтливныя шхеры. Вѣтеръ продолжалъ завывать, снасти скрипѣли, пароходъ равномерно покачивало, что производило неприятное дѣйствіе на пассажировъ. Скорѣе бы на берегъ! невольно проносилось въ мысляхъ cadaго, смотря на непривѣтливое, бушевавшее море. И какъ бы въ отвѣтъ на это общее всѣхъ желаніе, среди пѣнящихся шхеръ показалась одна, другая, третья лодка. То безстрашные арабы, перегоня другъ друга и сокращая путь, неслись къ нашему пароходу. Скоро ихъ юркія, подвижныя фигуры были уже на палубѣ и, громко лопоча, бѣгали изъ конца въ конецъ, назойливо предлагая всѣмъ и каждому садиться въ лодку; нѣкоторымъ удалось даже, обманувъ бдительность прислуги, проникнуть во 2-й классъ, хотя оттуда и пришлось немедленно уйти съ позоромъ. Изъ паломниковъ однако никто не торопился принимать ихъ предложенія— всѣ ожидали проводника (каваса) Палестинскаго Общества. Послѣдній не замедлил явиться.— Въ національномъ черногорскомъ костюмѣ и черногорецъ по происхожденію, кавасъ Палестинскаго Общества рѣзко выдѣлялся изъ среды прибывшихъ и своею осанкою и дѣловитостію. Онъ распорядился, чтобы гимназистамъ и ихъ спутникамъ предоставлена была особая лодка (въ родѣ баркаса), которую и постарался отправить прежде другихъ. Немедленно же началась нагрузка нашего багажа въ средину лодки и посадка насъ самихъ. Катившимися одна за другой волнами лодку эту то поднимало вверхъ, приближало къ траппу парохода, то опускало внизъ, отдаляло отъ него аршина на 2 или 1½. Лодочники искусно пользовались моментомъ: когда лодку приближало, стоявшій на траппѣ быстро бралъ подъ руки подходившаго пассажира и передавалъ его моментально находившемуся въ лодкѣ, тотъ ловко подхватывалъ и опускалъ на средину, откуда уже вновь прибывшій самъ долженъ былъ торопливо отходить къ кормѣ, уступая мѣсто другому. Очутившись, подобно другимъ, на срединѣ лодки я не могъ, однако, скоро подняться, такъ какъ одна нога угодила подъ чей-то тяжеловѣсный чемоданъ, а другая застряла между сидѣньемъ и весломъ. Хотѣлъ было сказать объ этомъ лодочнику и просить его помощи, а онъ, смотрю, чуть да не на меня сажаетъ другаго, вновь прибывшаго. Это, вѣроятно, придало силы и умѣнья и я скоро оказался среди сидѣвшихъ. Съѣлъ наконецъ и кавасъ Палестинскаго общества, и перекрестившись мы направились къ городской пристани, огибая пѣнившіяся шхеры на почтительномъ разстояніи. Волненіе оказывалось въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ какимъ оно казалось съ парохода. Волны грядями высоко вздымались вверхъ, образуя глубокія пучины, и когда лодка наша опускалась въ эти послѣднія, то не видно было ни города съ пристанью, ни парохода, стоявшаго на якорѣ, одна вода и небо. Не смотря на это однако, отъ того ли, что волны плавно катили одна за другой и мы плыли въ направленіи ихъ движенія, отчего онъ и не за-

ливали въ палу лодку, или же отъ радостнаго сознанія, что мы у цѣли своего путешествія, только вздымавшіяся волны съ ихъ пучинами совсѣмъ не пугали насъ и мы не испытывали того страха, какой пришлось испытывать при създѣ на берегъ въ Триполи, хотя, оговорюсь, волненіе тогда было сравнительно меньше настоящаго.— На пути лодочники отобрали у насъ контромарки; просили было и бакшинъ, но кавасъ пригрозилъ имъ палкой и они скоро отстали... Вотъ мы и у гранитной узкой пристани (не шире 4—5 аршинъ), упирающейся въ высокую неприступную стѣну города, радостно ступаемъ торопливо на берегъ, мысленно благодаря Господа Бога, что помогъ благополучно доплыть до твердой земли, преддверія Палестины и безъ всякаго ропота, тѣсясь у стѣны, по совѣту каваса, задерживаемся здѣсь, наблюдая за багажемъ, пока его носильщики арабы несятъ въ таможню, а оттуда къ зданію агентства. Одинъ за другимъ подходятъ къ намъ эти смуглые люди и принявъ на спину 5—6 чемодановъ или корзинъ, согнувшись идутъ обратно. Приходилось только удивляться силѣ ихъ мускуловъ, наблюдая, какъ они довольно свободно носятъ очень тяжелыя вещи.— Благодаря старанію драгомана русскаго вицеконсулства, нашъ багажъ почти не осматривали въ таможи и мы безъ всякихъ задержекъ вступили черезъ нее внутрь города. Мы—въ Яфѣ.— Яфѣ—библейская Юппія—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Плиній и другіе писатели увѣряютъ, что Яфѣ существовала еще до всемірнаго потопа и что будто бы возлѣ нея былъ построенъ ковчегъ, въ которомъ Ной спасся съ своимъ семействомъ отъ всемірнаго потопа. Во всякомъ случаѣ сохранилась до нынѣ рукопись, которой не менѣе 3400 лѣтъ, въ которой одинъ египтянинъ описываетъ, какъ онъ посѣтилъ Яфѣ и восхищался окружающими ее садами.—Находясь не особенно далеко отъ Иерусалима (60 верстъ), Яфѣ всегда была его приморскимъ городомъ. Сюда сплавлялись ливанскіе кедры и другія деревья для сооруженія обоихъ храмовъ Иерусалимскихъ—Соломонова и Зарававелева. Въ Яфѣ сълъ на корабль пророкъ Іона, напрасно пытаясь убѣжать отъ лица Божія, повелѣвшаго ему идти въ городъ Ниневію, чтобы призвать живущихъ въ немъ къ покаянію. Въ первые годы евангельской проповѣди, Яфѣ ознаменована была двумя важными событіями изъ священной исторіи: здѣсь апостоль Петръ воскресилъ благосердную Тавноу (Дѣян. IX, 36—42) и потомъ, проживая въ домѣ Симона кожевника, имѣлъ видѣніе сходящей съ неба плащаницы со всякими животными и садами, знаменовавшей обращеніе къ христіанство не только іудеевъ, но и язычниковъ, такъ какъ Господь приходилъ на землю спасти всѣхъ людей (— X, 10—16). Потомъ Яфѣ была нѣсколько разъ разрушена римлянами, а со временъ Константина Великаго имѣла уже своего епископа. Во времена крестовыхъ походовъ Яфѣ была взята приступомъ крестоносцами въ 1099 г., а въ 1268 г. она была отнята у крестоносцевъ Пипарсомъ, нагрянувшимъ изъ Египта, при чемъ все, что было цѣннаго и годнаго для построекъ, вывезено въ Каиръ для украшенія строившихся тамъ въ то время мечетей... Въ 1799 году Наполеонъ I взялъ Яфѣ приступомъ и она была отдана солдатамъ на разграбленіе. Наполеонъ навсегда здѣсь омрачилъ свое имя, прика-

завъ разстрѣлять до 4000 плѣнныхъ Албанцевъ. — Въ настоящемъ своемъ видѣ Яффа существуетъ, однако, не болѣе 150 лѣтъ. Городъ окруженъ солидною стѣною; внутри грязенъ и бѣденъ. Жителей считается не болѣе 10000, при чемъ христіанъ разныхъ исповѣданій около 2000, евреевъ 1000, остальные — мусульмане. Предметы вывоза: пшеница, масло, хлопокъ, шерсть и главное — апельсины и лимоны ¹⁾. — Агентство русскаго Общества пароходства и торговли находится всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ таможни. Когда мы подошли къ нему, у входа было уже не мало паломниковъ и почти весь багажъ, сложенный въ кучу. Въ виду крайней усталости, мнѣ крайне хотѣлось отдохнуть, немного посидѣть, но сѣсть у входа было не на чемъ. Поднялся наверхъ, въ помѣщеніе агентства, и тамъ неудача. Агентство занимаетъ не особенно просторное и, кстати замѣчу, представительное помѣщеніе: невысокія комнаты, темноватый узкій корридоръ; кромѣ почтоваго отдѣленія и конторы, есть и двѣ очень небольшихъ комнаты для привелигированныхъ посѣтителей, но все, на чемъ можно было сидѣть, когда я вошелъ, было уже занято гимназистами, писавшими письма роднымъ, и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторымъ (немногимъ, правда) приходилось стоять въ ожиданіи очереди. И пока нашъ казасъ по паломническимъ книжкамъ нашимъ беретъ желѣзнодорожныя билеты до Іерусалима и обратно, я лѣниво брожу по корридору, сокрушаясь о томъ, что ни въ агентствѣ, ни по близости къ нему нѣтъ просторнаго русскаго помѣщенія, гдѣ бы усталые, истомленные долгимъ морскимъ путешествіемъ, паломники въ ожиданіи отхода поѣзда, могли отдохнуть 3—4 часа вмѣсто того, чтобы толпиться на улицѣ или же подобно мнѣ бродить по корридору. Правда, есть въ Яффѣ и русскія постройки съ церковію на томъ мѣстѣ, гдѣ св. апостолъ Петръ воскресилъ Тавиоу, но онѣ за городомъ и идти туда — значить рисковать не попасть на поѣздъ, а нанять на 3—4 часа за дорогую цѣну помѣщеніе въ одной изъ гостинницъ, которыя, безъ сомнѣнія, здѣсь имѣются, не всякій въ состояніи. — Спустился на улицу къ паломникамъ; тамъ уже выучили нашимъ багажемъ верблюдовъ и отправляли на вокзалъ. Высокое неуклюжее животное неохотно, съ ревомъ ложилось на землю по приказу хозяина, и принявъ багажъ, снова поднималось и колыхаясь, медленными шагами направлялось къ базару, задѣвая по пути громоздкою ношею своею разныя рогажи и тряпье, которыми защищена была сверху улица отъ палящихъ лучей солнца. Кто-то сообщилъ, что почта разобрана и я поднялся наверхъ снова. Среди гимназистовъ замѣчалось оживленіе: изъ рукъ въ руки переходилъ у нихъ только что полученный № „Казанскаго Вѣстника“, гдѣ, между прочимъ, имѣлась телеграмма, сообщающая объ ихъ путешествіи за границей. Телеграмма была очень коротенькая и зауряднаго содержанія; но она не могла не заинтересовать юныхъ путешественниковъ, желавшихъ знать, что о нихъ пишутъ въ Россіи. Кто однако писалъ? Н. К. сказалъ, что онъ; и тутъ же добавилъ, что имъ изъ Яффы сейчасъ только послана въ

¹⁾ А. Кошчевъ, Воспоминаніе о поѣздкѣ въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ въ 1887 г. Спб. 1888 г. стр. 86—87.

ту же газету телеграмма слѣдующаго содержанія: „15 іюля 1899 года закончился первый крестовый походъ: въ этотъ день, овладѣвъ Іерусалимомъ, крестоносцы вступили во Св. Градъ. Ровно за мѣсяць до наступленія 800-лѣтней годовщины этого событія 15 іюня 1899 года достигли своей цѣли участники перваго паломничества русскихъ гимназистовъ. Всѣ здоровы, шлютъ привѣтъ роднымъ и знакомымъ“. Присутствующіе въ восторгѣ были отъ этой телеграммы; всѣмъ, замѣтно, понравилось смѣлое сопоставленіе паломничества ихъ съ громкимъ историческимъ событіемъ, и только двое или трое, слушая телеграмму, недоумѣвающе переглянулись между собою и пожали плечами. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между первымъ крестовымъ походомъ западно-европейскихъ христіанъ для освобожденія Гроба Господня и Іерусалима отъ мусульманъ и экекурсіей 15 гимназистовъ, ѣхавшихъ на поклоненіе, хотя и туда же, т. е. ко Гробу Господню?! Да и самый день пріѣзда нашего на тѣлый мѣсяць не совпадалъ съ 800-лѣтней годовщиной вступленія крестоносцевъ въ Іерусалимъ!..— Часовъ въ 12 дня мы покинули агентство и предводимые кавасомъ, небольшой партіей (гимназисты и ихъ спутники) направились за городъ въ гостиницу (вѣрнѣе, ресторанъ) барона Устинова (не русскій ли?), гдѣ заказанъ былъ обѣдъ. Грязноватымъ базаромъ и затѣмъ садами, изнывая отъ жары и усталости, дотопчили мы до красиваго, въ восточномъ стилѣ, зданія гостиницы съ роскошнымъ садомъ изъ тропическихъ растений. Въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ послѣдняго мы не мало любовались ручными попугаями (штукъ 5 или 6) разныхъ цвѣтовъ, неподвижно сидѣвшими на металлическихъ кольцахъ, и небольшими обезьянами, изъ породы марышекъ, которыя презабавно гримасничали и кривлялись, бѣгая по деревьямъ, на сколько то позволяли имъ длинныя цѣпочки, которыми онѣ были привязаны; затѣмъ, по предложенію хозяина гостиницы, осматривали его небольшой музей мѣстныхъ древностей, который, меня по крайней мѣрѣ, мало заинтересовалъ, и послѣ того обѣдали — всѣ сотоварищи обильно, а мы (человѣка 3) едва добыли по одной соленой рыбкѣ, за что однако пришлось заплатить по 50 коп.— Поѣздъ былъ уже поданъ, когда мы подошли къ вокзалу.— Іерусалимо-Яффекая желѣзная дорога выстроена очень недавно французско-латинскимъ частнымъ обществомъ и открыта для движенія 12 сентября 1892 года. Дорога, говорятъ, выстроена дурно; подвижной составъ съ купленъ у обанкротившейся панамской желѣзной дороги... и все здѣсь своеобразно. Вокзалъ очень небольшой; желѣзнодорожныхъ строеній кругомъ не видно и поѣздъ небольшой; одинъ вагонъ 1-го класса и два—2-го (3 класса совсѣмъ нѣтъ). Вагоны 2 класса неудобны и тѣсны; сидѣнья идутъ вдоль стѣны и одно только продольное по серединѣ (какъ въ нашихъ вагонахъ 4-го класса); проходъ между ними настолько тѣсенъ, что колѣни сидящихъ vis-à-vis плотно примыкаютъ одинъ къ другому.— Наша партія заняла цѣлое отдѣленіе; кондукторъ осмотрѣлъ билеты и по его свистку безъ всякихъ звонковъ поѣздъ направился къ Іерусалиму, оглябая съ сѣвера и отчасти пересѣкая Яффекіе сады. Видны виноградники, фиговые, померанцевыя, апельсиныя и лимонныя деревья, надъ которыми тутъ и тамъ высятся, парятъ одинокія финиковыя паль-

мы. Сады эти скоро кончились и взору открылась обширная неособенно гладкая равнина съ высокимъ хребтомъ іудейскихъ горъ въ туманной дали на востокъ. Хлѣбъ съ поля уже убранъ и однообразный видъ обнаженной равнины изрѣдка лишь разнообразился то небольшимъ стадомъ пасущихся козь или овецъ, то караванами верблюдовъ съ тяжестями или безъ нихъ. Поѣздъ поныхивая идетъ неособенно быстро; желѣзнодорожныхъ сторожекъ и сторожей по пути не видно совсѣмъ, переѣзды безъ барьеровъ и самый путь между рельсъ поросъ травой, поблекшей отъ солнца. Вотъ справа на склонѣ невысокаго холмика—небольшая арабская деревушка (поселокъ), людскія жилища которой скорѣе похожи на хлѣва животныхъ, чѣмъ на дома, и поровнявшись съ нею, мы вступаемъ въ сплошные сады изъ масличныхъ деревьевъ. Масличное дерево это по наружному виду тоже, что наша развѣсистая лоза: такой же стволъ, такія же листья, немного развѣ мелче. Сады отдѣлены одинъ отъ другаго живою изгородью изъ невысокихъ кактусовъ, которые переплетшись между собою представляютъ непроницаемо-плотную стѣну и не для четвероногихъ только животныхъ, но и для птицъ. Поѣздъ скоро останавливается: станція Лидда.— Лидда— въ настоящее время небольшое мѣстечко, но нѣкогда была значительнымъ городомъ. Здѣсь, проповѣдуя Христово ученіе, св. апостоль Петръ чудесно исцѣлилъ разслабленнаго Энея, 7 лѣтъ лежавшаго на одрѣ, и всѣ живущіе въ этомъ городѣ и сосѣднемъ Ассаронѣ, вида чудо, обратились ко Христу (Дѣян. IX, 32—35); здѣсь родился и погребенъ св. великомуч. Георгій Побѣдоносецъ, котораго чтутъ въ этихъ мѣстахъ, да и вообще на востокѣ, не только христіане, но и мусульмане.—Со станціи изъ за садовъ Лидды однако невидно. Зданіе станціи миниатюрное и одиноко-сиротливое; пассажировъ нѣтъ и публику составляетъ смуглый арабъ въ балахонѣ да дѣвочка подростокъ, вѣроятно, его дочь, забредшіе сюда случайно. Минуты черезъ 2—свистокъ кондуктора (звонковъ ни на одной станціи нѣтъ) и мы продолжаемъ путь свой тѣми же садами... Станція Рамле.— Рамле, родина Іосифа и Никодима, въ древности былъ цвѣтущимъ городомъ, а нынѣ небольшое грязное мѣстечко въ 4000 жит., преимущественно мусульманъ. До устройства желѣзной дороги здѣсь была почевка русскихъ паломниковъ, направлявшихся изъ Яффы въ Іерусалимъ.—Со станціи и этого мѣстечка не видно, хотя оно совсѣмъ недалеко отсюда. Пассажировъ и публики нѣтъ. Поѣздъ трогается и покинувъ сады, снова идетъ по волнистой (Саронской) долинѣ, славившейся нѣкогда своимъ плодородіемъ. Горы становятся ближе и ближе и сдѣлавъ еще небольшую остановку, мы скоро вступаемъ въ глубокое горное ущелье. Поѣздъ извиваясь идетъ здѣсь еще медленно, пробираясь по узкому пробитому въ скалахъ и откосахъ пути. Высокія каменистыя горы обнажены, изрѣдка лишь встрѣчаются одинокіе кустики по скатамъ да дикая маслина на днѣ ущелья. Чувства наши, однако, притуплены крайней усталостію, а потому очень скоро перестаютъ занимать и эти обнаженные каменистыя откосы, упирающіеся въ небо, и обрывы и стремнины, надъ которыми нерѣдко проходитъ нашъ поѣздъ. Но вотъ дикое ущелье начинаетъ понемногу оживать. Направо въ отвѣршиѣ по подножію скалы красно ютится зеленѣющей горный поселокъ; еще не-

много и послѣдняя станція; до Иерусалима всего 12 верстѣ. Горы начинаютъ постепенно понижаться; около желѣзнодорожнаго пути одинъ за другимъ уже тянутся виноградники, встрѣчаются нерѣдко и молодыя фиговья деревья, а въ дали пологого откоса направо можно видѣть одинъ или два поселка съ купами маслинъ и померанцевъ. Вотъ и равнина. Съ волненіемъ смотримъ мы въ окна, желая увидѣть священный городъ; но напрасно: показались было впереди на мгновеніе какія-то постройки и тотчасъ же скрылись. Поѣздъ замедляетъ ходъ и останавливается: *Иерусалимъ*.

